

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

БАКУ — 1984

4

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 4

ИЮЛЬ — АВГУСТ

БАКУ — 1984

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г. А. АБДУРАХМАНОВ, З. А. АХМЕТОВ, Н. А. БАСКАКОВ, М. З. ЗАКИЕВ,
С. Н. ИВАНОВ, С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Х. Г. КОРОГЛЫ,
М. К. НУРМУХАМЕДОВ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Г. З. РАМАЗАНОВ,
И. С. СЕИДОВ (заместитель главного редактора), Э. Р. ТЕИИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
Б. Ч. ЧАРЫЯРОВ, М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор)

Ответственный секретарь — Н. Г. НАДЖАФОВ

© «Советская тюркология», 1984 г.

Технический редактор Б. А. Абдуллаев.
Корректоры А. А. Гусейнова, Л. Г. Гасанзаде.

Сдано в набор 24.08.84 г. Подписано к печати 22.01.85 г. ФГ 06567. Формат бумаги
70×108¹/₁₆. Бум. л. 3,5. Физ. печ. л. 11,2. Уч. изд. л. 10,4.
Заказ 9225. Тираж 2535. Цена 1 руб. 10 к.

Адрес редакции: 370143, Баку-143, просп. Нариманова, 31. Академгородок

Типография издательства «Коммунист», ул. Авакяна, 529 квартал.

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Х. Г. НИГМАТОВ

О КЛАССИФИКАЦИИ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Имеется целый ряд работ, посвященных различным аспектам классификации словоизменительных категорий в индоевропейстике и в общем языкознании. Большей частью это сравнительно-типологические исследования, в которых анализируются способы выражения одинаковых (или близкородственных) значений и функций в разносистемных языках [2; 14; 15; 21]. Формально-функциональная классификация грамматических категорий одного языка была разработана основоположниками московской лингвистической школы (Ф. Ф. Фортунатовым и А. М. Пешковским). Ее частично использовал Н. К. Дмитриев [8] применительно к фактам тюркских языков. В последнее время (после замечаний А. И. Смирницкого [19; 20] и А. А. Зализняка [9]) вопрос о формально-функциональной классификации грамматических категорий как особой проблеме был поставлен А. В. Бондарко [4; 5]. Однако классификация грамматических категорий тюркских языков специально не рассматривалась, хотя и был выдвинут ряд тезисов, связанных с определением места тех или иных словоизменительных категорий (общезвестные работы Н. А. Баскакова, работы В. Г. Гузева и Д. М. Насилова последнего времени [6; 7]). В настоящей статье предпринята попытка предложить предварительную схему классификации тюркских грамматических категорий. В работе учитываются особенности этих категорий, их многозначность и наличие у них сопряженных и синтезированных типов значений. Методика разработки такой классификации была изложена автором ранее [16]; она основывалась на диалектико-субстанционально-функциональном подходе к интерпретации грамматического строя тюркских языков, разработанном С. Н. Ивановым [10; 11].

Как и всякая классификация, классификация грамматических категорий может быть проведена по различным признакам — основаниям классификации. Чем больше оснований классификации, тем богаче наши знания о свойствах и отношениях классифицируемого объекта, тем больше получает он дефиниций, ибо каждое определение грамматических категорий в конкретных классификациях вскрывает лишь одну их сторону. По поводу наличия различных определений одного и того же предмета В. И. Ленин писал: «Дефиниций может быть много, ибо много сторон в предметах» [1, стр. 216], — при этом он особо подчеркнул мысль Гегеля о том, что «чем богаче определяемый предмет, т. е. чем больше различных сторон представляет он для рассмотрения, тем более различными могут быть выставляемые на основе их определения» [там же]. Именно такими «разносторонними» единицами и являются грамматические категории. Поэтому они могут быть классифицированы на основе

различных свойственных им признаков. Однако каждая отдельно взятая последовательная классификация должна проводиться «только по одному основанию» [12, 234] и смешивать в одной классификации разные признаки (то есть основания классификации) недопустимо [17, стр. 42].

Нами рассматриваются три автономные классификации грамматических категорий по следующим признакам: 1) по особенностям образования — коррелятивности/некоррелятивности [см. 4]; 2) по сфере функционирования грамматических категорий; 3) по синтаксическим потенциям грамматических категорий. Исследованию подвергаются категории числа, принадлежности, падежа, степени сравнения, степени признака¹, репрезентации², наклонения/времени, лица/числа³.

I. Классификация грамматических категорий по особенностям образования. В тюркских языках все грамматические категории, кроме категорий залога и степени признака, являются **последовательно коррелятивными**, то есть все формы определенной категории свободно образуются от всех лексических основ, с которыми могут вступать в синтагматическую связь показатели форм этой категории. Что касается категории залога, то она является **непоследовательно коррелятивной** (А. В. Бондарко), так как все формы залога не могут быть образованы от всех глаголов; на образование возвратного, страдательного и взаимного залогов накладываются значительные лексические ограничения, широко отмеченные в тюркологии [13; 18]. Непоследовательно коррелятивной является и категория степени признака, свойственная далеко не всем качественным прилагательным.

Непоследовательно коррелятивный характер категорий залога и степени признака, видимо, связан с лексико-грамматической природой этих категорий.

Таким образом, в тюркских языках основное большинство грамматических категорий по особенностям образования является последовательно коррелятивным, что связано, следует думать, с агглютинативностью ведущего способа выражения грамматического значения в этих языках.

II. Классификация грамматических категорий по сфере функционирования. По закреплённости, свойственности частям речи или членам предложения, в тюркских языках можно выделить следующие грамматические категории: 1) классифицирующие, 2) функционально-синтаксические, 3) классифицирующе-функциональные и 4) нейтральные.

Классифицирующие грамматические категории присущи определенной части речи. Они конструируют ее и характеризуют слова той части речи, к которой они относятся, во всех случаях реализации, независимо от роли и позиции лексемы в предложении. В качестве классифицирующих грамматических категорий можно рассматривать категорию залога, характеризующую и конструирующую глагол во всех

¹ Под категорией «степени признака» понимается система, свойственная значительному ряду качественных прилагательных типа узб. *saḡuŷ, saḡuŷ, saḡ-saḡuŷ* 'желтоватый, желтый, прежелтый'. О продуктивности формы ослабления признака типа *saḡuŷ/saḡuŷmtir* (см.: [22]).

² Под категорией репрезентации понимается нами (вслед за А. И. Смирницким) система функциональных форм глагола как единая категория. Данный термин удобен тем, что подчеркивает категориальное единство этих форм и устраняет тавтологию «форм функциональных форм глагола».

³ Иногда к формообразованию относят также разряды числительных и наречий, формы субъективной оценки и уменьшительности имен существительных. Однако их рассмотрение как особых формообразующих категорий спорно.

случаях реализации в речи, а также категорию числа — для имен существительных и степеней сравнения и категорию признака — для имен прилагательных (имеются в виду качественные прилагательные [17]).

Утрата словами определенной части речи классифицирующей грамматической категории данной части речи приводит к лексикализации и к переходу из одной части речи в другую (ср. утрату залоговых значений и форм именными и деепричастными формами глагола). При этом, однако, следует четко разграничивать нейтрализацию грамматической категории от ее полной утраты. В определенных позициях нейтрализации под воздействием различных факторов и условий (синтаксическое окружение, лексическое значение, широкий контекст) противопоставленные форм грамматических категорий может снижаться, ослабевать до нуля, однако в таких позициях грамматическая категория не исчезает, а лишь нейтрализуется. Смещение нейтрализации с утратой (или с отсутствием противопоставления) может привести к односторонним и недостаточно аргументированным выводам.

Функционально-синтаксические категории не закреплены за отдельной частью речи, а свойственны определенным членам (позициям) предложения, независимо от того, какой частью речи они выражены. Из грамматических категорий тюркских языков к ним относятся категории предикативности (модальность/наклонение/время, лицо/число, которые конструируют сказуемое предложения) и категория падежа (форма непредикативных членов предложения — подлежащего, различных видов дополнений и обстоятельств). Ими обусловлены:

во-первых, каждое слово, занимающее положение сказуемого (независимо от его морфологического оформления), всегда реализует значения наклонения/времени, лица/числа. Рассмотрение этих категорий как глагольных является чисто условным; они глагольны постольку, поскольку глаголу свойственны специфические сказуемостные формы — *verbum finitum*, которые в иной функции кроме сказуемого не реализуются. Поэтому глагольность категорий наклонения/времени, лица/числа является вторичной, производной от исключительной функции сказуемости: *verbum finitum*;

во-вторых, падеж как непредикативная категория в диалектическом единстве своих семантических и синтаксических сторон выступает в позициях, противопоставленных предикату (сказуемому), то есть в позиции подлежащего и дополнений. Противопоставление падежных форм внутри своей категории как средства выражения синтаксической связи наиболее отчетливо проявляется именно в этих позициях. Различные виды обстоятельства, выступающие в предложении в качестве детерминирующих членов предложения, занимают в структуре предложения периферийное место и слабо противопоставлены сказуемому. Поэтому в позиции обстоятельства синтаксическое противопоставление падежей значительно ослабляется за счет усиления их семантической функции, а в позиции сказуемого синтаксическая сущность категории падежа нейтрализуется полностью; парадигматическое противопоставление падежей как форм выражения синтаксических отношений снимается и реализуется только семантическая функция падежных форм.

В качестве классифицирующе-функциональной категории выступает категория репрезентации. Однако между категориями залога и репрезентации имеется существенное различие. Залог характеризует определенную лексему во всех случаях ее манифестации, а формы репрезентации (функциональных форм глагола) выступают как единицы лексико-функциональной категории и свойственны определенным позициям реализации конкретной части речи — глагола. Поэтому

они тесно связаны как с глагольной лексемой, так и с позицией ее реализации в предложении. Таким образом, категория репрезентации выступает в качестве включенного третьего в оппозиции классифицирующих и функционально-синтаксических категорий. Именно поэтому в результате сращения залогового показателя с корнем историческая залоговая форма может изменить свое лексическое значение, перейти из одного разряда глаголов в другой, но остаться как часть речи глаголом. Лексикализация же глагола в определенной функциональной форме приводит к утрате залогового значения, и лексикализованная слоформа переходит в разряд той части речи, с которой связана конкретная функциональная форма глагола (имени, наречия).

Нейтральной — не закрепленной ни за частями речи, ни за членами предложения — является категория принадлежности. Поэтому синтаксическая и семантическая сущности форм принадлежности могут реализоваться при словах всех изменяющихся (способных сочетаться со словоизменятельными аффиксами) частей речи и в любой позиции в предложении.

Подводя итог функциональной классификации грамматических категорий, следует сказать, что приобретение тем или иным словом значений и форм, классифицирующих грамматические категории, переносит его в разряд той части речи, которой свойственна данная грамматическая категория (ср. узб. *körganlar biladi* 'те, которые видели, знают'), а реализация словом значений функционально-синтаксических категорий не транспонирует слово из одной части речи в другую — эти значения могут реализоваться при всех словах, выполняющих одну и ту же синтаксическую функцию в предложении. Поэтому причастия (одна из именных форм глагола), когда они принимают падежные аффиксы и выступают в субстантивной и обстоятельственной функциях, не субстантивируются, также как не вербализуются имена при их реализации в качестве сказуемого, когда они выражают значения наклонения/времени, лица/числа.

Сущность категории принадлежности принципиально отличается от всех остальных грамматических категорий. Она не закреплена ни за частями речи, ни за членами (позициями) предложения. Поэтому на категории принадлежности базируется особый — посессивный строй словосочетаний и предложения, противостоящий номинативному строю, и категория принадлежности как фундамент посессивного строя противопоставит всем остальным категориям. Сущность этой категории вряд ли выводима из морфологии, так как семантический аспект форм принадлежности — синтезированные значения лица/числа — это суть окружение ядерной категории лица и числа [16] и, если из форм принадлежности изъять их семантическую сторону, то за ними останется синтаксическая функция сигнализации отнесенности словоформы, с которой все аффиксы принадлежности находятся в отношениях дополнительной дистрибуции. Поэтому сущность категории принадлежности тюркских языков следует искать в синтаксисе.

На основе предложенной выше классификации грамматических категорий можно сделать определенные выводы и о характере частей речи в тюркских языках. Несмотря на то, что исследователи выделяют от восьми до двенадцати знаменательных и служебных частей речи, классифицирующих грамматических категорий в тюркских языках немного. Из приведенных выше грамматических категорий залога, числа, степени сравнения и степени признака, безусловно, категориальным характером обладает только залог. Степени сравнения развиты не во всех тюркских языках, категориальный характер форм сте-

пени признака не бесспорен. Что касается категории числа, то она приобрела классифицирующий характер в исторически обозримое время и этот процесс еще далеко не завершен [ср. значения *Pluralis honorificus*, стилистически-усилительную функцию афф. *-lar*: ахугу *šarmandalar qylding* (Завкий)⁴ 'в итоге ты сильно опозорила меня', которая реализуется не только при именах существительных, но также и при глаголах]. Неразвитость классифицирующих грамматических категорий в тюркских языках свидетельствует, видимо, о том, что в них не только грамматические категории [ср.: 7], но и части речи характеризуются прежде всего семантическими особенностями.

III. Классификация грамматических категорий по признаку сигнализации синтаксических потенций — то есть сигнализации отнесенности словоформы к «предшествующему» или «последующему», отражающей линейный характер речи.

1. Категории залога, репрезентации, падежа, принадлежности, лица/числа как средства, способные выражать в рамках предложения отнесенность одной словоформы к другой, противостоят категориям числа, наклонения/времени, степени сравнения и признака, нейтральным по отношению к данному признаку. Нейтральность последних по отношению к этому признаку выражается в том, что изменение форм этих категорий в рамках предложения не влияет в целом на структуру предложения (словосочетания), однако в определенных позициях и эти категории могут выступать как средства связи частей целого — предложения с более крупными синтаксическими целыми. Именно эту функцию выполняет сопряженное употребление форм условного и повелительно-желательного наклонений, относительное употребление временных форм.

2. Категории залога, репрезентации, падежа, принадлежности, лица/числа, маркированные по признаку сигнализации отнесенности словоформы, образуют внутри себя трихотомическое деление:

а) грамматические категории, сигнализирующие отнесенность словоформы к «предшествующему» (залог и лицо/число);

б) грамматические категории, сигнализирующие отнесенность словоформы к «последующему» (категории падежа и деепричастные формы глагола);

в) грамматические категории, нейтральные по отношению к признаку отнесенности словоформы «к предшествующему» и «последующему» — категория принадлежности и именные формы глагола.

Объединяя II и III классификации грамматических категорий, получим следующую таблицу (см. стр. 8).

Из данной классификации грамматических категорий можно сделать вывод о том, что рассмотрение категорий падежа и принадлежности как именных, а наклонения/времени как глагольных является односторонним и значительно сужает рамки функционирования этих категорий. Исключительно предикативный характер категорий наклонения/времени проявляется и в том, что все временные формы глагола суть исторические именные формы в их предикативном употреблении. Данная классификация показывает также развитость функционально-синтаксических категорий, связанных с позициями членов предложения, что свидетельствует о синтаксической сущности многих категорий, оцениваемых как морфологические.

Взаимодействие двух синтаксически нейтральных грамматических категорий — именных форм глагола и принадлежности, выступающих основными средствами при различных трансформациях номинативных

⁴ «Узбек адабиёти». Тўрт томлик. Том IV. Биринчи китоб. Тошкент, 1960, стр. 261.

Таблица

КЛАССИФИКАЦИЯ ТЮРКСКИХ ФОРМ И КАТЕГОРИЙ

№№	Признаки Категории и формы	По синтаксическим потенциям				По сфере манифестации		
		Сигнализация				В позиции члена пред- ложения	У частей речи	В посесси- вом строе- нии
		Отнесенности словоформы			Ней- тральная			
		Выра- жена	К «после- дующе- му»	К «пред- шеству- ющему»				
1	Залог	+		+			+	
2	Именные формы глагола	+			+		+	
3	Деепричастия	+	+				+	
4	Падеж	+	+			+		
5	Принадлежность	+			+			+
6	Лицо/число	+		+		+		
7	Число	0					+	
8	Степени сравнения	0					+	
9	Степени признака	0					+	
10	Наклонение/время	0				+		

предложений в посессивные, сущность синтаксических единиц, объединяющихся вокруг центра, выраженного именной формой с аффиксами принадлежности, с субъектом в родительном падеже, требует всестороннего исследования на уровне новейших достижений науки, в системном сопоставлении с предложениями номинативного строя. Без такого коренного переосмысления вопроса успешное адекватное изучение синтаксического строя тюркских языков представляется нам маловероятным.

ЛИТЕРАТУРА

1. В. И. Ленин. Философские тетради. М., 1965.
2. М. Х. Алимова. Грамматический каузатив в узбекском, таджикском и английском языках. Автореф. канд. дисс., М., 1979.
3. В. И. Банару. Типы предикации во французском языке. Кишинев, 1980.

4. А. В. Бондарко. Формообразование, словоизменение и классификация морфологических категорий. — «Вопросы языкознания», 1974, № 2.
5. А. В. Бондарко. Классификация грамматических категорий. — В сб.: «Типология грамматических категорий», М., 1975.
6. В. Г. Гузев, Д. М. Насилов. К интерпретации категории числа имен существительных в тюркских языках. — «Вопросы языкознания», 1975, № 3.
7. В. Г. Гузев, Д. М. Насилов. Словоизменительные категории в тюркских языках и понятие «грамматическая категория». — «Советская тюркология», 1981, № 3.
8. Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1949.
9. А. А. Зализняк. Русское именное словоизменение. М., 1967.
10. С. Н. Иванов. Родословное древо тюрков Абу-л-Гази-хана. Ташкент, 1969.
11. С. Н. Иванов. Курс турецкой грамматики. Ч. I—II, Л., 1975, 1977.
12. Г. Клаус. Введение в формальную логику. М., 1959.
13. А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960.
14. «Морфологическая структура слова в языках различных типов», М.—Л., 1963.
15. «Морфологическая типология и проблемы классификации языков», М.—Л., 1965.
16. Х. Г. Нигматов. О характере грамматического значения тюркских форм и категорий. — «Советская тюркология», 1980, № 6.
17. Х. Г. Нигматов. Соотношение частей речи в восточнотюркском языке XI—XII вв. — «Советская тюркология», 1975, № 1.
18. Э. В. Севортян. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962.
19. А. Н. Смирницкий. Морфология английского языка. М., 1959.
20. А. Н. Смирницкий. Древнеанглийский язык. М., 1955.
21. «Языковые универсалии и лингвистическая типология», М., 1969.
22. А. Н. Кононов. Isimlerin ve sıfatların küçülme şekilleri ve söz yapımı. XI Türk Dil Kurultayında okunan bilimsel Bildirgiler. Ankara, 1968.

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

Н. А. БАСКАКОВ

О ТЮРКСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЯХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

(ПО СТРАНИЦАМ «ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА»
М. ФАСМЕРА. ТОМ II)

К общим методическим замечаниям к самой технике этимологического анализа тюркизмов в русском языке, включенных в состав словарных статей «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера, следует отнести лишь отсутствие в некоторых словарных статьях ссылок на язык-источник данного тюркизма (имеется в виду монгольская, арабская и иранская лексика, проникшая в русский через тюркские языки), а также указаний на конкретный тюркский язык или группу тюркских языков, из которых данное слово проникло в русский. В отдельных статьях, посвященных тюркизмам, отсутствуют также ссылки на языки-посредники, через которые данный тюркизм попал в тюркские языки, и на те, через которые в дальнейшем он был заимствован русским языком.

Естественно, что большинство этимологий тюркских заимствований, включенных в «Словарь» М. Фасмера, в данной статье не затрагивается, поскольку они с тюркологической точки зрения сомнений не вызывают. Ниже приводятся только те тюркизмы, которые требуют дополнительного этимологического анализа с учетом всех возможных гипотез их происхождения. Только в редких случаях ставится вопрос о тюркском происхождении некоторых русских слов, возможное отношение которых к тюркизмам не отмечено в «Словаре».

Замечания к словарным статьям даются в сжатом виде после краткого определения слова и его этимологии, цитируемых по «Словарю», с указанием на том и страницу. К каждому анализируемому слову приводятся либо возможные гипотезы о новой его этимологии, либо даются дополнительные объяснения к этимологиям, предложенным в «Словаре».

Жулик — «В русском арго жулик имеет значение 'ученик преступника', 'маленький острый нож'... последнее значение, вероятно, является первичным, потому что *жулить* 'резать' связано с болг. *жуля* 'царапаю, тру, обдираю...'» [II, стр. 65].

Однако слово *жулик* вполне возможно считать и тюркским заимствованием. Интересную этимологию этого слова в свое время предложил И. Г. Добродомов, считающий, что оно попало в русский язык через московское просторечье из какого-то старочувашского диалекта, ныне не сохранившегося, реконструированного автором в форме *зёлок*, с ударением на первом слоге, сначала в значении «нож». В результате восприятия русскими конечного элемента слова как словообразовательного аффикса *-ик* и выделения основы *жул'* позже образовались глаголы

жулить, жульничать, существительные жульё, жулябия и в том числе жулик.

Сближая реконструированную чувашскую форму *зёлок* с общетюркским глаголом: др.-тюрк. *jüli-* 'брить' [2, стр. 286], тур. *jülü-* 'брить, удалять волосы', кумыск. *jülü-* 'брить' и т. д., от которого произошли названия орудий действия: др.-тюрк. *jüligü* 'бритва' [2, стр. 287], половецк. *jülügüč* 'бритва' и т. д., И. Г. Добродомов считает, что слово *жулик* в значении «нож» восходит к указанным выше производным словам.

Если русское слово «жулик» считать тюркским заимствованием, то первичным скорее всего было его значение «жулик, мошенник, грабитель», производное из русского глагола *жулить* 'обдирать, сдирать кожу, мошенничать в играх' [3, I, стр. 547] (ср. сербохорватское *жулити* ~ *гулити* перен. 'грабить, обдирать' [4, стр. 113, 180]). Возможно, что этот глагол как в русском, так и в сербохорватском языках был заимствован из тюркских кыпчакских языков, например, ногайского, крымско-татарского в форме *jül-~žül-~džül-*; ср. *žül-* 'рвать, вырывать, срывать' [5, стр. 260] или *jul-* 'отнимать, захватывать' [2, стр. 277].

Таким образом, нам представляется правомерным считать, что семантическое развитие этого слова связано не с существительным «нож», а с глаголом *жулить* 'обдирать, отнимать, захватывать, мошенничать в играх и т. д.', от которого, естественно, и образовалось слово «жулик». Что же касается значения слова «жулик» в русском арго «маленький острый нож», то это, скорее, вторичное его значение, указывающее на незаконно скрываемый предмет, ср. русское современное просторечное: «жулик» — электрический патрон в электросчетчике, приспособленный для хищения электроэнергии.

Жупан II — «короткий теплый, верхний кафтан, заимств. из ит. *giuppone*, *giubbone*, увелич. от ит. *giuppa*, *giubba*, франц. *jure*» [1, II, стр. 66]. Здесь следовало бы указать на то, что общим источником как для итальянского *giuppone*, *giuppa*, *giubba*, французского *jure*, так и русского «жупан» было арабское слово *džubba* جوبه. Не исключена возможность своеобразной контаминации в заимствовании слов «жупан», «жупун», «зипун», «запан» через тюркск. *šarap* ~ *šorap* ~ *šarap* ~ *šorap* 'халат'.

Има — «настоятель мечети [4 и др.]. Заимствовано из тур., тат., чагат., *imat* 'магометанский священник'» [6, I, стр. 1773; 1, II, стр. 128]. Источником этого слова является арабск. *imat* إمام 'руководитель, впереди стоящий'. Нельзя, видимо, сближать это слово с *imat* 'истинная вера' [7, стр. 142], так как арабск. *amen* , *imat* и *imat* имеют значения: первое — «верить в бога», а второе — «быть впереди».

Ишан — «мусульманское духовное лицо» [3], заимствовано из тат., чагат. *išan* 'святой, набожный человек' [6, I, стр. 1550; 1, II, стр. 146]. Некоторые тюркологи сближают это слово с тюркским, чагатайским *išan-* 'верить, иметь доверие' [8, I, стр. 196; 7, стр. 144], но вероятнее происхождение этого слова в значении «духовное лицо» из эвфемизма < персидск. *išan* ایشان 'они' [8, I, стр. 196], то есть языком-источником в данном случае является персидский язык.

Казна — «Заимств. из тур. *haznā*, тат. *hazinā*» [6, II, стр. 1689; 1, II, стр. 160]. Здесь языком-источником является арабский — خزينة *hazina*.

Канура, конура — «Из *ка-* (см. кто) и *нура*, др.-польск. *пуга* наряду с *нора*; ср. далее *нырять*» [1, II, стр. 182]. Совершенно прав Ф. Е. Корш в том, что это слово заимствовано из калм. *хониг* 'ночлег, гнездо' ~ монг. *qongig* 'ночлег' через тюркское посредничество. Корень

этого слова является общим для монгольских и тюркских языков — *qop* — ‘остановиться на ночлег’; ср. чагат. *qonıyā* ‘ночлег’; алт. *qop-ıg* ‘ночлег, ночевка’ [*peş qonıg alty qonıg* ‘(расстояние) в пять-шесть ночёвок’]. Таким образом, русское «конура» происходит либо из калмыцкого *хониг*, либо непосредственно из тюркского, например, из кыпчакского *qop* — ‘останавливаться на ночлег’ + *-ıg* — аффикс причастной, в данном случае субстантивированной, формы >*qop-ıg* ~ монг. *qop-ıg* ~ калмык. *хониг* ‘ночлег, ночёвка, гнездо’ + русское окончание *-а* > *конура*.

Канторга — «пряжка, застежка» [1, II, стр. 187]. Этимология не дана, хотя происхождение этого слова довольно ясное, а именно: из чагат., тат. *qar-tug-* ‘заставить поймать, ловить, подцепить’ + *-ya* — аффикс, образующий имя результата действия >*qar-tug-ya*; ср. ту же основу с другим аффиксом в том же значении результата действия, аффиксом *-ta* > алтайск., татарск. *qar-tug-ta* ‘петлица, крючок, застежка’ [8, II, стр. 3; 9, стр. 72].

Каптура — «головной платок, капюшон» [1, II, стр. 187] и *каптырь*, *кафтырь* ‘покрывало монашеской камилавки у староверов’ [1, II, стр. 188]. Эти слова также заимствованы из чагат., татарск. *qar-tug-* ~ *qar-tug-* — глагольной основы в форме повелительного залога от корня *qar-* ‘захватывать’ + *-tug* ~ *-tug* — аффикс повелительного залога >*qar-tug-* ‘заставить поймать, ловить, подцепить’, а также та же основа с другими аффиксами *-ya*, *-sa*: *qar-ya*, *qar-sa* — ‘охватить, окружать, обнять’ [8, II, стр. 2]; ср. алтайск. *qar-sa* ‘нападать, окружать, обхватывать, насильно удерживать’ [9, стр. 72]. Некоторые из приведенных форм, а именно полная *qartuγaj* и неполная *qartug*, даются М. Фасмером, но с оговоркой, что данное объяснение происхождения слов *кантурга* и *кантырь* — «не лишено погрешностей». Однако именно эта этимология как с фонетической, так и семантической стороны является наиболее правомерной. Та же основа глагола *qar-* с теми же значениями входит в основу производных имен чагат., татарск. *qartuγaj* ‘большой глубокий мешок’ [8, II, стр. 13] и алтайск. *qartuγa* ‘патронташ’, *qartuγa* ‘ящик для ниток, пуговиц и иголок’, *qartuγta* ‘кожаный мешок для пуль’ [9, стр. 72]. Ср. *кантурга* ‘мешок для дробы и ружейных пуль’ [1, II, стр. 188].

Все эти основы: *канторга*, *каптура*, *каптырь* восходят к общему синкретичному тюркскому корню *qar* ~ *qar-*, имеющему, с одной стороны, значение имени *qar* ‘мешок, куль, сосуд’ [8, II, стр. 1], а с другой — глагола *qar-* ~ *ногайск.* *qara-* ‘закрывать, загонять’ [10, стр. 145]; ‘схватить, похитить’ [8, II, стр. 3] — производные словообразовательные модели имени: *ногайск.* *qaraq* ‘крышка’ [10, стр. 145]; чагат., татарск. *qar-tug-ta* ‘петлица, крючок, застежка’, *qartuγaj* ‘большой мешок’, *qartuγa* ‘патронташ, чемодан, колчан’ [8, II, стр. 2, 3]; производные глагола: *qar-tug-* ‘заставить ловить, поймать’ и т. д. [8, II, стр. 3].

Каяла — «река на юге Руси, „Слово о полку Игореве“, из тюркск. *kajaly* ‘скалистая» [1, II, стр. 216].

Общепризнанная в настоящее время этимология р. Каяла <*qaja* скала + *-ly/-li* — аффикс обладания >*qaja-ly* ‘скалистая’ [11] вызывает некоторые сомнения с той точки зрения, что эпитет «скалистый» может относиться только к берегу реки, а не к самой реке, и, следовательно, представляется по существу невозможным отнести это название к реке.

Вероятнее всего, название реки Каялы связано с другими ее признаками и в первую очередь с природными условиями, например, с характерной для этой реки флорой и фауной. Весьма возможно, что название реки Каялы происходит от названия растения <*qujyaq* ~ *qujaq* ~ *quja* ~

qaja 'княк, болотное растение с режущими листьями, рогоз, палочник' [12, стр. 468; 5, стр. 434; 13, стр. 317; 14, стр. 479] + -ly/-li — аффикс обладания > qaja-ly 'изобилующая болотными растениями с режущими листьями, осокой, кугой' [15]. Само же слово qujraq ~ qujaq ~ quja ~ qaja является производным от глагола quj- 'резать, срезать наискось' + -aq/-aq/-q/-a — аффикс результата или орудия действия > quj-raq ~ quj-aq ~ quj-a ~ qau-a 'то, что режет, срезает' > осока, трава с режущими листьями' [14, стр. 479]. Что же касается возражения К. Менгеса о том, что «тюркское [y] не проявляется как [a] на русской почве, в отличие, например, от сербо-хорватского языка» [11, стр. 102], то следует отметить, что это соответствие не только весьма часто проявляется в русских заимствованиях (ср., например, русск. *шашлык* < тюркск. *şüşlyq* или русск. *аргамак* < тюркск. *агуптақ* 'жеребец', или русск. *таракан* < тюркск. *taŋuq-qan* и многие другие примеры), но оно неустойчиво и в самих тюркских языках, ср., например, то же самое слово qaja 'скала', в киргизском оно реализуется в форме quja, а в других тюркских языках в форме qaja или, например, слова *jalaŋaş ~ jyłaŋaş ~ jyłaŋač* 'голый'; *qarlayaş ~ qur-lanpuš* 'ласточка' и многие другие. В равной степени К. Менгес ошибается и в отношении возможности перехода VɣV > VjV, который, вопреки его возражению, весьма часто встречается в тюркских языках, ср., например: *ayul ~ ajul* 'аул'; *syuyut ~ syujut* 'корова'; *juyun ~ žujun* 'собрание' и т. д.

Из других возможных этимологий для р. Каялы могут быть: 1) quj-qu > quju 'берег реки, край, предел, узкая полоса берега между скалами и рекой' [6, II, стр. 715] + -ly/-li — аффикс обладания > qujuqly ~ qujuily 'с узкой полосой берега между скалами и рекой' или 2) от основы qujuq > quju тат., каз. qujuq 'искривление, изгиб, кривой, косой, извилистый' + -ly/-li — аффикс обладания > qujuqly ~ qujuily 'извилистая, с изгибами'.

Киргиз — «название тюрк. народа — от казах., кирг., тур., азерб., крым.-тат., қуғ 'пустыня, поле'» [6, II, стр. 783] и *gizmāk* 'кочевать' [1, II, стр. 237]. Для тюркских языков словосочетание қуғ 'пустыня, поле' + *giz* 'кочуй' — неправомочно. Более вероятным представляется происхождение этнонима қуғуыз < древнетюркское қуғуи ~ қуғуу 'красный' + *oγuz* ~ *γuz* ~ *γuz* 'огуз' — название племени, қуғууγуз > қуғуыз 'красные огузы'. По соответствию названий цвета странам света у древних уйгуров — қуғуыз 'южные (красные) огузы', а у буддистов — қуғуыз 'западные (<красные) огузы' [16]. Существуют и другие этимологии этнонима «киргиз» [17].

Ковыль — «Растение *Stipa pennata capillata*... родственного гот. *hawī* 'сено'...» [1, II, стр. 273]. Представляется возможным заимствованием из тюркских языков, хотя имеющаяся, предложенная К. Менгесом, этимология: *ковыль* < *qomtu* -l 'волноваться, быть возбужденным' + аффикс -l > *qomtu-l* 'волнение, колеблющийся, колыхающийся' [11] является маловероятной. Наличие палатального *l*- в русской адаптации этого слова предполагает исходную основу с передними гласными, например, *kōwil*, которую можно сопоставить с тюркским словом *kōgil ~ kō-gül ~ kōwil ~ kōwül* < чагат., тур., узб. *kök* 'зеленый, зелень, луг, трава' ~ монг. *kūke* 'зелень, трава' [8, II, стр. 157] + -l/-il — аффикс, указывающий на наличие данного признака > *kōwil ~ kōwül* 'зеленоватый, имеющий зеленоватый, сероватый цвет' > русск. «ковыль».

Коза — «родственно алб. *keth*, *kedhi* 'козленок'» [1, II, стр. 277]. Возможно, что «коза» и «козел» — заимствованы из тюркских кыпчакских языков, ср. *ногайск.*, каз. *qozy* 'ягненок' и производное от него *qozyly qoj* 'трехлетняя овца'. Для русского «коза» послужило основой *qozy*,

но в адаптации «коза», так как «козы» имело бы значение родительного падежа или множественного числа от слова «коза».

Котора — «ссора, распря». В «Словаре» М. Фасмера приведено несколько, как нам представляется, маловероятных этимологий [1, II, стр. 353]. Происхождение этого слова, безусловно, восходит к древнему тюркскому заимствованию из половецкого языка, встречающемуся в русском языке XI—XII веков и в частности в «Слове о полку Игореве» [18].

Слово «котора» ~ «котера» генетически связано с тюркской, кыпчакской основой глагола *köter-* 'поднимать', ср., например, ног., каз. *baş köter-* 'волновать, восстать, стать мятежником'. Основа этого глагола *köter-* ~ *kötör-* ~ *göter-* ~ в татарском *kütär-* с производными *köterilis* ~ *köterilis* 'восстание, мятеж' связано также с другими тюркскими заимствованиями в русском языке — «кутерьма» < татарск. *kütärmä* 'подъем' [19, стр. 28]. В татарском языке *kütärilüw* 'восставать, задиаться' [20] также происходит от основы *kütäril-* 'подниматься' < *kütär-* 'поднимать' + *-il* — аффикс страдательного залога, а непосредственно от глагола *kütär-* + аффикс *-mä* > *kütärmä* происходит русское «кутерьма». Ср. также древнерусское «котороч» 'задира' [21, I, стр. 1301] от того же глагола *köter-* + аффикс, образующий имя действия *-iw/-üw* + аффикс имени действующего лица *-čy/-či* > *köterüwči* 'поднимающий восстание, мятежник'.

Само же слово «котора» ~ «котера» восходит к имени действия от глагола *köter-* + аффикс *-üw* > *köterüw* 'мятеж, восстание'. Другое же русское заимствование — «кутерьма» восходит к производной форме результата действия от того же глагола в татарской его форме *kütär-* + аффикс *-mä* > *kütärmä* 'волнение, суматоха'. Те же исходные формы и в тех же значениях даны и в половецком словаре «Codex Cumanicus» [22], ср., например: *kötürül-* (Coturul-) 'emporgehoben, aufgehängt werden' [там же], или *köter* ~ *kötür* *erheben* [там же] и в современных тюркских кыпчакских языках, например, в ккалп., каз., ног. и др. *köter* 'поднимать'; *köterilis* 'восстание, стачка, забастовка' [5, стр. 339] или ног. *ba-qurıq köterilis* 'поднять тревогу, устроить скандал' [10, стр. 181]; ср. также татарск. *baş kütär-* 'восстать' [20, стр. 343].

Таким образом, *котора* ~ *котера* < *köterüw* ~ *kötörüw* восходит к тюркским, кыпчакским субстантивным глагольным формам *köterüw* ~ *kötögüw*, которые в русском языке обычно адаптируются в формах *котора* ~ *котера*, так как в тюркской огласовке последнего слога им соответствовали бы формы *котору* ~ *котеру*, то есть винительный падеж от форм *котора* ~ *котера*, ср., например, алт. топоним *Бирюля* (алт. *börülü*) или *Еланда* (алт. *djylandu*) и т. п.

Несомненно, тюркский, кыпчакский глагол *köter-* ~ *kütär-* является общей основой также и для следующих тюркизмов в русском языке: *кутерга* 'вьюга, сумятица' [1, II, стр. 434]; *кутерьма* 'суматоха, неразбериха' [там же] и *куторга* 'сильный порыв ветра' [там же, стр. 435].

Кочан — «венг. *kocsany* происходит, по-видимому, из сербо-хорватск...» [1, II, стр. 356]. Слово «кочан» восходит к тюркскому, кыпчакскому глаголу *quš-* ~ *quš-* 'обнимать', тат. *quš-*. Ср. ккалп. *quš-* 'обнимать, обхватывать'; *quşaq* 'охапка' [5, стр. 418]; алтайск. *quşaq* 'охапка, объятия'; [9, стр. 97]; тат. *quşaq* 'объятия, охапка' [20, стр. 288]; тур. *quşaq* 'сноп, связка', *quşap* 'сердцевина в плодах' [8, II, стр. 71]. Слово «кочан», таким образом, является также производным от глагола каз. *quš-*, тат. *quš-* + аффикс *-an*, образующий «форму результата или орудия действия» [23, стр. 324]. Что касается соответствия *o* ~ *и* в основе данного глагола, то оно является вполне правомерным.

Кочерга. Несмотря на возражения М. Фасмера [1, II, стр. 358], это слово в русском языке все же является тюркским заимствованием, которое, однако, не имеет общей основы со словом «кочан», так как происходит от другого тюркского, кыпчакского глагола *köşür~köşer*, татарск. *küser* — «перемещать, передвигать» [20, стр. 344; 10, стр. 183]. В подтверждение этой этимологии приводится ногайск. *köşerge* «палка с железным крюком» [19, стр. 44] — приспособление для укладки груза вьючного животного, лошади, верблюда, встречающееся у ногайцев, каракалпаков и казахов. Модели этого слова и соответствует русское «кочерга».

Курелок — «форма, вид» [1, II, стр. 425]. Уточняя этимологию О. Прицака, приведенную редактором русского перевода «Словаря» М. Фасмера, следует привести форму *kögüwlik* от глагола *kög~kür* — «видеть» + *-üw* — аффикс имени действия и + *-lik* — аффикс именного субстантива > *kögüwlik~kürüwlik* «вид, форма», что представляется более вероятным чем этимология, предложенная О. Прицаком, то есть *kög~kür* — «видеть» + *-il* — аффикс страдательного залога + *-ik* — аффикс имени результата действия > *kögilik~kürilik*. Последняя форма представляется искусственной, в то время как форма *körüwlik~kürüwlik* — вполне правомерна.

Кутёнок — едва ли это слово возникло из звукоподражания, как предполагает М. Фасмер [1, II, стр. 433]; оно, безусловно, восходит к тюркск., кыпчакск. *küçük* [14, стр. 434]; *küşük~küşik* [10, стр. 196; 5, стр. 346] «щенок, волченек, тигренек» — в русской адаптации > *кучёнок > *кутёнок*.

Мокоша — «домовой в образе женщины...» [1, II, стр. 640]. Возможно, что это слово представляет собой заимствование из тюркских языков. Этимологически это слово может быть связано с киргизским *моқоёо~моқоёо* «бука, чудище» (Ср. *Моқоёо kele atat* «смотри, буква идет» [14, стр. 530]) или каз. *туқаşу* «людоед, страшилище» (сообщил проф. А. Х. Маргулан). Весьма вероятно, что все эти значения связаны также со сказочными мифическими чудовищами, например, алтайск. *моуш* или монгольск. *тапгус~тongus*, которые в тюркской и монгольской мифологии известны как в мужских, так и в женских образах [24, стр. 186].

Все указанные выше замечания к некоторым этимологиям тюркских заимствований в русском языке, данным во втором томе «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера, мы рассматриваем как некоторый материал для сопоставления и истолкования трудных для этимологизации слов, способствующий уточнению их значения и происхождения.

ЛИТЕРАТУРА

1. М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. I—IV, М., 1964—1973.
2. «Древнетюркский словарь», Л., 1969.
3. В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I—IV.
4. И. И. Толстой. Сербо-хорватско-русский словарь. М., 1957.
5. «Каракалпакско-русский словарь», М., 1958.
6. В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. Т. I—IV, СПб, 1893—1911.
7. Е. И. Шипова. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976.
8. Л. З. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т. I—II, СПб, 1869—1871.
9. «Ойротско-русский словарь», М., 1947.
10. «Ногайско-русский словарь», М., 1963.
11. К. Г. Менгес. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979.

12. «Казахско-русский словарь», Алма-Ата, 1964.
13. «Турецко-русский словарь», М., 1975.
14. «Киргизско-русский словарь», М., 1965.
15. Н. А. Баскаков. Тюркизмы — социальная терминология в «Слове о полку Игореве». — В кн.: «Turcologica», Л., 1976.
16. Н. А. Баскаков. К происхождению этнонима «киргиз». — «Советская этнография», 1964, № 2.
17. А. Н. Кононов. Еще раз об этнониме «киргиз». — В кн.: «Тюркологические исследования», Фрунзе, 1970.
18. Н. А. Баскаков. Еще о тюркизмах «Слова о полку Игореве». — В кн.: «Слово о полку Игореве». Памятники литературы и искусства XI—XII веков», М., 1978.
19. Н. К. Дмитриев. О тюркских элементах русского словаря. — «Лексикографический сборник», т. III, М., 1958.
20. «Татарско-русский словарь», М., 1966.
21. И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I—III, СПб., 1893—1903.
22. K. Grönbech. Komanisches Wörterbuch. Kopenhagen, 1942.
23. Э. В. Севортян. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966.
24. Н. А. Баскаков. Мифологические и эпические имена собственные в «Слове о полку Игореве». — «Восточная филология», т. III, Тбилиси, 1973.

сло
опр
дав
во
сар
ны
'бо
гал
кр
жи
27,

без
ши
их

ры
ма
обр
дел

дру

ан
тур

вза
до
во
[4]

но
на
за
ма
не

но
2 «

И. В. ДРОН

ТЮРКСКО-ВОСТОЧНОРОМАНСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ

(ГАГАУЗСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ ПО СКОТОВОДСТВУ МОЛДАВСКОГО
ПРОИСХОЖДЕНИЯ)

Материальная и духовная культура гагаузов Бессарабии¹, в силу сложившихся исторических условий, с начала XIX века подверглась определенному влиянию культур соседних народов и прежде всего молдаван, украинцев, болгар, русских. Это влияние прослеживается почти во всех сферах человеческой деятельности. В частности, в Южной Бессарабии гагаузы, используя опыт молдаван, стали возводить трехкамерные жилища, пристраивая к двухкамерному новое помещение *бйук ев* 'большая комната'. Заимствованными у молдаван являются и открытая галерея вокруг дома (*сундурма*), к которой пристраивали выносное крыльцо, конструкция различных хозяйственных построек, убранство жилища, а также термины для обозначения этих реалий [16, стр. 200; 27, стр. 42 — 144].

Из молдавской одежды гагаузами были заимствованы: меховая безрукавка (*кептар*), зимние мужские штаны с мехом (*панталонь*, *мешинь*), женские головные платки (*бариз*, *шалинка*), а также способы их повязывания (*влашка*) [17, стр. 66, 71].

Молдавское влияние отразилось и в гагаузских названиях некоторых блюд; ср.: *малай* 'хлеб из смеси кукурузной и пшеничной муки'; *мамалыга* 'мамалыга', *колаший* 'калачи'. В гагаузские рождественские обряды вошли заимствованные у молдаван колядки (гаг. *колада*; *коладеле*).

Из молдавского языка в гагаузский перешло большое количество и других лексем².

Заимствования восточнороманского происхождения встречаются в антропонимии [3, стр. 604—611], зоонимии, топонимической номенклатуре³ и в музыкальном фольклоре гагаузов [23, стр. 89—90].

Упомянутые заимствования, как и вопросы молдавско-гагаузских взаимосвязей в целом, до сих пор не стали предметом специальных исследований [10]. Фрагментарные данные о гагаузских заимствованиях из восточнороманских языков встречаются лишь в работах М. Н. Губогло [4] и Л. А. Покровской [31].

Наряду с этим следует отметить и определенное влияние, оказанное гагаузами на культуру молдаван, проживающих в некоторых районах юга Молдавии и Одесской области УССР. Гагаузские традиции оказали некоторое влияние на развитие молдавского национального костюма и народных обрядов на юге Бессарабии [16, стр. 201]⁴, распространение некоторых методов овцеводства и шелководства.

В данной статье рассматривается скотоводческая лексика и терминология, заимствованная из молдавского языка в центральный диалект

гагаузского языка. Нами использован здесь материал Гагаузского словаря [3], работ М. Н. Губогло [4], Л. А. Покровской [31], а также полевые записи, сделанные нами в 1979—1981 гг. у жителей гагаузов г. Комрат, сёл: Баурчи (Каушанского района), Гайдар (Чадыр-Лунгского района), Дизгинжи (Комратского района), Кириет-Лунга (Бессарабского района)⁵.

Основная масса гагаузов СССР (138 000 чел. [29, стр. 25]), 80% от общего их количества, проживает в южных районах Молдавской ССР (Бессарабском, Вулканештском, Кагульском, Комратском, Каушанском, Леовском, Тараклийском, Чадыр-Лунгском, Чимишлийском) почти совпадающих по нынешнему административному делению с округами, учрежденными в Бессарабии в декабре 1819 года для расселения болгар, гагаузов и других задунайских переселенцев [18, стр. 545—547].

На территории Молдавии гагаузы живут в 32 населенных пунктах (полный список гагаузских населенных пунктов см.: И. В. Дрон [11]), в шести из них — совместно с молдаванами, болгарам или украинцами (Бурлачены — гагаузы, молдаване, украинцы; Кирсово — гагаузы, болгары; Николаевка — гагаузы, молдаване; Питешты — гагаузы, молдаване, болгары; Чадыр-Лунга — гагаузы, болгары; Чалык — гагаузы, молдаване, болгары)⁶.

Расположение населенных пунктов с гагаузским населением на территории МССР позволяет выявить характер связей гагаузов с соседними этническими группами.

Наиболее тесные контакты гагаузов с молдаванами с начала XIX века наблюдались на территории Комратского района [27, стр. 19], где из 28 населенных пунктов 9 гагаузских (в Кирсове гагаузы проживают совместно с болгарам), одно украинское село — Ферапонтьевка, в остальных проживают молдаване⁷.

Межэтнические контакты гагаузов и молдаван отразились на локальных особенностях многих сторон материальной и духовной культуры гагаузов.

Говоры гагаузов Бессарабского, Каушанского, Комратского, Тараклийского, Чадыр-Лунгского и Чимишлийского районов МССР относятся к так называемому центральному (ведущему) диалекту гагаузского языка, в котором часть тюркской лексики вытеснена славянскими и молдавскими восточнороманскими словами, а многие слова арабского и персидского происхождения, проникшие в диалекты гагаузского языка через посредство турецкого, вышли из употребления [31, стр. 14].

Гагаузская терминология по скотоводству, являющаяся в своей основе тюркской [4, стр. 226—236], представляет собой довольно развитую лексическую систему, истоки которой уходят вглубь веков, к эпохе, когда предки гагаузов вели кочевой образ жизни и занимались преимущественно скотоводством [7, стр. 51—60].

Восточнороманская и, в частности, молдавская терминология по скотоводству также представляет собой развитую лексическую систему⁸.

Межэтнические контакты между молдаванами — восточными романцами и гагаузами — тюрками, стали особенно тесными после 1806—1812 годов и привели к разнообразным лексическим взаимопроникновениям, в том числе и в области скотоводческой терминологии.

Проведенный нами предварительный анализ лексических заимствований в области скотоводческой терминологии позволяет заключить, что большинство гагаузских заимствований из молдавских говоров это — термины овцеводства. К таковым относятся:

‘ста
тем
тем

вен
же
тем
ние

упо
ны
ки’
тем
нак
хы
в в
над
про

при
нам
гла
(<
жа’
(<
и в
‘ов’

стр
ра
ты
лю
ру
ско
яз
зна

бб.
гау
та
за’
ре
за’
зы
све
ов
за
ми
та
по
ето
ва
с б

2*

а) термины, указывающие на профессиональные занятия: *бач** 'старый чабан, занимающийся приготовлением брынзы' (<молд. *бач* с тем же значением), *струнгър** 'помощник чабана' (<молд. *струнгар* с тем же значением);

б) термины, указывающие на временные или постоянные хозяйственные постройки: *бордэй* [3] 'шалаш', 'землянка' (<молд. *бордей* с тем же значением)⁹, *струнга* [3] 'загон для дойки овец' (<молд. *струнгэ* с тем же значением), *шопрón* [3] 'навес' (<молд. *шопрон* с тем же значением);

в) термины, указывающие на наименование вещей и предметов, употребляемых в повседневной пастушеской жизни: *крýнта** 'деревянный сосуд прямоугольной формы, служащий для сцеживания сыворотки' (<молд. *кринтэ* с тем же значением), *кýпа** 'чаша' (<молд. *купэ* с тем же значением), *кырлйг** // *кырлйга* [3] 'пастушья палка с железным наконечником в виде крючка' (<молд. *кырлиг* с тем же значением)¹⁰, *хырзób** 'сетка, плетенная из прутьев (металлических или деревянных) в виде круга' (<молд. *хырзоб* с тем же значением); *хырзоб* ставится над кадкой и накрывается грубым полотном или марлей, через которую процеживают молоко;

г) термины для определения овец по внешним отличительным признакам: *вákла* [3] 'овца с желтыми, коричневыми или черными пятнами у глаз' (<молд. **оаклэ/оакешэ* 'белая овца с черными кругами у глаз')¹¹, *бухнáта** 'овца с обильной длинной шерстью вокруг мордочки' (<молд. *бухнатэ* < *бухнэ/бухэ* 'филин'; ср. и молд. *бухнялэ* 'надутость'), *жáрка** 'старая, ослабевшая овца; овечья шкура низшего качества' (<молд. *жаркэ* с тем же значением. Гагаузское слово *жарка* отмечено и в Гагаузском словаре [3], но только со значением 'овца'), *кистрóй** 'овца или баран с «веснушками» на мордочке' (<молд. разг. *кистрóй* // *кистрóй* 'веснушка'; ср. литературное *пýстру* 'белшерстный баран с черными пятнами на мордочке'), *курнýта** 'баран с рогами; рогатый' (<молд. *корнутэ/курнутэ*), *мы́ндра** 'овца, которая не пугается людей' (<молд. *мындрэ* 'прекрасная; гордая'), *цигаé** 'овца с тонко-рунной шерстью' (<молд. *цигае* 'овца с мягкой шерстью'; ср. и гагаузское *цигейка* [3] 'овца цигайской породы', заимствованное из славянских языков), *чýла* [3] 'овца с маленькими ушами' (<молд. *чулэ* с тем же значением).

К заимствованной овцеводческой терминологии относятся и слова: *бóлфа** 'опухоль у овец в области головы и шеи' (<молд. *болфэ*; в Гагаузском словаре отмечено *бóлха* 'название опухоли на шее волон' [3], также заимствованное из восточнороманских языков), *брынза** 'брынза' (<молд. *брынзэ* с тем же значением, указанный термин в разговорной речи гагаузов употребляется наряду с гагаузским *пиинýр* 'овечья брынза'), *далáк** — слово с уничижительным значением, которым чабаны называют овцу (<молд. *далак/дэлак* с тем же значением), *каш* [3] 'круг свежего сыра' (<молд. *каш* 'свежий сыр'), *кашкавáл* [3] 'копченый овечий сыр' (<молд. *кашкавал* с тем же значением; слово *кашкавал* заимствовано и в турецкий язык, наряду с другими словами, связанными преимущественно с оседлой земледельческой культурой, такими как: *masa* 'стол', *sóba* 'печь', *kaşar/kaşer* 'овечий сыр' и другие. Это слово, по мнению советского исследователя Д. Е. Еремеева [13, стр. 152], является восточнороманским заимствованием. *Кашкавал* отмечено и в Словаре тюркских наречий В. В. Радлова [33—II, стр. 392], *пырнáл** 'овца с белой шерстью средней длины' (<молд. *пырнайэ/пырналэ* 'жирнохво-

стая овца с белой длинной шерстью»; подробнее об этом см. работу Л. С. Берга [1, стр. 205]), *толо́ка** 'пастбище' (<молд. *толоакэ* с тем же значением; *толока* отмечено и в Гагаузском словаре [3], но только со значением «непаханное поле»), *цап* [3] 'козел' (<молд. *цап* с тем же значением)¹².

В центральном диалекте гагаузского языка нами зафиксированы и слова: *кашерийй* 'сыроварня' (<молд. *кашэрие/кэшерие* 'сыроварня') и *одайй* 'загон для скота в поле, степи' (<молд. *одае* с тем же значением), имеющие весьма ограниченную сферу употребления и известные только в говорах гагаузов с. Гайдар Чадыр-Лунгского района и с. Баурчи Каушанского района Молдавии.

Термины *кашерийй* и *одайй* участвуют в образовании микротопонимов указанных сел, ср.: *Кашерийй* — название поля в с. Гайдар и *Одайй* — название поля в с. Баурчи Каушанского района; топонимы *Кашерия* и *Одая* являются типичными восточнороманскими топонимическими образованиями, известными во всех областях расселения восточных романцев [14, стр. 128, 162, 174, 189; 47, стр. 254—256]. В свою очередь, термин *одае* в восточнороманских языках считается заимствованием из турецкого языка [47, стр. 254—256]; на наш взгляд, этот термин относится к более ранним лексическим заимствованиям из тюркских и, возможно, из кыпчакских тюркских языков (ср. *одау* 'шалаш, который строится на пашнях' — этот термин отмечен В. В. Радловым с пометой «киргизское наречие» [33—I, стр. 1121] и имеет значение более близкое к молдавскому *одае*, чем турецкое *ода* 'постоялый двор; дом для приезжих в деревне; комната').

Гагаузы заимствовали у молдаван определенное количество терминов, связанных с названиями крупного рогатого скота (коров и волов):

а) названия коров: *неля́пка** 'корова, отелившаяся ранее трехлетнего возраста' (<молд. *неляпкэ* с тем же значением), *апура́н* [4, стр. 229] 'без пятен' — здесь сохранена орфография по указанному источнику (<молд. *епурия́н* 'подобный зайцу', то есть однотонной окраски), *бра́зу* [4, стр. 229] 'с белыми пятнами на лбу или на морде' (<молд. *брыз/брызэ* с тем же значением), *бужо́р* [3] 'красно-коричневый' (<молд. *бужор* 'пион' и 'красно-коричневый' — о масти волов и коров), *га́лба* [4, стр. 229] 'с загнутыми внутрь рогами', *га́лбу* [31, стр. 78] — название масти коровы (<молд. *галбэнез/галбэн*, название для коровы или вола буланой масти и редко — с загнутыми внутрь рогами), *му́рга** и *му́рго* [4, стр. 229] 'черной масти' (<молд. *мург* 'черной масти с коричневатым отливом')¹³, *приа́н* [4, стр. 229] 'с белой полосой на спине' (<молд. *прия́н* 'с белой или красной полосой на спине'), *цап* [4, стр. 229] 'с прямыми рогами' (<молд. по аналогии с *цап* 'козел'; *цапэ/цяпэ* 'острие; жало; конец заостренного предмета; колючка; заостренный кол');

б) названия волов и зоонимы: *Балан** — прозвище вола (<молд. *Балан* — антропоним и зооним), *бала́н* [3] 'белый' (<молд. *балан/бэлан* 'белый'), *Богя́н* — прозвище вола (<молд. *Богян/Бодян* — прозвище вола [44, стр. 205]), *бужо́р* [3] 'красно-коричневой масти' (<молд. *бужор* с тем же значением), *Жоа́н** — прозвище вола (<молд. *Жоан* — прозвище вола, родившегося в четверг <молд. *жой* 'четверг' + антропонимический и зоонимический молдавский аффикс *-ан/-ян*), *Мухуре́л** — прозвище вола (<молд. *Мухурел/Мугурел* <молд. апеллатива *мугурел* 'почка растения')¹⁴, *Плоу́ян** — прозвище вола (<молд. *Плэзан* — прозвище вола полёвой масти <молд. *плэзан* 'полёвый')¹⁵, *Унгура́н* [3] — прозвище вола бурой масти (<молд. *унгурия́н* 'вол бурой масти венгерской породы' <молд. *унгурия́н* 'венгр; венгерский'), *Флора́н** — прозви-

ще вола (<молд. *Флорян* — прозвище вола пестрой масти <молд. *флорян* 'разноцветный').

Ряд лексических заимствований встречается и в гагаузской терминологии по коневодству. В прошлом в Молдавии было развито и коневодство наряду с овцеводством и разведением крупного рогатого скота.

В одной из грамот молдавских правителей (1408 г.) имеются сведения о том, что владельцы коней облагались гораздо более высокими торговыми и таможенными пошлинами, нежели хозяева крупного и мелкого рогатого скота и свиней. Особенно высоко ценились рысаки молдавской породы [19, стр. 74].

Достоинства коней (тягловых, верховых и т. п.) молдавской породы, пользовавшихся большим спросом на венгерском, польском и турецком рынках, были отмечены еще Дмитрием Кантемиром (1673—1723) — господарем Молдавии, который писал, что «молдаване разводят много лошадей: в возвышенных районах — мелких, но крепких и выносливых в работе, в низменных местах — крупных и быстрых. Их стараются приобрести поляки, венгры и турки, у которых даже есть поговорка: Ничего не может быть красивее молодого персиянина на молдавском коне» [21, стр. 60—61; 43, стр. 201].

Гагаузская терминология по коневодству, по мнению М. Н. Губогло, является более обширной, чем соответствующая терминология в других тюркских языках. Это, по-видимому, и объясняет тот факт, что в данной области из молдавского языка гагаузами были заимствованы несколько зоонимов и терминов, указывающих на отличительные внешние признаки коней. Ср.: *Балан** — прозвище коня, *балан* [3] 'белый' (<молд. *балан* 'белый'), *Брэзу** — прозвище коня, *брэзу* [3] 'с белыми пятнами на лбу или на морде' (<молд. *брыз/брыз*), *Мурга** — прозвище лошади, *мурга/мургу** 'темно-коричневой масти' (<молд. *мург* 'конь черной масти с коричневатым отливом'), *пантаног** 'конь с белыми пятнами на ногах' (<молд. *пнтеног/разг. пантаног* с тем же значением; для указанного понятия в говоре гагаузов с. Кириет-Лунга нами отмечен и термин *баканак* — возможно тюркский, — которым пользуются наряду с *пантаног*, *сура* 'конь или осел серой масти' (<молд. *сур* 'серый'), *ройба/ройбу* 'рыжей масти' (<молд. *ройб* 'рыжий'), *шаргу** 'буланый' (<молд. *шарг* 'буланый').

В молдавском языке, в отличие от гагаузского, апеллятивы и зоонимы имеют как женскую, так и мужскую форму и выбор зоонима зависит от пола животного: самки — Бэлана/Белая, Бряза/Брезоя, Мурга, Сура, Ройба, Шарга и др.; самцы — Бэлан/Бэлану, Брязу, Мургу, Суру, Ройбу, Шаргу и т. д. Различные варианты апеллятивов и зоонимов, зафиксированные и бытующие в говорах гагаузов Молдавии, свидетельствуют о том, что они были заимствованы в своей первоначальной форме; часто зоонимы характеризуют животных без учета пола (подробнее о семантике и образовании указанных апеллятивов и зоонимов см. [48, стр. 189—198]).

В центральном диалекте гагаузского языка известен и зооним *Копчик** (для коней). Этот зооним бытует и в языке молдавского населения юга Молдавии, однако его происхождение пока не установлено. Возможно, что указанный зооним восходит к более древнему тюркскому зоониму или антропониму, не зафиксированному в исторических источниках (ср. средневековое куманское имя *Копча* [6, стр. 86]; здесь же ср. молдавский фразеологизм *а о копчй ла фўгэ* '(начинать) быстро бежать'). В центральном диалекте гагаузов нами отмечено и слово *тэлан** 'кляча' (ср. молд. *тэлан* 'кляча').

Очень малочисленны термины, связанные с выращиванием свиней, ибо кочевые предки гагаузов разведением свиней не занимались. Гагаузы, по-видимому, стали заниматься свиноводством только после перехода к оседлости [4, стр. 235].

К заимствованным из молдавских говоров терминам по свиноводству относятся: *годák** 'поросенок в возрасте одного года' (<молд. *го-дак* с тем же значением), *зотка** 'свиное рыло' (<молд. *зоткэ* с тем же значением)¹⁶, *пурчёл* [4, стр. 234] 'поросенок' (<молд. *пурчёл* 'поросенок'), *скрѳа* [3; 4, стр. 234] 'свиноматка' (<молд. *скроафэ* 'свиноматка'), *котара* [4, стр. 235] 'свинарник' (<молд. *котар* 'загон для овец; загон для мелкого скота', в свою очередь <турец. *kotra* 'загон для мелкого скота').

Коневодство и овцеводство как развитые отрасли хозяйства гагаузов породили обильную терминологию для знаков, которыми гагаузы клеймят скот [4, стр. 217—236; 5, стр. 99—103]. Большинство названий (гаг. *нишан*, *дамга*, *тамга*) тюркские по происхождению [4, стр. 233]. Среди множества гагаузских *нишанов* нами зарегистрированы лишь три названия восточнороманского происхождения. Это: *фуркулица** (<молд. *фуркулица* 'вилка'), *хырлѳц** (<молд. *хырлѳц* 'штыковая лопата'), *лопатэ** (<молд. *лопатэ* 'лопата'). Название знака (*нишана*) *лопатэ* бытует среди гагаузов центрального диалекта наряду с тюркским *дѳкесек*, оба обозначают один и тот же знак [4, стр. 233]¹⁷.

У гагаузов — носителей центрального диалекта — отмечены и следующие *нишаны*: *пѳлиш** — небольшой разрез сбоку на ухе овцы (различают передний *пѳлиш* — *ѳнѳндан пѳлиш* и задний *пѳлиш* — *геердан пѳлиш*; название и форма *пѳлиш* известны и молдаванам, однако не установлен источник заимствования как в молдавском, так и в гагаузском языках); *гира** — нишан в виде буквы «к», выжигаемой на теле коня; *казаѳк** — нишан в форме гусиной лапы, выжигаемой на теле коня; *филжѳн дамга** — нишан в форме круга, выжигаемого на теле коня.

Гагаузы в прошлом употребляли тамги в форме круга, треугольника, прямоугольника [42, стр. 161—162], видимо, уже забытые в настоящее время. Реликтами родовых тамг гагаузов являются знаки на гагаузских надгробных плитах [26, стр. 110], пока еще не изученные.

Особый раздел в гагаузской скотоводческой терминологии составляют междометия, при помощи которых подзывают, останавливают или отгоняют домашних животных. Слова этой группы, по мнению Л. А. Покровской [31, стр. 291], представляют собой нечто среднее между междометиями и звукоподражаниями.

Заимствованные скотоводческие термины — междометия, относятся ко всем видам скота.

Первый вид скота — овцы и козы: *брр** (известно и в вулканештском диалекте гагаузского языка [31, стр. 292]) — возглас, которым отгоняют овец (<молд. *брр!* *быр!* с тем же значением); *беч!** — возглас, которым подзывают барана (<молд. *бѳчу!* с тем же значением); *бѳичи!** — возглас, которым подзывают овец (<молд. *бѳичи!* с тем же значением); *на-на-на!** — возглас, которым подзывают овец (<молд. *на-на-на!* с тем же значением); *сѳгу!** — возглас, которым подзывают ягнят (<молд. *сѳгу!*/*сѳгур!*/*сугурѳл!* с тем же значением <молд. *сугар* 'ягненок-сосун; сосун; сосунок'); *хи!** — см. *брр!* (<молд. *хи!* — возглас, которым отгоняют овец, понукают лошадей), *ца** (известен и в вулканештском диалекте гагаузского языка [31, стр. 59]) — возглас, которым отгоняют коз (<молд. *ца!* с тем же значением); *цака!** — возглас, которым подзывают коз (<молд. *цака!* с тем же значением); *цѳге-цѳге!*

[3] —
зу/у
ка!

возг
ем)¹
(<м
няю
гонц
для
волс
волс

цуш
чени

те —
гѳж
нут
глас
тем

нич
раб
ник
ствѳ

лог
раз
вос
ствѳ
вод

вод
чес

диф
тол
нег
зот
кул
нут
рех
сло

стр
дал
ни
гот

ско
ско
стр
дав

[3] — см. *сүгу!* (<молд. *цуг!/цугурел!/цугурик!*, то же, что и *суг!/сугу!/сугур!*), *цыгы-цыгы!* [3] — см. *цака!* (молд. *цуг!/цугу!* или *цык!/цыка!* — возглас, которым подзывают коз).

Второй вид скота — крупный рогатый скот: *кут(ь)!* [3 — кут] — возглас, которым отгоняют теленка (<молд. *куть!* с тем же значением)¹⁸, *ни-ни-нй!** — возглас, которым подзывают коров, волов, телят (<молд. *ни-ни-ня!* с тем же значением), *хэй!** — возглас, которым отгоняют коров (<молд. *хэй!* с тем же значением), *хэйс!* [3] — выкрик погонщика волов, направляющего их налево (<молд. *хэйс!* 'налево!' — для волов, коров, лошадей, ослов), *ча!/чала!* [3] — выкрик погонщика волов, направляющего их направо (<молд. *ча!/чалэ!* 'направо!' — для волов, коров, лошадей, ослов).

Третий вид скота — лошади и ослы: *хэйс!** — семантику см. выше, *цуш!** — возглас, которым понукают ослы (<молд. *цуш!* с тем же значением)¹⁹, *ча!/чала!* — семантику см. выше.

Четвертый вид скота — свиньи: *гбжи!** (в вулканештском диалекте — *гбже!*) [31, стр. 292] — возглас, которым подзывают свиней (<молд. *гбжи!/гбжи!* ср. молд. лексемы: *гожер* 'свинарник', *а гожи* 'болеть; чихнуть' — о людях и животных, *гожиняцэ* 'свинарник')²⁰, *хүдö!* [3] — возглас, которым отгоняют свиней (<молд. *хүдö* [30, стр. 90], *хүйдö!* с тем же значением), *хүжö!* [3] — см. *хүдö!* (<молд. *хүжö!/хүжя!/хүжя!*).

Анализ приведенного материала позволяет утверждать, что межэтнические контакты между молдаванами и гагаузами в Южной Бессарабии на протяжении более 170 лет привели к значительному обогащению гагаузской тюркской скотоводческой терминологии за счет заимствований из молдавского языка.

Наибольшее количество заимствований прослеживается в терминологии, связанной с такими отраслями скотоводства, как овцеводство, разведение крупного рогатого скота, свиноводство, более развитыми у восточных романцев, и, наоборот, менее значительны лексические заимствования в терминологии, связанной с коневодством — отраслью скотоводства, наиболее развитой у гагаузов в прошлом²¹.

Лексические единицы заимствованной из молдавского языка скотоводческой терминологии в гагаузском не подверглись глубоким фонетическим, морфологическим и семантическим изменениям.

К фонетическим процессам следует отнести переход молдавского дифтонга *oa* в *o* (ср.: *ройба, скрофа, толока* <молд.: *ройбэ, скроафэ, толоакэ*), переход негубного полуширокого гласного заднего ряда *э* в негубный широкий гласный заднего ряда *а* (ср.: *брынза, бухната, жарка, зотка, кринта, курнута, нелайпка, ройба, скрофа, струнга, толока, фуркулица, чула* и др. <молд.: *брынзэ, бухнатэ, жаркэ, зоткэ, кринтэ, курнутэ, нелайпкэ, роайбэ, скроафэ, струнгэ, толоакэ, фуркулицэ, чулэ*), переход щелевого *в* в губный узкий гласный заднего ряда *й* в середине слова между двумя гласными (ср. зооним *Плоян* <молд. *Плэван*).

Новые исследования в данном направлении откроют неизвестные страницы тюркско-романских взаимосвязей и будут способствовать дальнейшему изучению лексикологии, диалектологии, зоонимии, топонимии и истории гагаузов. Они могут стать практической базой для подготовки этимологического словаря гагаузского языка.

¹ Бессарабией (молд. Басарабия) в прошлом называлась часть территории Молдавского феодального государства, граничившая на севере с уездом Лапушна и Бендерской райей, на юго-востоке с Аккерманской и на юге с Измаильской райями [20, стр. 320—321]. После 1812 года Бессарабией стали называться земли бывшего Молдавского государства, расположенные к востоку от р. Прут.

² Ср.: *бпр!* — возглас, которым отгоняют овец; *гълбу* — название масти коровы; *гѡже!* — возглас, которым подзывают свиней; *мэй!* — междометие, выражающее удивление; *скрѡфа* 'свиноматка'; *фуркулица* 'вилка' и др. [31, стр. 40, 55, 59, 78, 291—292].

³ Ср. гагаузские топонимические апеллятивы: *вале* 'долина', *план* 'участок', *подиш* 'плоскогорье', *пырлога* 'целинная земля', *рыпа* 'овраг', *саратѹра* 'солончак', *толока* 'необработанная земля', 'пастбище', *хотар* 'межа', 'граница', *хыртоп* 'ухаб', 'ложбина' и другие, а также названия кварталов г. Комрат: *Бороганѡска*, *Туканѡска*, *Шѹлѹпенѡска*, образованные при помощи молдавского топонимического аффикса *-яска*. Материалы по топонимической терминологии гагаузов Молдавии собраны нами во время поездок в гагаузские села в 1979—1981 гг.

Топоформанты: *план*, *подиш*, *рыпа* и *толока* отмечены и в Гагаузском словаре [3, стр. 599, 601], а топоформанты: *пырлога*, *рыпа*, *толока*, *хотар* и *хыртоп* — относятся к общекарпатской лексике [30, стр. 75, 78, 92, 95—97]. В Общекарпатский диалектологический атлас [30] включена лексика большинства языков карпатского ареала. К сожалению, в эту работу не вошла лексика гагаузов, являющаяся частью общекарпатской лексики и заимствованная из восточнороманских и славянских языков в период обитания гагаузов на Балканском полуострове.

⁴ В юго-западной группе говоров молдавского языка зарегистрировано несколько слов, заимствованных из гагаузского языка [28, стр. 328]. К ним относятся: *еркек* 'теленок', (<гаг. *еркек* 'самец'), *пешкир* 'полотенце' (<гаг. *пешкир* 'полотенце; салфетка'), *френк* 'помидор' (<гаг. *френк* 'одинаковый по цвету'). При этом следует отметить, что слово *пешкир* в молдавских говорах юга Молдавии могло быть заимствовано и из турецкого языка (ср. *peşkir* 'салфетка; полотенце').

В молдавских говорах юга Молдавии, юга Бессарабии и восточной части Украины бытуют и гагаузские слова: *барыт* 'порох', *кысмет* 'счастье', *сайван* 'конюшня', 'сарай', *тѹлы* 'кирпич', *федежан* 'стаканчик (для водки)', *хайгыр* 'жеребец', *чакыле* '(складной) нож' [36, стр. 177—178].

⁵ Лексемы, записанные впервые в полевых условиях отмечены знаком * (в конце лексемы).

Часть заимствованной гагаузами лексики из восточнороманских языков может быть отнесена к периоду пребывания предков бессарабских гагаузов в «Узи санджак» и в некоторых районах Добруджи, где они проживали совместно или по соседству не только со славянами-болгарами, но и с влахами; см.: работу Р. Я. Удлера [36].

⁶ В ряде гагаузских населенных пунктов, особенно в п. Вулканешты, г. Комрате и г. Чадыр-Лунге, проживает определенное количество русских и украинцев.

⁷ В административном отношении границы Комратского района на протяжении долгих лет оставались стабильными. В 1979 году, согласно Указу Президиума Верховного Совета МССР, села Авдарма и Чок-Майдан этого района с гагаузским населением отошли к Бессарабскому району.

⁸ Наиболее развитой отраслью скотоводства восточных романцев является овцеводство. У восточных романцев (аромыны, истриоты, меглениты, молдаване и румыны) в прошлом оно было более развито, чем у славян, при этом автохтонные термины (*балигэ*, *бач*, *берк*, *брынза*, *гэблязэ*, *зарэ*, *зыр*, *кырлан*, *кырлиг*, *лае*, *струнгэ*, *цап*, *царк*, *цигае*, *шут* и др.) составляют ядро молдавской пастушеской терминологии, ибо они отличаются большой частотой употребления, высокой степенью распространения на всем Балкано-Карпатском массиве и во многих примыкающих к нему зонах, в том числе и в Молдавии [25, стр. 239—241]. Исследователями собрано более 2000 терминов, из которых около 60 связаны с возрастом овец, более 100 с мастью животных [24, стр. 7]. О высокоразвитой овцеводческой терминологии у восточных романцев свидетельствует текст «Миорицы» — молдавской баллады, созданной в конце первого — начале второго тысячелетия нашей эры [39, стр. 81, 83, 96].

⁹ *Бордей* — первичная форма жилища гагаузов в первое время после переселения их в Южную Бессарабию [27, стр. 95]. В одном из документов, датированном 3 июля 1816 года говорится: «Так как по военным обстоятельствам невозможно было сделать подробного распоряжения к принятию и водворению сих людей (болгар и гагаузов. — И. Дрон), то они, переехав в сию область, заняли первые порожние земли, каковые им представились. Таким образом, одни водворились на землях частных владельцев, другие же большей частью устроили *землянки* (курсив наш. — И. Дрон) свои на землях казенных». В другом документе от 7 июля 1818 года *бордей* уже упоминается как самое простое жилище болгарских и гагаузских переселенцев [18, стр. 226, 517]. Слово *бордей* 'шалаш; землянка' отмечено и в некоторых болгарских диалектах, где оно считается заимствованным из восточнороманских языков [40, стр. 68].

¹⁰ Слово *кырлиг* из восточнороманских языков проникло и в славянские языки — болгарский, русский, украинский, где оно отмечено под фонетическими вариантами: *серлыга*, *гырлыга*, *кырлиг*. *Герлыга* включено в «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля, в «Словарь русских народных говоров». М., 1970, выпуск 6, в четырехтомный академический «Словарь русского языка» [38, стр. 156—157], а также в «Общекарпатский диалектологический атлас» [30, стр. 93].

¹¹ Возможно, что термин *вакла* проник в гагаузский язык при посредстве болгарских говоров, где известен в этой же орфографии и с указанным значением; восходит к восточнороманскому **оаклз/оакешз* [22, стр. 72, 243—244].

¹² В молдавском языке слова: *цап*, *брынзэ*, *струнгэ* относятся к ряду слов, отмеченных в письменных источниках соответственно в X веке, в 1356—1381 и 1401 годах [45, стр. 106]. В славянских языках слово *брынза* является заимствованным из восточнороманских и засвидетельствовано в славянских письменных памятниках 1370 года [37 — I, стр. 223]. Слово *цап*, известное и в славянских языках [30, стр. 81, 86], также проникло из восточнороманских языков и считается балканским автохтонным элементом [34; 37 — IV, стр. 288—289].

¹³ Аппеллятивы: *мург*, *мурга*, *мурго*, *мургав*, *мургата*, *мургаст*, *мургий* 'темно-коричневый; смуглый' известны в славянских языках: болгарском, македонском, сербохорватском, словацком, украинском, чешском, в которых являются иноязычными элементами — балканизмами [37—III, стр. 14].

¹⁴ Зооним *Мухурел* образован при помощи молдавского уменьшительного аффикса -*ел* [24, стр. 138]. Среди молдаван бытует и антропоним *Мугурияну* [15, стр. 103], образовавшийся от той же основы *мугур* 'почка'. Переход согласного *г* в *х* как в начальной позиции, так и в середине слова отмечен в говорах молдавского языка [9, стр. 122]. Зооним *Жоян* (для волов) встречается и в фольклоре гагаузов наряду с тюркским (?) зоонимом *Гелан* [35, стр. 103].

¹⁵ Согласный *в* в гагаузском языке, как правило, произносится очень слабо, вплоть до полного выпадения или замены его гласным *у* [32, стр. 17].

¹⁶ Слово *зотка* известно и в болгарском языке [40, стр. 655], но с иным значением. Молдавское *зотка* 'свиное рыло' и болгарское *зотка* являются омонимами.

¹⁷ Формы и названия отметин *фуркулица* и *хырлец* применяются в овцеводстве и болгарами юга Бессарабии [22, табл. 2].

¹⁸ Молдавские междометия: *куть!*, *брр!/быр!*, *бечу!*, *бычи!* восходят к дакийским и более древним индоевропейским наименованиям животных (подробнее об этом см.: [2; 34; 41, стр. 144—145; 46, стр. 183]).

¹⁹ Данное междометие, но с начальным согласным *ч* встречается в болгарском, гагаузском [3] и восточнороманских языках. Учитывая бытование междометия *цуш!* у молдаван юга Молдавии с указанным значением, а также тот факт, что в гагаузском языке согласный *ц* в начале слова встречается только в заимствованных словах [31, стр. 58—59], можно заключить, что в этом случае междометие *цуш!* гагаузами было заимствовано из южных молдавских говоров.

²⁰ Наряду с междометием *гџи!* гагаузы для подзывания свиней пользуются и междометием болгарского происхождения: *гџи!* (*гџиц!/гџици*)*. В болгарском языке междометия *гџици-гџици!* и *гџици-гџици!* этимологически связаны со словами: *гџа*, *гџа* со значением 'свинья' [40, стр. 297, 305] (ср. гагаузские: *гџи* 'свинья' и *гоци-гоци!* — возглас, которым подзывают свиней [3]).

²¹ Молдавские заимствования в гагаузской скотоводческой терминологии, по нашим подсчетам, не превышают 15—17% от общего количества данных терминов. Так, например, молдавские заимствования, отмеченной М. Н. Губогло гагаузской терминологии по скотоводству [4, стр. 225—236], составляют 12,25%, а из двенадцати приведенных Л. А. Покровской междометий [31, стр. 59, 292], связанных со скотоводческой деятельностью гагаузов, семь являются заимствованиями из молдавского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Л. С. Берг. Бессарабия. Страна — люди — хозяйство. Петроград, 1918.
2. А. П. Борш. Лексико-грамматические и стилистические аспекты междометий молдавского языка. Автореф. канд. дисс., Кишинев, 1967.
3. «Гагаузско-русско-молдавский словарь», М., 1973.
4. М. Губогло. Гагаузская терминология по скотоводству. — В кн.: «Тюркская лексикология и лексикография», М., 1971.
5. М. Губогло. Гагаузы. — «Наука и жизнь», 1969, № 10.
6. М. Н. Губогло. Гагаузская антропонимия как этногенетический источник. — «Советская тюркология», 1973, № 2.
7. М. Н. Губогло. Этнокультурные данные о кочевом прошлом гагаузов. — В кн.: «Археология, этнография и искусствоведение Молдавии», Кишинев, 1968.
8. В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I—IV. М., 1956.
9. «Диалектология молдовеняскэ», Кишинэу, 1976.
10. И. В. Дрон. К вопросу о периодизации тюркско-молдавских взаимосвязей. — В кн.: «Славяно-молдавские связи и ранние этапы этнической истории молдаван», Кишинев, 1983.

11. И. В. Дрон. Названия гагаузских сел Молдавской ССР. — «Советская тюркология», 1982, № 4.
12. «Единство болгарского языка в прошлом и в настоящем», София, 1980.
13. Д. Е. Еремеев. Этногенез турок. М., 1971.
14. А. Еремия. Контрибуций ла студиул формэрий кувинтелор ын лимба молдовеняскэ. Кишинэу, 1979.
15. А. Еремия. Косничану М. Нуме де персоане. Кишинэу, 1974.
16. В. С. Зеленчук. Население Бессарабии и Поднестровья в XIX в. Кишинев, 1979.
17. В. С. Зеленчук, М. Ф. Филимонова. Национальная гагаузская одежда и ее бытование в настоящее время. — В кн.: «Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавской ССР», Кишинев, 1964.
18. «История Молдавии. Документы и материалы». Том II. Кишинев, 1957.
19. «История народного хозяйства МССР». Кишинев, 1976.
20. «История РСС Молдовенешть». Кишинэу, 1967.
21. Димитрие Кантемир. Дескриеря Молдовей. Кишинэу, 1975.
22. Г. П. Клепикова. Славянская пастушеская терминология. М., 1974.
23. М. Колца. Музыкальный фольклор гагаузов. — «Советская музыка», 1981, № 1.
24. Н. Г. Корлэтяну. Лимба молдовеняскэ литерарэ контемпоранэ. Волумул I. Лексикология, Кишинэу, 1969.
25. В. В. Корчмарь. Славянские элементы молдавской пастушеской терминологии. — В кн.: «Славяно-волошские связи». Кишинев, 1978.
26. С. С. Курогло. Семейная обрядность гагаузов в XIX—начале XX в. Кишинев, 1980.
27. М. В. Маруневич. Поселение, жилище и усадьба гагаузов Южной Бессарабии в XIX—начале XX в. Кишинев, 1980.
28. «Молдаване», Кишинев, 1977.
29. «Население СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 года», М., 1980.
30. «Общекарпатский диалектологический атлас. Вопросник», М., 1981.
31. Л. А. Покровская. Грамматика гагаузского языка. Фонетика и морфология. М., 1964.
32. «Правила орфографии гагаузского языка». Составитель Д. Н. Танасоглу. Кишинев, 1958.
33. В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. Т. I—IV. СПб., 1893, 1899, 1905, 1911.
34. «Скурт дикционар етимоложик ал лимбий молдовенешть», Кишинэу, 1978.
35. «Трандафирий драгостей. Фолклор гэгэуз», Кишинэу, 1981.
36. Р. Я. Удлер. Современное состояние островных говоров молдавских поселений в СССР. — В кн.: В. Ф. Шишмарев. Научное наследие. Романские поселения на юге России. Л., 1975.
37. Макс Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. I—IV. М., 1964, 1967, 1971, 1973.
38. В. А. Филатов. Герлыга. — «Русская речь», 1978, № 3.
39. А. Хынку. Балада популярэ «Миорица». Кишинэу, 1967.
40. «Български етимологичен речник». А-З, София, 1971.
41. «Български език», София, 1979, № 2.
42. В. Маринов. Принос към изучаването на бита и културата на турците и гагаузите в Северозточна България. София, 1956.
43. Dimitrie Cantemir. Viața lui Constantin Cantemir. București, 1973.
44. N. A. Constantinescu. Dictionar onomastic romînesc. București, 1963.
45. De la societatea română de lingvistică. — «Studii și cercetări lingvistice». București, 1978, № 1.
46. Maria Iliescu. Retoromana și cuvintele românești de substrat. — «Studii și cercetări lingvistice». București, 1974, № 2.
47. Iorgu Iordan. Toponimia românească. București, 1963.
48. Nicolae Mocanu. Adjectivul Flor (<lat. Florus) și derivatele sale. — «Cercetări de lingvistică». Cluj-Napoca, 1976, № 2.

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

А. Ю. АБДУЛЛАТИПОВ

О ФОРМАХ РЕАЛИЗМА В КУМЫКСКОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Проблемы реализма в литературах народов Востока стали особенно интенсивно разрабатываться в советском литературоведении в 60-е годы. Были опубликованы сборники статей, материалы дискуссий и монографии, посвященные становлению и формированию реализма и его связям с другими направлениями в литературах Востока. Проводился также целый ряд совещаний по проблемам реализма в литературах народов Ближнего, Среднего, а также Советского Востока.

Проблемам реализма в литературах народов Дагестана посвящены работы Э. Ю. Кассиева, Г. Б. Мусахановой, Г. Г. Гамзатова, Ф. И. Вагабовой, С. М. Алиева, Ф. А. Абакаровой и др.

Своеобразие кумыкской литературы XIX и начала XX века определялось всем ходом предшествующего историко-культурного и социально-экономического развития Кумыкии и Дагестана в целом. До середины XIX века вся дагестанская, в том числе и кумыкская, литература развивалась как типично средневековая, со всеми присущими последней особенностями. Создавалась она на языках арабском или «тюрк», для нее были характерны синкретизм и теоцентризм; господствующими жанрами были эпистолярный, историческая хроника, дидактический трактат, марсия (плачи), компендии и т. п. Значительное место в средневековой дагестанской и кумыкской литературе занимали адаптации и переводы религиозно-философских, научно-философских и классических произведений восточной литературы. Наиболее видными представителями кумыкской литературы были поэт Умму Камал (XV в.), поэты и ученые XVI—XVIII веков из аула Тарки — Али бин Мухаммед Багдадский (умер в 1613 г.), Нурмагомед и его сын Мамак, Мухамед Эфенди сын Мустафы (XVIII в.). К XIX веку относится творчество Юсуфа Кади из Яхсая (Аксая), Мама гиши и Идриса Эфенди из Эндирея, Аюба из Дженгутая, Абдурахмана из Какашуры (Атлыбоюнского) и др.¹

Ирчи Казак (1830—1879) — первый кумыкский поэт, обратившийся в своем творчестве к раскрытию духовного мира человека, утверждению гуманистических идеалов, отказавшийся от воспевания религиозных догматов. В основе его поэзии — любовь к отдельному человеку. Именно это привело в конечном итоге Ирчи Казака к осознанию несовершенства общественного устройства, к обличению социального и национального гнета.

¹ См.: М.-С. Саидов. Дагестанская литература на арабском языке (Доклад на Всемирном конгрессе востоковедов), М., 1960; С. Ш. Гаджиева. Кумыки. М., 1960; С. Алиев. Дорога в современность. Махачкала, 1977; С. М. Хайбуллаев. О дореволюционной аварской литературе. Махачкала, 1974.

Заслуга И. Казака не только в том, что он явился основоположником светской литературы, но и в том, что он обогатил кумыкскую поэзию произведениями, написанными в романтическом и реалистическом стилях. Со временем ранние реалистические мотивы его творчества окрепли, и он стал первым кумыкским автором подлинно реалистических произведений, отражающих жизнь в ее социальных сложностях и противоречиях.

В стихотворениях И. Казака («Мы уходим осенью...», «Откуда мне знать, что сто разных коварств у ханов», «Попали мы в железный капкан», «Стоны не усилят помощи нам» и др.) обличается антинародная сущность феодальных, крепостнических, буржуазных и колониальных отношений, осуждается несправедливость феодального, самодержавного миропорядка и мироустройства. Поэт гневно обвиняет царское самодержавие, местную реакцию в преследовании борцов против угнетения народа, выступает с критикой кровавых событий, связанных с правлением военной администрации; с тревогой и болью пишет он о господстве меркантильных страстей и стяжательства, разрушающих человеческую личность.

Специфика местных условий и относительная развитость поэтических традиций, способствовали тому, что реализм в кумыкской литературе стал формироваться главным образом в лирической поэзии.

Дальнейшее развитие кумыкской литературы связано с творчеством М.-Э. Османова (1840—1904). Демократические тенденции литературы, заложенные И. Казаком, в творчестве М.-Э. Османова получают дальнейшее развитие, обогатившись просветительскими мотивами. Этот первый поэт-просветитель от описания недостатков отдельных людей постепенно перешел к обличению типичных форм угнетения человека и народа в целом, от разоблачения морального разложения чиновников — к осуждению всего продажного военно-бюрократического аппарата царизма. Как И. Казак, М.-Э. Османов выступал против ненасытного стремления богачей к наживе, против засилья «денежного мешка». В его стихах сильны антиклерикальные мотивы; он ратовал за освобождение женщины от унижающих ее достоинство догм шарната. Искренность, доброту поэт считал ценнейшими чертами человеческой личности. Он говорил: «Князь не тот, кто от князя родился, а тот, кто родился добрым». На творчестве М.-Э. Османова сказались не только социальные изменения, происшедшие в Дагестане после окончания Кавказской войны (отмена рабства, неограниченной власти феодалов), но и связанные с ними изменения в быту, в сознании кумыкской женщины, не желающей больше считаться с сословными ограничениями и отстаивающей право на выбор своей судьбы (поэма „Гюльгыз“). Изменение феодального уклада жизни в поэме М.-Э. Османова «Крепость шамхала» предстает как историческая неизбежность. Произведения его проникнуты демократическими, просветительскими идеями.

Разоблачение феодального деспотизма у М.-Э. Османова органично связано с осуждением притеснений местного населения, чинимых царской администрацией, военно-бюрократическим аппаратом царизма и представителями местной феодальной знати.

В творчестве М.-Э. Османова, как и в творчестве современных ему азербайджанских, татарских, казахских и узбекских просветителей и демократов, разоблачение зарождавшихся буржуазных отношений сочеталось с резкой критикой существующих порядков и мусульманского духовенства.

Поэма «Жалоба аксаевцев» М.-Э. Османова свидетельствует о дальнейшем сближении поэта с народом, выразителем чаяний и надежд.

которого он стал. Если в прежних своих произведениях поэт подвергал критике представителей господствующих классов с позиций представителя этого же класса, то здесь он уже поднимается до глубокого осознания необходимости отстаивания интересов трудового народа, общенациональных интересов.

Духовенство М.-Э. Османов обличает с позиций ортодоксального ислама. Особенно ополчается поэт против тунеядства и ростовщичества мулл, кадиев и хаджиев. М.-Э. Османов гневно осуждает их за безразличие к судьбам общества, народа, за стремление к личному обогащению.

Просветительские тенденции в поэзии М.-Э. Османова, однако, не обрели подлинно воинствующий характер, не подняли его творчество до уровня просветительского реализма. Вместе с тем социальная направленность критики в произведениях поэта проявляется очень ярко и убедительно.

Со временем И. Казак и М.-Э. Османов от критики недостатков отдельных представителей господствующих классов и царской администрации перешли к решительному осуждению типичных форм феодального и колониального угнетения, а также зарождающихся буржуазных отношений, ведущих к духовной деградации личности. Кумыкская поэзия, таким образом, постепенно осваивала принципы критического реализма.

Начало XX века ознаменовалось дальнейшим развитием реалистических форм художественного творчества: усилились позиции критического и просветительского реализма. Это нашло отражение в творчестве крупнейших писателей этого времени: Абусуфьяна, М. Алибекова, Н. Батырмурзаева.

Абусуфьян был просветителем, для которого, как и для многих других просветителей той эпохи, понятия «ислам», «религия» были неразрывно связаны с культурой и просвещением народа. Просветительский гуманизм Абусуфьяна находил свое воплощение в его религиозно-философских, филологических, педагогических трудах, а также в художественном творчестве.

Выступая как реформатор ислама, Абусуфьян осуждал и отвергал старые схоластические методы обучения, выступал против невежества мулл (стихотворения «Муллы», «Человечность», лирические поэмы «Жалоба от имени девочек», «Стихи об учебе»). В его представлении окружающая общественная среда оказывает определяющее влияние на формирование человеческой личности. Он утверждал внесословную духовную ценность отдельного индивидуума, благотворность влияния на него знаний. В определении роли женщины в обществе Абусуфьян особенно близок к деятелям татарского просвещения Закиру Хади, Магруй Музаффаровой, Галимательбанат Биктимировой. При решении проблемы эмансипации и образования женщины, по его мнению, следовало брать пример с англичан и французов.

Абусуфьян был тесно связан с видными представителями дагестанской и татарской интеллигенции: С. Габиевым, Н. Батырмурзаевым, М. Алибековым и др. Для его творчества были характерны полемичность, публицистическая направленность, исторический оптимизм, последовательная критика представителей реакции, идеи создания нового справедливого общества и воспитания образованного молодого поколения. Все это свидетельствует о том, что Абусуфьян стоял на позициях просветительского реализма.

В творчестве М. Алибекова, современника Абусуфьяна, просветительский реализм своеобразно сочетается с принципами критического

реализма. Поэт раскрывает типические черты нравов кумыкского общества начала XX века. Подобно просветителям и поэтам-демократам других народов Дагестана и Российского Востока, М. Алибеков с реалистическими позиций разоблачал местных чиновников и духовенство.

Во всех стихотворениях М. Алибекова, написанных в большинстве своем по конкретному поводу, действительность воспроизводится во всем ее многообразии. К числу таких произведений можно отнести стихотворения: «Дела нашей канцелярии», «О хакимах-начальниках», «Дела хакимов», «О том, как берут штраф» и др. Критикуя угнетателей народа, М. Алибеков выражает уверенность в конечной победе разума и добра. Как и его предшественники, поэт разоблачал и хищническую натуру представителей нарождавшейся национальной буржуазии. Его поэма «Тирания шамхалов и князей» направлена против феодального деспотизма, а поэма «Русско-японская война» — против опустошительных и разорительных кровопролитных войн.

Особый цикл составляют стихотворения М. Алибекова, непосредственно посвященные проблемам просвещения и эмансипации женщин. Это — «Обучайте детей», «Жалоба кумыкских детей», «Жалоба аксайских девочек» и др. Для этих произведений характерна ярко выраженная публицистичность.

В начале XX века в кумыкской литературе гражданские, свободолюбивые мотивы заметно усилились, более отчетливыми стали классовые позиции писателей. Все это привело к углублению реализма и усилению просветительских тенденций в литературе. Эти черты характерны уже для первого крупного произведения Н. Батырмурзаева — лирической поэмы «Положение Кавказа и России» (1906). Н. Батырмурзаев, подобно Г. Тукаю, А. Сабиру, Ш. Камалу, М. Алибекову и другим, в своей поэме откликнулся на важнейшие события времени. В поэме дана их широкая панорама: русско-японская война, первая русская революция 1905 года и ее жестокое подавление, созыв Государственной думы и т. д. Поэт вспоминает и историю присоединения Кавказа царизмом, усиление колониального гнета.

Поэма Н. Батырмурзаева проникнута ненавистью к царизму; поэт с болью пишет о борцах за свободу, брошенных в тюрьмы, сосланных в Сибирь. В произведении сильны мотивы интернациональной солидарности с революционными силами России. Н. Батырмурзаев, как и Сабир, показал пробуждение народа, поднимающегося на борьбу за свою свободу. Несмотря на наличие просветительских идей, поэма Н. Батырмурзаева создана в основном в русле критического реализма.

Н. Батырмурзаев является признанным основоположником кумыкской художественной прозы, пронизанной просветительскими идеями.

В первой своей повести «Бедная Хабибат» (1910) Н. Батырмурзаев выступает как сторонник эмансипации дагестанской женщины и развития женского образования. Показательны в этом отношении и две его последующие повести «Давуд и Лайла» (1912), «Несчастливая Джанбике» (1915), также написанные в стиле просветительского реализма.

Н. Батырмурзаев как просветитель выступал за изменение уродующих личность общественных отношений. Вместе с тем, он постепенно убеждался в том, что только путем распространения просвещения и совершенствования воспитания общество изменить невозможно. Отход от просветительского реализма, наметившийся в повести «Несчастливая Джанбике», означал возвращение его на позиции критического реализма (от которого он отошел в период реакции, наступившей после подавления первой русской революции) и революционного демократизма,

окончательно утвердившимися в его творчестве в период Октябрьской революции и гражданской войны.

Таким образом, реализм в кумыкской литературе начала XX века проявлялся в двух направлениях — критическом и просветительском. В условиях распространения просветительской идеологии среди прогрессивной кумыкской интеллигенции начала XX века просветительский реализм был господствующим творческим методом в кумыкской литературе. Вместе с тем, создавались также отдельные произведения с явными и все более усиливавшимися тенденциями романтизма и критического реализма.

ОНОМАСТИКА

С. М. МОЛЛАЗАДЕ, Г. Э. КУЛИЕВА

АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ ТОПОНИМИЯ В РУССКИХ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ

Первые достоверные сведения о макротопонимах Азербайджана в русских письменных источниках можно найти в «Хождении за три моря» Афанасия Никитина, относящемся к XV веку. Здесь наряду с обычными азербайджанскими словами упоминается и целый ряд ойконимов и гидронимов. Так, по сообщению Афанасия Никитина, в начале лета 1466 года в Москву к царю Ивану III прибыл посол ширванского царства Хасанбек, вместе с которым в обратный путь отправились тридцать русских купцов и среди них сам Афанасий Никитин, а также посол Ивана III при дворе ширваншаха Василий Ганин. Вот как описывает это Афанасий Никитин: «Мы поехали к ширванше во и контул и били есмя ему челом, чтобы нас пожаловал, чем нам дойти до Руси. И он нам не дал ничего... иные остались в Шамахе, а иные пошли работать к Баке. А яз пошел к Дербенту, а из Дербенту к Баке, где огонь горит неугасимы...»¹

Сведения об азербайджанской топонимии в русских письменных источниках заметно расширяются к концу XVI—началу XVII века. В Литвинской редакции «Книги Большому чертежу» точно указано местонахождение крупных географических объектов Азербайджана, в том числе всех крупных ойконимов, гидронимов и оронимов Северного Азербайджана. При этом, по-видимому, авторы пользовались более старыми картами, о чем можно судить по их записям. Приведем одну из них: «...на устье реки Кура с левой стороны, у Хвалинского моря, город Солян, от города Шемахи 50 верст... А выше тое реки на Куру город Тифлис, а против Тифлиса города за рекою Кур, в горах 2 города, а подписи тем городам в старом чертеже нет»² (подчеркнуто нами. — С. М., Г. К.). На это указывает и то, что авторы наряду с ойконимами Акташ, Сальян, Шеки, Ганджа, Шамхор, Шабран, Шамахи, Барда, Дербенд, Кабала, Баку, Мушкюр, Карабах, гидронимами — Хвалинское море, р. Кура и другими отметили и р. Лабань: «...напротив города Кинжа пала в Кур река Лабань, которая течет с гор... На реке Лабани город Заем...»³. По-видимому, здесь приходится старое название реки Заем-чай.

В русских письменных памятниках зафиксированы древние названия географических объектов Азербайджана, что проливает свет на историю возникновения того или иного топонима, на изменение со временем его названия.

¹ «Хождение за три моря Афанасия Никитина (1466—1472)». М., 1980, стр. 86.

² «Книга Большому чертежу», М.—Л., 1950, стр. 88.

³ Там же, стр. 89.

Ойконимы, оронимы, гидронимы Азербайджана отмечались также многими русскими путешественниками, географами, историками, государственными деятелями. Так, в путевых заметках князя Мышецкого и дьяка Ключарева о поездках в Кахетию через Ширван в 1640—1643 годах приводятся многочисленные названия поселений и рек зоны Шемаха — Кахетия. Например, отмечается, что в 1642 году они побывали в с. Хачмаз (Варташенского района), в городе Шеки, в селах Шабалут, Заем, проходили по берегу реки Алазан и ее притока р. Кан⁴. В. Л. Гукасян пишет, что река Малая Алазань в «Географии» Страбона отмечена как река Хан(ес), а в грузинских источниках названа «Ханис цквали», что фонетически перекликается с азербайджанским названием реки Алазань — «Ганык» (Ханык)⁵.

Русские письменные источники XV—XVIII веков воссоздают почти полную картину топонимического ландшафта Азербайджана той эпохи. О достоверности этих источников говорит то, что они фактически подтверждают друг друга.

Русские послы при дворе иранского шаха Аббаса I М. Н. Тихонов, И. Брехов, Г. Шахматов и М. Баратынский в своих дневниковых записях, относящихся к 1613—1688 годам, отмечали одни и те же макротопонимы: Дербенд, Шабран, Ширван, Шамахи, Кызыл-Агач, Лянгаран (Ланкаран) и др. Ценные сведения о топонимах Южного Азербайджана приводятся и в дневнике Ф. А. Котова, совершившего в 1623 году путешествие в Персию. Он писал: «Ардевилъ больше Шемахи и лучше, дома все каменные, а лавок много, а каравансараев больше двенадцати... От Куры итти пять дней степью — ни городов, ни посадов, ни деревень нет... а по той степи живут муганы... она называется Муганская степь»⁶. Гору Савалан автор отметил как Салаван, а Рашта как Ряш, Ганджу — Генжа, что фактически близко к исконной форме (Gänza).

Особый интерес в дневнике Ф. А. Котова представляют азербайджанские названия ряда макротопонимов на территории Армении. Автор пишет, что Эчмиадзин армяне называют *Учъкюс* (от *üç kilsä*), что на русский язык переводится как «три церкви». Ереван в то время назывался *Раваном*, а гора Арарат — Агры дагом или *Баида гами*⁷. Гора Арарат в произведениях фольклора также именуется *Agry day* 'гора горя' или *Ägri day* 'кривая гора' нередко и *Başda gämi* 'на пике ковчег'. Скала, находящаяся недалеко от Арарата на территории Нахичеванской АССР, называется *Gämi gaja* 'скала-ковчег'.

В XIX веке в русских письменных источниках были зафиксированы почти все макротопонимы Северного Азербайджана. В этом аспекте особенно ценными являются: описание Шекинской провинции генералом Ф. Ахвердовым (статья составлена Могилевским в 1819 году — Тифлис, 1866 г.); описание Карабахской провинции — полковником Ермоловым и Могилевским в 1823 году (Тифлис, 1866 г.); описание Ширванской провинции — полковником Мадатовым и Могилевским в 1820 году (Тифлис, 1866)⁸, а также многотомное «Обозрение Российских владе-

⁴ «Посольство князя Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетию 1640—1643 гг.». Тифлис, 1928, стр. 161.

⁵ Г. Ворошил. Историко-филологический анализ некоторых топонимов северо-западной зоны Кавказской Албании. — «Материалы научной конференции, посвященной изучению топонимии Азербайджана», Баку, 1979, стр. 79.

⁶ «Путешественники об Азербайджане», Баку, 1961, стр. 226.

⁷ Там же, стр. 235.

⁸ Все эти описания изданы на правах рукописи и хранятся в Центральном историческом архиве Азербайджанской ССР.

ний за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях» (СПб., 1836).

В русских письменных источниках нашли отражение, можно сказать, все топонимы, однако, преобладают среди них, безусловно, ойконимы, гидронимы и оронимы.

Ойконимы: У авторов XV—XVIII веков приведены следующие ойконимы⁹: Баке/Баку/Бака; Дербент/Дербенд/Дарбанд; Шерван/Шабран/Ширван; Шемаха/Шамахи/Шемахи/Шимахи; Ганжа/Генжа/Кгенжа/Генджа; Лянгаран/Ленкорань/Лянкеран; Карабас/Карабаг/Карабах; Гасан-кала; Муган; Тавриз; Солян/Салян; Акташ; Шеки/Шеки; Зедем; Хачмаз; Шабалут; Мешебаши; Чирах-Кала; Агдам; Аксу/Агсу; Акшам, Алияр; Алты-агач/Алты-гач; Алпаут; Дашбулаг; Казах; Аг-оглан; Кара-оглан; Нахичеван и т. д.

Гидронимы: Хвалинское море; Синее море; Каспийское море; река Кур; Араз/Арас; Алазань; Кал/Хан; Загем-чай; Кесер-чай; Дели-чай; Кудияль-чай; р. Куртбулак; р. Ата; р. Самур и т. д.

Оронимы: Шах-даг, Аличапан-даг, Алты-агач-даг, Бешбармак/Бармак, Глид-даг/Кирид-даг и т. д.

В письменных источниках конца XVIII—начала XIX века дается полное описание макротопонимов Азербайджана. Изредка приводились даже исторические очерки о палеоойконимах Баку, Дербенд, Ганджа, Шамахи, Кабала, Нахчыван и др.

Значительный интерес представляют историко-филологический анализ этих палеотопонимов, а также их лингвистическая классификация.

По структуре азербайджанские топонимы, зафиксированные в русских письменных источниках, можно подразделить на простые, производные и сложные.

Согласно нормам современного азербайджанского языка к топонимам с простыми основами относятся Баку/Баки, Куба, Шеки, Джар, Кур, Кан/Хан, Ата, Падар, Загем, Сырт и др. Эти топонимы представлены на территории Азербайджана с древнейших времен. По мнению Страбона, название Шеки — Шакашен связано с этнонимом *сак* (скиф), ибо город был построен саками и назван ими *Шакашен* 'поселение шаков'¹⁰. Топоформант *-шен* в зоне Шеки участвует и в образовании таких древних ойконимов, как *Вардашен* 'село роз', *Балушен* 'село черешен', *Куткашен* 'село глиняной посуды'¹¹. О значении ойконима *Куба* существуют различные мнения¹², но есть и народная этимология — *Гуоба* 'обиталище лебедей'.

Несколько более прозрачными по значению являются такие топонимы, как *Джар* (из соответствия *й~д~дж~йар~дар~джар*), *Падар* (от одноименного тюркского этнонима *падар*), *Сырт* ('склон горы'), *Ках* (от названия племени *ках*)¹³ и *Ата* букв. 'отец'.

Производных топонимов, зафиксированных в русских письменных источниках, сравнительно немного. К ним относятся ойконимы: Гамзали, Меликли, Джоурлы, Хыналыг, Девичи/Девечи, Будуг, Гапутлы, Кызлар; Сеитмагумлы, Алпаут, Биладжик, Борчалы, Кырджали, Кебирли,

⁹ В приводимый список включены, разумеется, не все ойконимы, оронимы, гидронимы и т. п., отмеченные в русских письменных источниках XIX века, ибо количество их составляет несколько тысяч.

¹⁰ См.: Страбон «География». Л., 1964, кн. VI, стр. 484.

¹¹ См.: Г. Ворошил. Об ирано-удинских языковых контактах. — «Материалы региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков», Орджоникидзе, 1977, стр. 199.

¹² См.: А. А. Гусейнзаде. Об этимологии топонима *Куба*. — «Советская тюркология», Баку, 1971, № 2, стр. 119—125.

¹³ См.: Г. А. Меликивили. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959, стр. 128.

Пичахчи, Сарыджалы и др. В образовании этих ойконимов активную роль играли словообразовательные аффиксы азербайджанского языка: *-ли* (*-лы, -лу, -лү*), *-чи* (*-чы, -чу, -чү*), *-джин, -джа*, и аффикс множественности *-лар*.

Особенно интересен ойконим *Алтаут*, состоящий из древнего корня *alp* 'герой, удалец' и аффикса множественности *-ut* с его гласными вариантами.

Л. Г. Герценберг отмечает, что «вслед за Г. Дёрфером можно привести реликтовое множественное число на *-t* в тюркских языках (узбек. *qul* 'раб', якут. *kulit* 'слуга', *~tegin~teqit* 'принц', *alp* 'герой', *~alpayut* 'герои')»¹⁴.

Самую большую группу топонимов, зафиксированных в русских письменных источниках, составляют сложные топонимы, образованные различными способами. Часть из них образована синтаксическим путем: Дарбанд/Дарбэнд, Ширван, Дагистан, Акташ, Аксу, Учкиса, Алтыгач, Дашбулаг, Догузпара, Деличай, Кесер-чай, Кудиал-чай, Агчай, Гашга-чай, Куртбулаг, Шахдаг, Салават-даг, Бешбармак, Килид-даг и др. Образование топонимов здесь не отличается от синтаксического способа образования новых слов в азербайджанском языке. Различие проявляется лишь в характере и степени развития тех или иных внутренних связей между компонентами сложных топонимов. Кроме того, ограничен круг частей речи, функционирующих в качестве компонентов топонимов. Так в топонимах, имеющих форму определительных словосочетаний, первый компонент обычно выражается существительными или прилагательными, а второй — только существительными.

Специфика образования топонимов синтаксическим путем заключается в активном участии в этом процессе географических терминов, выступающих в функции топоформантов. К последним в исследуемых источниках чаще всего относятся номенклатурные термины: *шен, стан, кала, су, чай, булаг, дам, бенд, оба* и др. Весьма характерно в этом отношении образование сложных топонимов: *Вард+а+шен* 'село роз; поселение, богатое розами, розарий', *Балу+шен* 'село черешни; поселение, богатое черешней', *Даг+и+стан* 'горная местность, страна гор', *Чирах+кала* 'крепость-светильник', *Ак+су* 'вода Белая', *Нарын+кала* 'малая крепость', *Или+су, Ели+су* 'река, текущая сверху вниз'¹⁵, *Ак+чай* 'река Белая', *Дели+чай* 'река буйная'¹⁶, *Курт+булаг* 'волчий родник', *Даш+булаг* 'каменный родник', *Шах+даг* 'главная гора, царь гор', *Аг+дам* 'дома белокаменные', *Кошгар+даг* 'гора Кошгар'.

Однако в русских письменных источниках встречаются также сложные топонимы, образованные с помощью не топоформантов, а качественных прилагательных, числительных и других частей речи. В большинстве случаев одним из их компонентов служит имя существительное, например: *Беш+бармак* 'пять пальцев', *Уч+килса* 'три церкви', *Килид+даг* — букв. 'замкнутая, закрытая гора', *Аличапан+даг* — букв. 'гора, рассеченная (калфом) Али'.

Отметим, что русские купцы, путешественники и послы, посещавшие Азербайджан, не занимались изучением семантики и этимологии фик-

¹⁴ См.: Л. Г. Герценберг. Об исследовании родства алтайских языков. — «Вопросы языкознания», 1974, № 2, стр. 49; С. М. Моллазаде. Топонимия Северных районов Азербайджана. Баку, 1979, стр. 157.

¹⁵ См.: С. М. Моллазаде. Указ. раб., стр. 158—170.

¹⁶ П. Г. Бутков переводит этот гидроним на русский язык буквально: «Дели-чай, что по-русски означает дура-река». См.: П. Г. Бутков. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 г. по 1803 г. СПб., 1869, стр. 424.

сировавшихся ими топонимов. Такой задачи они перед собой не ставили, ибо географические объекты интересовали их в соответствии с их собственными целями. Афанасия Никитина, купца, интересовали крупные города, поэтому он нашел нужным отметить такие макротопонимы, как Ширван, Дербенд, Шамахи, Баку. А. П. Волинский, посетивший Азербайджан в 1716—1718 годах, прибыл туда по специальному заданию русского царя Петра I: разведать и тщательно записать все важные географические объекты¹⁷. Однако Ф. А. Котов, приезжавший в Азербайджан в 1623 году, сделал попытку дать русский перевод азербайджанских топонимов. Приведем один пример: «От Низовой ходу до Шаврана четыре агача... Шавран городе были одна стена да башня каменной, да разбит и посады каменные, а та Шавран и Шамаха и Дербенд со всеми уездами и с ыными городами и с пригородами изстари была шерванская земля... Путь от Шаврани на Шамаху итти все горами высоко... а по дороги от Шаврани до Шамахи стоят три каравансарай, а по-русски гостины дворы»¹⁸. И далее: «...От Равана (Ереван. — С. М., Г. К.) полдни ходу, тут стоят учькюч по-армянски, а по-нашему, по-русски три церкви... персы и турки той гору называют Султана агры, да они же зовут ее Башда кеми, а по-нашему, по-русски, на верху горы Ковчег»¹⁹.

Академик П. Г. Бутков детально описал все крупные географические объекты северной зоны Азербайджана, причем старался по возможности перевести их названия на русский язык: «Самур означает на русском языке соболя... переправились через реку Дели-чай, что по-русски значит дура-река, и остановились через 16 верст у деревни Егрек, у речки Ак-чай, что по-русски значит белая река...»²⁰.

Русские источники большей частью, в отличие от многих других письменных памятников, включая средневековые арабские, армянские и грузинские, точнее передают звучание азербайджанских топонимов и других слов. Афанасий Никитин зафиксировал не только отдельные азербайджанские слова типа (помимо приведенных выше): *качма* 'не бегай', *койтул* 'стан, орда', *батман* 'мера веса зерна', *алтын* 'золотая монета', *ногут* (<нојут) 'нефть', *инчи* 'жемчуг', *йук* 'груз', *учюс* 'дешево', *ики* 'два', *алты* 'шесть', *караваш* 'служанка', *теньге* 'деньги, монета', *дерь* 'говорить', *капкара* 'черным-черно', *кичи* 'маленький', но и целые предложения, весьма характерные для азербайджанского языка XIV—XV вв.: «Тангрыдан истермень олса калсын; олло худо, олло акь, олло карамло, тангрысань, худаетныень...» ('Бога прошу оставить [уцелеть], бог велик, бог прав, бог милосерден, всевышний ли, бог ли ты'). В этом примере азербайджанское (общетюркское) слово *tanrı* 'всевышний, бог' употреблено синонимично арабскому *худа* в том же значении, или: «ты намаз кыларсен менда намаз кыларьсыз, менда 3 карем асень инчай» ('ты молишься, и я молюсь, в день 3 раза раздаю ехсан'), «кетмыштыр инам» ('потерял веру') и т. д. А. Никитиным точно зафиксированы и топонимы: Ширван, Дербент, Баки (Баке < азербайджанское *Баки*)²¹ и т. д.

На точную фиксацию топонимов и других азербайджанских слов особое внимание обращали Иван Брехов, находившийся в Азербайджане в 1614 году [см.: Дербенд, Шамаха/Шамахи, Кызыл-Агач, Кара-

¹⁷ См.: Ф. М. Алиев. Миссия посланника русского государства А. П. Волинского в Азербайджане. Баку, 1979, стр. 86—90.

¹⁸ См.: «Путешественники об Азербайджане», стр. 222—223.

¹⁹ Там же, стр. 235.

²⁰ П. Г. Бутков. Указ. раб., стр. 423—425.

²¹ См.: «Хождение за три моря Афанасия Никитина», стр. 46—51, 60, 66.

бах, Лянгаран (<азерб. *Ләнкәран*), Кенжы (<азерб. *Кәнчә*)²², князь Михаил Петрович Баратынский, побывавший в Азербайджане в 1618 году (*капычы* 'привратник', *ишик агаси* 'управляющий ханским двором', *ага* 'господин', Баки, Шерван, Шебран/Шабран, Дербенд, *юзбаши*, 'сотник', Шамахи)²³. Очень точны записи московского купца Федора Афанасьевича Котова, посетившего Азербайджан в 1623 году, дипломата Артема Петровича Волинского (1716—1718 гг.) и, конечно, академика Петра Григорьевича Буткова (1796 г.).

В записях Ф. А. Котова встречаются топонимы: Ширван, Шамаха, Шавран/Шабран, р. Кур, Дербень, Муган, Ардевил/Ардебиль, гора Салаван/Савалан, Ряш (<азерб. *Әрәш*), Генжа, Агры даг, Тавриз/Тевриз (<азерб. *Тәбриз*), Астара, Лянкеран, Кизил-Агач и др.²⁴

В «Записках о встрече и въезде посланника Волинского к шемахинскому хану» зафиксированы не только макротопонимы, типа: Дербенд, Ширван, Шамахи/Шимахи/Шемаха, Джульфа/Жульфа, Гилян, Шабран, Муган, Кур, Арас, Ардевил/Ардебиль, Ленгебус (<Ләнкәбиз), Дагистан и т. п., но и такие слова и названия должностей, как *ишик агаси* 'управляющий дворцом', *бадя* 'растение', *башмак* 'обувь', *кальян* 'кальян, трубка', *дөшек* 'матрас', *беглербек* 'главный бек', *алтын* 'золотая монета', *катыр* 'мул', *батман* 'мера веса зерна', *хиржин* 'хурджун, переметная сума', *кумач* 'бумажная ткань', *топ* 'рулон ткани', *тай* 'вьюк', *джанешен* 'наместник'²⁵ и др.

Исключительной точностью в этом отношении отличаются «Записки персидского похода 1796 года» П. Г. Буткова: Дербент, Деремержлер (<азерб. *Дәрәмәчләр*), Сенгер (<азерб. *Сәнкәр*), Казы-кумык, Баки/Баку, Нарын-кала, Куба, Самур, Ялама, Кесер-чай, Ак-чай, Дели-чай, Шебран, Егрек, Кидиал-чай, Гельгени/Гюльчени, Шемахи, Чирах-кала, Ата-чай, Курт-булак, Череке, Хырыз (<азерб. *Гырыз*), Хыналык, Кабала и т. д.²⁶

Несмотря на отсутствие в русском языке узких переднеязычных гласных *э*; *ө*; *ү*, весьма характерных для азербайджанского языка, а также на отсутствие в его консонантной системе согласных *h*, *ғ*, *к* и других, русские авторы XV—XVIII веков сумели передать с достаточной фонетической точностью по-русски азербайджанские топонимы и другие слова, включающие указанные гласные и согласные.

Думается, что при передаче азербайджанских топонимов и антропонимов на русский язык должны обязательно учитываться традиции, издавна сложившиеся в русских письменных источниках. Фонетические изменения коснулись только тех топонимов, в которых наличествуют звуки, отсутствующие в вокалической и консонантной системах русского языка. Однако при этом в русских письменных источниках XV—XVIII веков соблюдаются определенные правила: *э* обычно передается через посредство *а*; *ө* — через посредство губного *о* (изредка через *э*), *ү* — посредством губного *у*. Фарингальный *h* либо опускается (см. у Афанасия Никитина — *ак* 'плата', вместо *нагг*), либо же заменяется близкими по произношению согласными *х*, *г* (*Гусейн-бек*, *Хаджи* у А. П. Волинского); *ғ* и *к* обычно передаются через посредство *г*, а аффриката *ч* по-разному, через посредство *ч* (у Афанасия Никитина —

²² См.: «Путешественники об Азербайджане», стр. 187, 189, 191—192.

²³ Там же, стр. 202, 203, 205, 217.

²⁴ Там же, стр. 222, 225, 226, 227, 235—236.

²⁵ См.: Ф. М. Алиев. Указ. раб. Приложение № 2, стр. 91—118.

²⁶ См.: П. Г. Бутков. Указ. раб., стр. 413, 415, 417, 422—426.

учус вместо *учуз*), *дж* и *ж* (у А. П. Волынского — *Джульфа/Жульфа*, *хиржин* < *хурджун*).

Такие палеотопонимы, как *Ширван*, *Шамахи*, *Дербанд*, *Шэбран*, *Бешбармаг*, *Бакы*, *Кур*, *Араз*, *Алазан*, *Ганыг*, *Кәнчә*, *Гах*, *Бәрдә*, *Гәләбә*, *Сәлјан*, *Тәбриз*, *Әрдәбил*, *Бөјүк шор*, *Әрәш*, *Учкилсә*, *Мүшкүр* и десятки других переданы в русских письменных источниках, как это было указано выше, путем звукозамещения.

Таким образом, можно считать, что для передачи азербайджанских топонимов, антропонимов и других слов на русском языке еще в середине прошлого века сложилась правильная, фонетически обоснованная традиция. К сожалению, в современном русском языке она нередко нарушается. Не только слова с *ә*, *ө*, *ү*, *һ*, *ғ*, *к*, *ч*, но даже такие палеотопонимы, как *Шамахи*, *Гәнчә*, *Бакы*, *Нахчыван*, *Гах*, *Күр*, *Мәрдәкан*, *Бузовна*, *Биләчәр* и т. п., в современном русском языке передаются неточно: *Шемаха*, *Гянджа*, *Нахичевань*, *Кахи*, *Кура*, *Мардакяны*, *Бузовны*, *Баладжары* и т. д.

Подобное явление (неточная передача слов, топонимов, антропонимов и т. п. на русском языке) наблюдается и в других тюркских языках, что создает путаницу, а нередко приводит даже к нарушению орфографических норм русского языка. Например, антропоним *Һүсен* передается в следующих вариантах: *Усейн*, *Гусейн*, *Хусейн*, *Хусаин*.

Ономастические названия и термины, зафиксированные в русских письменных источниках, являются ценным достоверным материалом для изучения азербайджанской исторической лексикологии и в первую очередь — истории азербайджанских топонимов и антропонимов.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

А. ХОДЖИЕВ

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ИЛИ ЗАИМСТВОВАНИЕ?

Благотворное влияние русского языка на развитие национальных языков народов СССР проявляется почти на всех уровнях: фонетическом, лексическом, грамматическом (морфология и синтаксис) и прежде всего — в словообразовании. До сего времени, однако, проблема влияния русского языка на систему словообразования отдельных тюркских языков не являлась объектом специального монографического исследования. К числу работ, специально посвященных данной теме, можно отнести кандидатскую диссертацию А. Мадрахимова «Прилагательные новообразования в современном узбекском языке» (1955), где анализируются новые словообразовательные элементы, возникшие в составе узбекских прилагательных под влиянием русского языка. Сравнительно недавно была опубликована статья А. Н. Тихонова «Влияние русского языка на систему словообразования в узбекском языке» («Советская тюркология», 1983, № 5, стр. 13—27), в которой прослеживаются изменения в системе образования в узбекском языке имен существительных, прилагательных и глагола, возникшие в результате влияния русского языка.

Как известно, в лингвистических работах, посвященных словообразованию в узбекском языке, такие элементы, как *-изм*, *-ист*, *-ик*, *-ив*, *-ар* в составе слов типа *коммунизм*, *методист*, *микроскопик*, *объектив*, *элементар*, именуются новыми словообразовательными аффиксами, появившимися под влиянием русского языка. Однако, если исходить непосредственно из самой специфики словообразовательной системы узбекского языка, то их следовало бы отнести совсем к иному языковому явлению. Рассмотрим пример из практики образования имен прилагательных.

Известно, что русские относительные прилагательные, образованные с помощью словообразовательных суффиксов, усваивались узбекским языком на основе какой-либо определенной модели: *автоматик* 'автоматический', *биологик* 'биологический', *гуманистик* 'гуманистический', *педагогик* 'педагогический', *реалистик* 'реалистический'; *прогрессив* 'прогрессивный', *конспект* 'конспективный'; *горизонтал* 'горизонтальный', *интеллектуал* 'интеллектуальный'; *реакцион* 'реакционный', *революцион* 'революционный'; *элементар* 'элементарный', *молекуляр* 'молекулярный' и т. д. Подобные прилагательные в современном узбекском языке составляют значительный пласт. В составе этих слов четко выделяются два компонента — лексема, имеющая самостоятельное значение, и регулярно повторяющаяся часть, внешне сходная с аффиксом. Именно по этой причине в лингвистических работах об аффиксальном образовании имен прилагательных в узбекском языке повторяющиеся компоненты

стали причисляться исследователями к разряду аффиксов, образующих прилагательные. Однако, на наш взгляд, в этих случаях говорить об аффиксальном словообразовании было бы неверно.

Как известно, под термином «словообразование» понимается образование нового слова на базе имеющихся в самом языке ресурсов. Производное слово при этом состоит из производящих компонентов. При аффиксальном же словообразовании оно включает в себя производящую основу и словообразующий аффикс. В узбекском языке словообразующая основа всегда является самостоятельной лексемой, а словообразующий аффикс имеет только словообразующее значение. Без наличия этих признаков нельзя говорить об аффиксальном словообразовании и о производном слове вообще. Громадное большинство таких слов, как *акустик, аналитик, архаик, генетик, график, лирик, мистик, сейсмик, синтетик; мелиоратив, декоратив; интонацион, революцион, традицион; гениал, минимал, актуал* и т. д. не делится на компоненты: словообразующую основу и аффикс. Поэтому в узбекском языке подобные слова не могут быть отнесены к разряду производных.

Некоторая часть подобных прилагательных состоит из двух компонентов: одного, обладающего лексическим значением, и второго, внешне сходного с аффиксом: *педагогик (педагог-ик), объектив (объект-ив), элементар (элемент-ар), горизонтал (горизонт-ал)* и т. д. Однако и эти слова нельзя считать образованными средствами узбекского языка, так как они возникли не в результате прибавления к основе словообразующих аффиксов узбекского языка. В узбекский язык они вошли, как и приведенные выше, в процессе усвоения им (перевода) русских прилагательных типа «педагогический», «объективный», «элементарный», «горизонтальный» в виде *педагогик, объектив, элементар, горизонтал*. С точки зрения их усвоения и возникновения в узбекском языке, между такими словами, как *педагогик* и *химик*, *объектив* и *индуктив*, *горизонтал* и *минимал* нет никакой разницы, за исключением того, что в состав первых примеров входит компонент-основа, равнозначная лексической единице и употребляющаяся в современном узбекском языке в качестве самостоятельной леммы, а во вторых примерах такой основы нет. Так же, как в словах типа *химик, индуктив, молекуляр, минимал*, словообразовательные элементы отсутствуют и в словах *педагогик, объектив, элементар, горизонтал*.

Прилагательные указанного типа по своим особенностям близки к арабским заимствованным словам в узбекском языке, имеющим в своем составе аффикс *-ий/-вий*. Например, большинство арабских заимствованных с аффиксом *-ий/-вий* также не делится на такие компоненты, как словообразующая основа и словообразующий аффикс: *бадий, табий, жиддий, моддий, сиёсий, хурофий, самимий* и т. д. Следовательно, по признаку неделимости они подобны прилагательным-заимствованиям типа: *лирик, мистик, сейсмик, революцион, традицион, мелиоратив, гениал* и др. Прилагательные типа *самимий, жиддий, сиёсий, моддий, бадий*, согласно нормам узбекского языка и системе его словообразования, не являются производными словами. Нельзя считать производными лексическими единицами также такие заимствования из русского языка, как *тактик, сейсмик, радиацион, гениал, декоратив*.

Слова типа *коммунистик, объектив, фундаментал, элементар*, в силу видимого деления их на самостоятельную семантическую часть и аффикс, очень похожи на арабские заимствования типа *асосий (асос-ий), виждоний (виждон-ий), китобий (китоб-ий), оилавий (оила-вий), тарбиявий (тарбия-вий), замонавий (замона-вий)*. Именно это сходство побуждает рассматривать вышеприведенные прилагательные-заимство-

вания из арабского и русского языков как одинаковые, идентичные явления. И по аналогии с арабским элементом *-ий/-вий* многие исследователи признают словообразующими аффиксами также *-ик*, *-ив*, *-ал*, *-ар* и другие в словах, заимствованных из русского языка (*эпизодик*, *объектив*, *горизонтал*, *элементар* и др.).

Между тем данную проблему следует решать, основываясь на конкретном процессе словообразования в современном узбекском литературном языке. Если бы элемент *-ий/-вий* выступал только в составе слов, заимствованных из арабского языка, то его нельзя было бы считать словообразующим аффиксом прилагательных узбекского языка. Но элемент *-ий/-вий*, который первоначально наличествовал лишь в составе арабских заимствований, впоследствии стал использоваться и в самом узбекском языке для образования новых слов. В настоящее время при помощи этого словообразующего аффикса создаются новообразования даже из русских заимствованных лексем: *партиявий* 'партийный', *техникавий* 'технический' и т. д. Поэтому элемент *-ий/-вий* в современном узбекском языке считается словообразующим аффиксом, чего нельзя сказать об элементах *-ик*, *-ив*, *-ал*, *-ар*.

В некоторых работах говорится об образовании прилагательных на почве самого узбекского языка при помощи элементов *-ик*, *-ив*, *-он*, *-ал*, *-ар*. Так, А. Мадрахимов в своей упомянутой выше работе пишет: «Усеченные формы прилагательных, оканчиваются на *-ик*, *-ив*, *-ал* (*-л*), *-он*. При помощи этих аффиксов образуются прилагательные от русских и интернациональных основ» (стр. 11).

И. У. Асфандияров в своей монографии посвящает этому вопросу специальный раздел и, в частности, отмечает: «Заимствованы из русского языка аффиксы *-ив*, *-ик*, *-ион*, *-ал*... Эти аффиксы очень продуктивны и число образуемых ими слов непрерывно растет»¹. В действительности же нет ни одного слова, образованного в самом узбекском языке при помощи этих элементов. Относя эти элементы к словообразующим аффиксам, И. У. Асфандияров отмечает: «И действительно, аффиксы *-ик*, *-(а)л*, *-ив*, *-ион* вошли в систему морфологических показателей узбекского языка, о чем свидетельствуют три доказательства. Во-первых, на фоне парадигматической системы, *формал*, *формалист*, *формалистик*, *формалистларча*, а также *социал*, *социалист*, *социалистик*, *социалистларча* и т. п. аффикс *-ик* выглядит аффиксом и ничем иным... во-вторых, аффикс *-ик* в словах *формалистик* (формалистический), *социалистик* (социалистический) нельзя классифицировать как русский аффикс... И, в-третьих, в русском языке нет аналогичной формы „социалистический“, „формалистический“»².

На наш взгляд, данное положение не убеждает. Во-первых, эти элементы нельзя назвать аффиксами, заимствованными из русского языка, ибо они в нем не существуют. Во-вторых, вряд ли можно считать любой элемент в составе лексической единицы аффиксом, если он имеет с ним только внешнее сходство и не обладает словообразовательным значением. И, в-третьих, возникновение на почве узбекского языка нового аффикса, заимствованного из языка другой семьи, невозможно обосновать ни одной лингвистической закономерностью.

В упоминавшейся выше статье А. Н. Тихонова содержится также мысль о том, что при помощи элементов *-ик*, *-ив*, *-он*, *-ал*, *-ар*, *-абел* в узбекском языке из имен существительных образуются различного типа

¹ И. У. Асфандияров. Русский язык в Узбекистане в условиях развитого социализма. Ташкент, 1982, стр. 76.

² Там же, стр. 77—78.

прилагательные (стр. 23—24). Так, по его мнению, суффикс *-ик* образует прилагательные из существительных, имеющих аффиксы *-ия*, *-лито* и *-метрия*, *-лог* и *-логия*, *-скоп* и *-скопия*, *-граф* и *-графия*: *монография* — *монографик*, *литограф* — *литографик*, *поэт* — *поэтик*, *поэзия* — *поэтик*, *тригонометрик*, *микроскопик*, *библиографик*, *анкологик* и т. д. Наряду с этим утверждается, что при помощи элемента *-ик* на базе существительных, имеющих аффикс *-ика*, активно образуются прилагательные: *ботаника* — *ботаник*, *математика* — *математик*... (там же). В этой же статье указывается на образование при помощи аффикса *-он* прилагательных (реакция — *реакцион*, мультипликация — *мультипликацион*), а также на появление таких прилагательных, как *регрессив*, *мелиоратив*, *гениал*, *минимал* из существительных *регресс*, *мелиорация*, *гений*, *минимум* и т. д.

Вышеприведенные существительные (*монография*, *поэзия*, *ботаника*, *статистика*, *реакция*, *мелиорация*, *гениал*, *минимум*) имеются в узбекском языке, однако нельзя считать рассматриваемые типы прилагательных в самом узбекском языке производными от них.

Слова типа *педагогик*, *социалистик*, на первый взгляд, похожи на образования из самостоятельной лексемы и аффикса *-ик*: *педагог-ик* > *педагогик*, *лингвист-ик* > *лингвистик* и т. д. На самом же деле это не так. Если бы слово *лингвистик* было прилагательным, образованным от соединения *лингвист* и аффикса *-ик*, то его семантическое значение можно было бы вывести на основе этих компонентов (*лингвист* и *-ик*). В данном же случае эти «компоненты» не передают смыслового значения слова *лингвистик*. Таким образом, в этом слове нет словообразующего аффикса, и оно поэтому не является производным.

То же можно сказать и о словах типа: *автоматик*, *акустик*, *объектив*, *прогрессив*, *гениал*, *минимал*, *традицион*, *композицион*. Хотя в эти слова и входят элементы *-ик*, *-ив*, *-ал*, *-он*, напоминающие аффиксы, однако они не обладают словообразовательным значением.

В работах А. Мадрахимова и А. Н. Тихонова высказывается мысль о возможности образования от существительных, включающих аффиксы *-изм*, *-ика*, *-ия*, имен прилагательных при помощи аффикса *-ик*. Однако факты указывают, что в узбекском языке не существует словообразования такого типа. Невозможно доказать образование в узбекском языке лексических единиц *архаик*, *акустик*, *поэтик* от слов *архаизм*, *акустика*, *поэзия*. В узбекском языке нет такой модели словообразования, по которой можно было бы образовать прилагательное, отбросив словообразовательный аффикс и прибавив к оставшейся части слова аффикс *-ик*. Нельзя также обосновать положение об образовании слова *поэтик* от слова *поэзия* (так же, как и от слова *поэт*, поскольку в узбекском языке нет подобного слова).

Остается бездоказательным утверждение, что русские прилагательные с суффиксами *-ическ(ий)*, *-онн(ый)*, *-ивн(ый)*, *-алн(ый)*, *-арн(ый)* перешли в узбекский язык на основе какой-то определенной модели словообразования.

У некоторых видов подобных прилагательных, помимо основной части, равнозначной в узбекском языке самостоятельной лексеме, имеется элемент, напоминающий аффикс, однако не обладающий признаками и особенностями, присущими словообразующим аффиксам. Причем сами эти прилагательные не являются производными. Такое явление наблюдается в заимствованных существительных. Например, в словах типа *медалист*, *новеллист*, *коммунист*, *дипломант*, *диверсант* имеются элементы, похожие на аффиксы (*-ист*, *-ант*), но согласно нормам узбекско-

го языка они не являются словообразующими. Подобные слова не могут быть отнесены к производным.

В процессе усвоения узбекским языком отдельных русских прилагательных, имеющих определенные словообразующие суффиксы, из их состава эти аффиксоподобные элементы выпадают.

Рассмотрим следующие заимствованные прилагательные: *аморф* 'аморфный', *аноним* 'анонимный', *бинар* 'бинарный'; *интенсив* 'интенсивный', *директив* 'директивный' и т. д. Эти прилагательные, возникли в результате заимствования по определенной модели русских прилагательных, образованных при помощи суффикса *-н*. То, что они не являются результатом словообразования в узбекском языке — очевидно. Поэтому русские прилагательные, возникшие на основе других суффиксов и образованные по известной модели заимствования (такие как *тилик*, *психик*, *принципал*, *революцион*, *молекуляр*), не являются новообразованиями в узбекском языке.

Резюмируя изложенное выше, можно утверждать следующее:

1. В советский период под влиянием русского языка: 1) функция отдельных словообразовательных аффиксов в узбекском языке расширилась. К их числу, например, можно отнести *-чи*, *-ли*, *-ла*, являющиеся аффиксами, образующими соответственно существительные, прилагательные и глаголы; 2) некоторые, считавшиеся уже «мертвыми» аффиксы, стали активно участвовать в словообразовательном процессе; к ним относятся: *-ий/-вий* (*партиявий* 'партийный'), *но-* (*нокапиталистик* 'некапиталистический'); 3) на основе собственных ресурсов узбекского языка появились новые словообразующие аффиксы, например, сложный глаголообразующий аффикс *-лаштир* (*конкретлаштириш* 'конкретизация'), аффикс *-аро*, образующий прилагательное (*халқаро* 'международный').

2. Современный узбекский язык не заимствовал какие-либо новые аффиксы из русского языка.

3. Появление в узбекском языке рассмотренного выше типа слов следует считать не результатом словообразования в узбекском языке, а заимствованием из русского.

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ

А. Н. КОНОНОВ

БОРИС ЯКОВЛЕВИЧ ВЛАДИМИРЦОВ — ТЮРКОЛОГ

(К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

«Несмотря ни на что, я все-таки больше всего в жизни люблю и интересуюсь восточковедением».

Б. Я. Владимирцов.

«...Борис Яковлевич принадлежал к счастливой натуре: он рано нашел себя, он рано узнал свое место в жизни, свое дело, свое назначение. Уже на школьной скамье он хочет быть ученым...».

Л. Н. Владимирцова.

Б. Я. Владимирцов родился в Калуге¹ 20 июля 1884 года в семье инженера-технолога. Первоначальное образование получил дома, затем учился в Калужской (с 1894 по 1896 г.), Владимирской (с 1896 по 1902 г.) и Каменец-Подольской (с 1902 по 1904 г.) гимназиях. В 1904 году поступил на китайско-монголо-маньчжурский разряд Факультета восточных языков (ФВЯ) С.-Петербургского университета. В 1905—1906 академическом учебном году учился в Париже, посещал лекции и практические занятия в Школе живых восточных языков (L'Ecole des Langues Orientales Vivantes, основанной в 1795 году, ныне L'Institut National des Langues et Civilisations Orientales), а также в Сорбон-

не (Парижский университет) и в Collège de France. Осенью 1906 года перешел на вновь открывшийся монголо-маньчжуро-татарский разряд Факультета восточных языков, который окончил в 1909 году. Здесь кроме обязательных курсов, слушал также лекции по истории русского языка у А. А. Шахматова, по философии у А. И. Введенского, по общему языкознанию у И. А. Бодуэна де Куртенэ; вместе с группой ориенталистов посещал занятия, проводившиеся В. В. Радловым на дому².

Летом 1907 года Б. Я. Владимирцов был командирован факультетом в Астраханскую губернию, где изучал калмыцкий язык. Летом 1908 года по командировке Русского комитета по изучению Средней и Вос-

точной Азии (1903—1908) в Западной Монголии изучал язык и фольклор дэрбэтов.

По окончании Факультета восточных языков он был оставлен при Университете для подготовки к профессорскому званию под руководством В. Л. Котвича и А. Д. Руднева. В 1911 году сдал экзамен на степень магистра монгольской и калмыцкой словесности и был командирован Русским комитетом по изучению Средней и Восточной Азии в Западную Монголию для изучения языка и фольклора баитов. В 1912 году слушал в Париже лекции по общему языкознанию у А. Мейе, по синологии и монголистике у П. Пеллио и Э. Шаванна; летом того же года занимался в Британском музее (Лондон).

В 1913 году Б. Я. Владимирцов был командирован университетом на два с половиной года в Монголию, для занятий языком, фольклором и собирания рукописей.

Осенью 1915 года Б. Я. Владимирцов был утвержден приват-доцентом Факультета восточных языков; ему было поручено чтение курса по монгольскому языку. Б. Я. Владимирцов сочувственно встретил Октябрьскую революцию и продолжал работать в университете; он стал одним из организаторов и профессоров Петроградского-Ленинградского института живых восточных языков (осн. в 1920 г.; с 1927 г. — Ленинградский восточный институт), где был руководителем монгольской кафедры и монгольского семинария (осн. в 1924 г.) до конца своих дней.

Б. Я. Владимирцов был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР в 1923 году, действительным членом (академиком) — в 1929 году, что убедительно свидетельствует о его научных заслугах, получивших широкое признание.

Б. Я. Владимирцов безвременно скончался от паралича сердца на даче (ст. Сиверская, под Ленинградом) 17 августа 1931 года в возрасте 47 лет, в расцвете творческих сил.

Б. Я. Владимирцов обладал редкой трудоспособностью, как об этом свидетельствует его друг и коллега по ФВЯ академик В. М. Алексеев³ — свободно разбирался в материалах не только монгольского, но и арабского⁴ и тюркских языков, не говоря уже о практическом знании им ряда западноевропейских языков.

Прошло сто лет со дня рождения и более полувека со дня смерти ученого — достаточный срок, чтобы объективно оценить научное наследие (мы ограничиваем свою задачу тюркологическими исследованиями) Бориса Яковлевича Владимирцова, оставившего неизгладимый след в истории отечественной и мировой монголистики.

Б. Я. Владимирцов принадлежал к тому типу востоковедов, сложившемуся в середине прошлого столетия, научные интересы которых характеризовались широким охватом фактического материала, что позволяло успешно вести исследования в разных областях — в языкознании и литературоведении, этнографии и истории монгольских народов. В последние годы своей недолгой жизни Б. Я. Владимирцов уделял все возрастающее внимание истории монголов; ему не суждено было увидеть напечатанным свой выдающийся труд «Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм» (Л., 1934, XI, 223 стр.), получивший всеобщее признание и переведенный на французский и турецкий языки⁵. Занимаясь во время пребывания среди монголоязычных племен (1907, 1908, 1911, 1913—1915, 1925, 1926 г.г.) монгольским языком и его диалектами, Б. Я. Владимирцов обнаружил в составе их лексики значительные вкрапления из словаря тюркских языков.

Уже в своей первой тюркологической работе⁶, посвященной исследованию «Турецких (-тюркских) элементов в Монгольском языке»

(ЗВОРАО, 1910, т. 20, вып. 2—3, стр. 153—184), ученый обнаружил солидные познания в специальной области тюркского языкознания. Так, он с достаточным основанием взял под сомнение некоторые положения двух работ Г. И. Рамstedта, касающиеся этимологии числительных в алтайских языках и этимологии имени «Ойрат».

Анализируя тюркские заимствования в монгольском языке, опираясь на исследования древнейших монгольских памятников (XIII в.), Б. Я. Владимирцов пришел к выводу, что «языковой мир турок (-тюрков) влиял на языковой мир монголов. В старинных монгольских памятниках мы встречаем целый ряд слов несомненно турецкого (-тюркского) происхождения, которые впоследствии частью были утрачены монголами, частью же сохранились и поныне; не надо забывать того обстоятельства, что главная масса монголов, начиная с 13-го столетия, не входила больше в непосредственное общение с турками (-тюрками) и подвергалась культурным влияниям уже других соседей. С турками (-тюрками) сталкивались только западные монголы — ойраты; большинство же монголов, ушедших на запад с Чингис-ханом и его преемниками, быстро отурчилось»⁷.

Б. Я. Владимирцов обращает особое внимание на тот факт, что влияние тюркских языков и тюркской культуры на монголов проследивается начиная с XIII—XIV веков. «Монголы позаимствовали от уйгуров, — писал Б. Я. Владимирцов, — кроме алфавита еще очень многое, что отразилось и на языке; вместе с заимствованиями новых понятий заимствовались и новые слова. Как теперь выясняется, многочисленные буддийские термины монголов, книжные и сделавшиеся достоянием живой речи — уйгурского происхождения...»⁸. Это положение ученый подкрепил сопоставительным анализом «некоторых монгольских буддийских терминов уйгурского происхождения»⁹.

Задумываясь над проблемой теории определения тюркских заимствований в монгольском языке, Б. Я. Владимирцов писал: «В будущем, быть может, когда изучение монгольских и турецких (-тюркских) наречий (-языков) достигнет совершенства... в области турецко (-тюркско)-монгольских языковых сношений можно будет оперировать анализом фонетическим, но и то в очень ограниченном размере; теперь же мы можем искать турецкие (-тюркские) элементы в монгольском языке в морфологических и отчасти семасиологических особенностях, обнаруживающих их иноязычное происхождение»¹⁰. Ученый провел морфолого-семантический анализ тюркских заимствований в монгольском¹¹. Наибольшее количество тюркских заимствований им было обнаружено «в языке ойратов, в частности Волжских калмыков»¹². Он кратко остановился также на выявлении и анализе тюркских морфологических заимствований в монгольском¹³.

Б. Я. Владимирцов, будучи тонким лингвистом, естественно, стремился (почти семь десятилетий тому назад!) ответить на вопрос о монгольском праязыке и его отношении к пратюркскому.

Первым из монголистов он утверждал, что монгольский язык является языком смешанным, а тюркские языки «являются образцом языкового консерватизма в области фонетической, морфологической и семасиологической (с чем теперь можно согласиться, только сделав целый ряд оговорок. — А. К.); в монгольском языковом мире за гораздо меньший срок происходят значительнейшие видоизменения»¹⁴ в фонетике, морфологии и семантике. Не исключено, пишет далее Б. Я. Владимирцов, что смешение обусловлено заимствованиями из тюркских языков: «Турецкие (-тюркские) элементы, морфологический

состав которых монголами, их принявшими, не сознавался, легче подвергались изменениям и воздействиям всевозможных факторов и в свою очередь действовали на другие элементы языка»¹⁵.

Б. Я. Владимирцов обратил внимание «на удивительную неупорядоченность морфологических форм в монгольском языке и изумительную при сравнении со строгостью турецкого (-тюркских) языка (языков)». «Такое обилие форм мы встречаем, — утверждал автор, — не только в письменном языке, языке сильно смешанном, но и в живых наречиях»¹⁶.

Заметим, кстати, что смешение в области морфологии свойственно также языку среднеазиатских тюркских письменных памятников, относящихся к XIV—XVII векам. Анатолийско-тюркский язык начала XIV и последующих веков вплоть до середины XIX являл собой причудливое сочетание среднеазиатского тюркского литературного языка с огузско-кыпчакско-карлукскими диалектами Малой Азии¹⁷.

Что же касается монгольских заимствований в тюркских языках, то они, по мнению Б. Я. Владимирцова, «менее значительны и спорадичны», хотя в чагатайских (у Владимирцова — джагатайских) и османских памятниках монгольских лексических заимствований, по определению ученого, довольно много; причем «иногда к туркам (-тюркам) возвращаются, как это случается и в других языках, их собственные слова, позаимствованные монголами в более раннюю эпоху» (стр. 183). К этому можно добавить, что в современных тюркских языках сохранилось немало число монгольских лексических заимствований¹⁸; особенно много монгольских заимствований отмечал Б. Я. Владимирцов у тюрков, живших или живущих в соседстве с монголами: киргизов, алтайцев, тувинцев, якутов и др.

Для истории, этнографии и языка тюркских народов представляет определенный интерес статья «Турецкий народец хотоны» (ЗВОРАО, т. XXIII, 1915, стр. 265—290), состоящая из двух частей: «Новые данные о хотонах» (Б. Я. Владимирцов, стр. 265—277), «Хотонские записи Потанина» (А. Н. Самойлович, стр. 278—290).

Речь идет о небольшом тюркском кочевом сильно омонголенном племени хотонов, обитавших в Северо-Западной Монголии. Несмотря на то, что они около двухсот лет жили «оторванными от своих соплеменников и единоверцев, они все-таки сохранили кое-что из своего былого достояния и в области материальной культуры, и в области языка и религии» (стр. 265). О прошлом хотонов сведений почти не сохранилось. Сообщаемые Б. Я. Владимирцовым историко-этнографические данные о хотонах представляют значительный интерес. Хотоны уже тогда (1911 г. — А. К.) почти забыли свой родной — тюркский язык (с преобладанием элементов восточно-туркестанского «сартовского» и киргизского языков; см. стр. 215) и употребляли даже в домашнем быту дэрбэтское наречие монгольского языка (стр. 272). Ученому удалось записать «несколько отдельных выражений и небольшой словарь» (стр. 272—277), из которых явствует, что язык хотонов находился, вероятно, длительное время под влиянием монгольских диалектов.

«Данные по языку хотонов, приведенные [Г. Н.] Потаниным [1835—1920]¹⁹, — свидетельствует А. Н. Самойлович, — записаны столь несовершенно, что пользоваться ими для суждения о происхождении хотонов приходится с крайней осторожностью. Ко времени путешествия Б. Я. Владимирцова (1911 г. — А. К.) хотоны так основательно забыли свой родной язык, что в новых записях (то есть в записях Владимирцова. — А. К.) не оказалось почти вовсе связанных текстов и грамматических форм, а преимущественно отдельные слова, да и то сильно омонголенные фонетически» (стр. 279).

В записях Г. Н. Потанина и Б. Я. Владимирцова оказалось около двухсот слов языка хотонов; этот небольшой лексический материал представляет некоторый интерес для истории тюрко-монгольских лингвистических связей.

Внимание специалистов, занимающихся проблемой алтайской языковой общности, может привлечь также заметка Б. Я. Владимирцова и Н. Н. Поппе «Из области вокализма монголо-тюркского (-тюркского) праязыка» (ДАН-В, 1924, стр. 33—35). Здесь рассматривается: монг. $*i(>i \sim u)$ -тюрк. *a*, якутск. *ä*, чувашск. *y* $> *a$.

Следующая по времени издания статья ученого, представляющая интерес для тюркологов, называется «По поводу древнетюркского *Otügen yiš*» (ДАН-В, 1929, стр. 133—136). Орхонское *Otügen yiš*²⁰ — один из лесистых горных узлов Восточного Хангая — Б. Я. Владимирцов сопоставляет с монгольско-письменным *eügen~ötügen* «Земля, Земля-владычица, божество земли» (стр. 133), причем сообщается, что это слово известно и живым монгольским наречиям. Слово *eügen~ötügen~itügen* является шаманским божеством и обозначает «божество земли», «земля, сама земля, рассматриваемая как божественная». По предположению ученого, «монг. *ötügen* этимологически близко со словом *ötüg* 'назём, место с назёмом'; как *ötügen*, так и *ötüg* являются номинальными образованиями от $V*ötü-$; ср. монг.-письм. *ötü-* 'заводится гниль', 'зарождаются черви'» (стр. 134).

В подтверждение предложенной этимологии Б. Я. Владимирцов указывает, что «можно привести много примеров, когда в одном языке какое-либо слово обозначает некое божество, а в другом языке этимологически соответствующее слово является именем нарицательным. Примеры: орхонск. *Umau* 'название женского божества', шорское: *умаї* 'дух-хранитель младенцев' ... монг.-письм. *имаї* ... 'утроба матери', 'матка', 'единоутробный'» (стр. 134)²¹.

Б. Я. Владимирцов в орхонском *Ötüken* и монгольском *Ötügen* видит — в обоих этих словах — отображение шаманских верований и приводит в качестве сравнительного материала следующие древнетюркские и древнемонгольские названия местностей, являющиеся шаманскими наименованиями, именами божеств и героев: орхонск. *qadīrqaп yiš* $< qadīr-qaп$ 'Кадыр-хан', название Хингана (горная цепь); орхонск. *qadīr*-монг.-письм. *хажіг* 'гриф-птица' (стр. 135).

Интерес Б. Я. Владимирцова к тюркским руническим памятникам засвидетельствован, кроме упомянутой выше заметки, еще тремя статьями; первая из них: «Географические имена орхонских надписей, сохранившихся в монгольском» (ДАН-В, 1929, стр. 169—174).

Внимание ученого привлекли следующие «орхонские» географические имена, сохранившиеся в монгольском языке: 1) *ауи* = *p*. Ага и долина *p*. Аги в Забайкалье; в Южной Монголии есть река с этим же названием; 2) *altun* (*yiš*) 'Алтай'; 'Алтайские горы'. В монг.-письм. слово *altai* — имя прилагательное на *-i*; *altai* 'золотой' — вытеснило древнетюркскую форму *altin* (*yiš*); 3) *bay baliq* 'Богатый город'²² на *p*. Се-ленге (VIII в. н. э.); 4) *buqaraq* (*ulīs*) $\sim$ *buqraq* (*ulīs*) сопоставляется с Бухара $<$ Бухар²³; 5) *ertis~ertiš* '*p*. Иртыш' = монг.-письм. *erčis*; 6) *Kem* '*p*. Кем — верховье Енисея'; 7) *Orqun* '*p*. Орхон' = монг.-письм. *orхun*, халх. *орхō*, ойратск. *орхн*; 8) *Ötüken* (см. выше); 9) *Qarluq~qarluу* 'карлуки, название народа' = монг.-письм. *харлиу*; 10) *qasny* — название местности ~ название реки; 11) *qīrqīz* 'киргизы'; 12) *qītañ~qītay* 'кидане — название народа'; монг.-письм. *kitad* (мн. ч.) $< *kitan < *qītañ$ 'Китай'. «Монголы, очевидно, стали называть Срединное государство по

имени киданей, владевших им одно время, и передали это словоупотребление русским» (стр. 178); 13) *šanđun* 'Шаньдун — название китайской провинции'; 14) *selenę* 'р. Селенга' — по-видимому, это слово маньчжуро-тунгусского происхождения; 15) *taŋut* 'название страны и народа Тангут'; 16) *tatar* 'название народа монгольского племени, татары'; 17) *törüt* 'Тибет'. «Можно думать, что орхонск. *törüt* и монг.-письм. *töbed* <тибетск. *töṣö* (g) 'Верхний Бод~Верхний Тибет'; 18) *tuyla* = монг.-письм. *tuɣula* > халх. *тұла* — 'р. Тола, приток Орхона'; 19) *уууиг* = монг.-письм. *ууиуиг* (~ *уиуиг*) 'уйгуры'.

Для изучения истории тюркской лексики и морфологии очень полезна статья Б. Я. Владимирцова «Заметки к древнетюркским и старомонгольским текстам» (ДАН-В, 1929, стр. 289—296); в ней рассматриваются следующие слова и аффиксы:

1) уйг. *idil* в составе предложения: *уана idil bolti* (из манихейского текста). Отвергая ранее принятое истолкование слова *idil*, автор предложил свой перевод: «опять стал другом»; *idil* = монг.-письм. *ijil* < *idil 'друг', 'товарищ, тот, с кем свылся, сошелся'. «Толкование такое, — замечает ученый, — в общем, не противоречит всему контексту, хотя, — следует еще раз оговориться, судить о нем затруднительно ввиду большой фрагментарности. Ср.: ...нов. монг.-письм. *ijil* 'Волга', тюрк.: джигат. *edil* 'Волга, река', казанск.-татарск. *idil* 'большая река', 'Волга', кирг. *ädil* 'id'» (стр. 289).

Но можно ли подтвердить значение слова *idil* 'друг' сопоставлением с таковым же в значении «большая река», «Волга»? На наш взгляд, невозможно! Это — два разных слова²⁴.

2) Афф. (=суффикс) *-či* — омоаффикс, образующий имена существительные от именных и глагольных основ; этот же аффикс имеет и значение диминутива. Б. Я. Владимирцов не разграничивал эти значения;

3) Монг. *jam*, тюрк. *yam* 'путь, дорога, почтовая станция, ям' (стр. 290). Слово *yam* 'почтовая станция' было известно в Золотой Орде, откуда и перешло в русский язык — «ям», «ямщик» (стр. 292);

4) Глагольный корень *ig-* обнаруживается в чагатайск. *igim* 'хорошее и дурное предзнаменование'; орхонск. *igq* 'предсказание', 'гадание';

5) Монг. *dayig* = тюрк. *yayiz* 'бурый, темно-бурый'.

Летом 1915 года во время путешествия по Северной Монголии Б. Я. Владимирцов обнаружил в долине р. Тэс наскальную руническую надпись, которая позднее была им подготовлена к публикации; корректура статьи — «Небольшая турецко-енисейская надпись на р. Тэс» — хранится в библиотеке ЛО ИВ АН СССР²⁵.

Для сравнительно-исторического изучения тюркских языков (в сопоставлении с монгольскими) исключительно важное значение имеет большой обстоятельный труд Б. Я. Владимирцова «Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика» (Л., 1929, XII, 436 стр.).

В своих изысканиях автор опирается на четко выраженное им признание того факта, что «монгольский язык считается родственным тюркскому и тунгусскому (теперь принято говорить о тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках. — А. К.) потому, что эти три языка получились в результате различной эволюции одного языка, на котором когда-то говорили; монгольский язык вместе с тюркским и тунгусским имеют одного общего предка, которого условно

зато известны алтайские языки, т. е. монгольский, тюркский и тунгусский, получившиеся в процессе развития алтайского языка» (стр. 45).

В качестве теоретической основы своего труда Б. Я. Владимирцов принял следующую, имеющую принципиальное значение идею: «Сравнительная грамматика алтайских языков основывается только... на сходных соответствиях, которые наблюдаются между алтайскими языками, между монгольским, тюркским, тунгусским. Если будет установлено, что есть еще язык или языки, происходящие от алтайского, т. е. являющиеся новой формой его развития, то такой язык или языки должны будут занять место в алтайской семье; если же когда-нибудь удастся установить систему соответствий между алтайской и другой какой-нибудь группой языков, то возникнет новая сравнительная грамматика, как бы надстроенная над сравнительной грамматикой алтайской группы» (стр. 45).

К этому перечню языков алтайской группы следовало бы прибавить японский и корейский языки, идея сближения которых с названными выше алтайскими языками занимает умы востоковедов уже весьма давно²⁶.

«Монгольский язык, — писал Б. Я. Владимирцов, — ...находится в ближайшем родстве с языком тюркским, вместе с которым он пережил общую эпоху; это значит, что языки монгольский и тюркский представляют из себя две разные формы развития одного общего языка, который сам в свою очередь восходит к алтайскому языку» (стр. 45—46).

Теория родства алтайских языков, несмотря на яростные атаки ее противников, продолжает сохранять большое число сторонников, но, конечно, не в такой, слишком прямолинейной форме, как это представлял себе Б. Я. Владимирцов. Следует отметить при этом научную смелость ученого, так как его воззрения на родство алтайских языков, возводимых к праязыку, находились в очевидном и резком противоречии с господствующей тогда (конец 20-х годов) яфетической теорией, превратившейся вскоре в «новое учение о языке».

Б. Я. Владимирцов, говоря об агглютинативном характере алтайских языков, делал чрезвычайно важное, — в настоящее время порой забываемое, — заключение: «Агглютинативный строй совсем не является единственным и даже типичным ни для монгольского языка, ни для алтайской семьи языков. С другой стороны, агглютинативные системы известны языкам иных, чем алтайские, групп. Почему и нельзя производить классификацию по принципу агглютинативности».

Невозможно также устанавливать родство между отдельными языками на основании таких общих фонетических явлений, как, например, сингармонизм, т. е. гармония гласных, и в особенности на основании сходства отдельных слов. На родственную связь между языками монгольским, тюркским и тунгусским указывают системы сходных соответствий как в области фонетики, так и в области морфологии, синтаксиса и лексики, но особенно показательны в этом отношении детали, в частности морфологии этих языков» (стр. 46).

Эта цитата из классического труда Б. Я. Владимирцова определяет основные положения и направления алтаистических исследований и в наше время.

«Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика» — этот выдающийся труд Б. Я. Владимирцова, в равной степени полезен для всех занимающихся алтайскими языками; здесь обработан, систематизирован и проанализирован огромный фактический материал из монгольских, тюркских,

тунгусо-маньчжурских языков; почти весь лексический материал представлен в этимологическом освещении, то есть в самом его трудном и сложном аспекте.

Фонетика монгольского письменного языка и халхаского наречия в изложении Б. Я. Владимирцова является единственным в своем роде фонетическим исследованием, основанным на слуховом методе, причем точность описания удивительна. Кроме того, внимательный читатель найдет здесь немало тонких наблюдений над элементами монгольской морфологии.

Заканчивая краткое поминальное слово о Борисе Яковлевиче Владимирцове, хочу еще раз отметить, что в его лице наше востоковедение имело выдающегося ученого, оставившего научное наследие, навсегда вошедшее в основной фонд отечественных научных достижений, что и обеспечило ему добрую память и признательность последующих поколений востоковедов.

¹ В сб.: «Филология и история монгольских народов. Памяти академика Б. Я. Владимирцова» (М., 1958) на стр. 5 сказано: «родился в Каменец-Подольском», что неверно. Все приведенные здесь биографические сведения о Б. Я. Владимирцове взяты из его автобиографии, хранящейся в Ленинградском отделении Архива Академии наук СССР: ф. 780, оп. 2, ед. хр. 4; см. еще: Архив Академии наук СССР. Обзорные архивных материалов. Том IV. М.—Л., 1959, стр. 281—282.

² А. Н. Кононов. История изучения тюркских языков в России. Дюктябрьский период. Л., 1982, стр. 121, 122.

³ В. М. Алексеев. Памяти академика Б. Я. Владимирцова. — В кн.: В. М. Алексеев. Наука о Востоке. Статьи и документы. М., 1982, стр. 43—47.

⁴ Б. Я. Владимирцов. Арабские слова в монгольском. — «Записки коллегии востоковедов». Л., 1930, т. V, стр. 73—82.

⁵ Подробнее о научной деятельности Б. Я. Владимирцова в области монгольского языкознания, литературоведения и истории монголов см.: Н. П. Шастина. Борис Яковлевич Владимирцов (1884—1931). — В сб.: «Филология и история монгольских народов...», стр. 3—8; Г. Д. Санжеев. Б. Я. Владимирцов — исследователь монгольских языков. — Там же, стр. 12—40; Г. И. Михайлов. Литературоведческие концепции Б. Я. Владимирцова. — Там же, стр. 41—58; Г. Н. Румянцев. Труды Б. Я. Владимирцова по истории монголов. — Там же, стр. 59—81.

⁶ Библиография трудов Б. Я. Владимирцова см.: Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934, стр. IX—XI; а также сб.: «Филология и история монгольских народов. Памяти академика Б. Я. Владимирцова». М., 1958, стр. 8—10.

⁷ Б. Я. Владимирцов. Турецкие элементы в монгольском языке, стр. 159.

⁸ Там же, стр. 162.

⁹ Там же, стр. 163—169.

¹⁰ Там же, стр. 169.

¹¹ Там же, стр. 170—177.

¹² Там же, стр. 177—178.

¹³ Там же, стр. 178—180.

¹⁴ Там же, стр. 181.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ А. Н. Кононов. К истории формирования турецкого письменно-литературного языка. — «Тюркологический сборник. 1976». М., 1978, стр. 256—287.

¹⁸ См., например: А. Т. Кайдаров. О некоторых общих тюрко-монгольских однокоренных основах. — В кн.: «Якутский филологический сборник». Якутск, 1976, стр. 26—30; Caferoğlu. Azerbaycan ve Anadolu ağızlarındaki Moğolca unsurlar. — «Türk Dili Araştırma Yıllığı. Belleken», Ankara, 1954, стр. 1—10; O. N. Tuna. Osmanlı'da Moğolca kelimeler. — «Türkiyat Mecmuası». İstanbul, t. XVIII, стр. 281—314.

¹⁹ Записаны им в 1876—1877 гг. О Потанине см.: «Библиографический словарь отечественных тюркологов. Дюктябрьский период». М., 1974, стр. 239—240.

²⁰ С. Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964, стр. 33—34; А. Н. Кононов. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX вв. Л., 1980, стр. 144.

²¹ См. также: Л. П. Потапов. Умай — божество древних тюрков в свете этнографических данных. — В кн.: «Тюркологический сборник. 1972», М., 1973, стр. 265—286.

²² Не исключено, что Bay balıq 'Священный город': там находился Байбалагский монастырь — Чулгин суме, монастырь на северном берегу Селенги (Б. Я. Владимиров. Указ. раб., стр. 171).

²³ См.: С. Г. Кляшторный. Указ. раб., стр. 126—129.

²⁴ См.: М. Р. Федотов. Этатизм и итацизм в свете тюркских названий реки Волги. — «Советская тюркология», 1978, № 4, стр. 44—47; о тюркском слове *Волга* см.: А. Н. Кононов. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана хивинского. Л., 1958, стр. 81, § 19; P. B. Golden. Khazar Studies, vol. I, Budapest, 1980, стр. 224—227.

²⁵ Подробнее см.: С. Г. Кляшторный. Наскальные рунические надписи Монголии. — «Тюркологический сборник. 1975», М., 1978, стр. 152—153.

²⁶ См., например: E. Boller. Nachweis, dass das Japanische zu den Uralaltaischen Stämme gehört. Wien, 1857.

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

А. Б. АБДУЛЛАЕВ

КОНСТРУКЦИИ С БИЛАТЕРАЛЬНОЙ ЧУЖОЙ РЕЧЬЮ В УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКЕ

В данной статье рассматриваются конструкции с билатеральной чужой речью на материале узбекского языка с применением системно-структурного метода¹.

Билатеральная речь как особая форма чужой речи образуется в результате взаимодействия в произведении авторского повествования и речи персонажей. Как отмечает академик В. В. Виноградов, авторская речь в этой форме передачи чужой речи перемежается, смешивается, сталкивается со сферами речи и мыслей персонажей². При этом способе передачи чужой речи иногда трудно определить, что относится непосредственно к авторской речи, а что к речи персонажа, например: *У шарта бурилиб дарвозага қараб кетди... На хотки, шу кетишда чиқиб кетса? На хотки, тўхтамаса?* (О. Ёқубов) 'Он сразу повернулся и пошел к воротам... Неужели он так и уйдет? Неужели не вернется?'

С учетом двойственного характера этого способа передачи чужой речи, нами вместо обычного термина «несобственно-прямая речь» используется термин «билатеральная речь»³.

Относительно термина «несобственно-прямая речь» в языкознании существуют различные мнения. По этому поводу Г. М. Чумаков писал: «Вместо „несобственно-прямая речь“ здесь уместнее было бы употреблять другой термин, который бы назвал явление в его наиболее общем виде — типа речь „получужая“, „смешанная“ и т. п., однако термины этого рода не получили общего признания, сущность данной разновидности точнее всего передают термины „несобственно-авторская“, „несобственная речь автора“, в меньшей степени — „непрямая речь автора“»⁴. «Этот вид чужой речи, — пишет Х. Курбатов, — стоит на грани между прямой и авторской речью, она в одно и то же время является речью и автора, и персонажа, поэтому для нее термин *ўртақ, сейлам* кажется более удачным, чем другие термины „несобственно-прямая речь“, „свободная косвенная речь“, „пережитая речь“, „изображенная речь“»⁵.

Выделение лингвистами категории билатеральной (несобственно-прямой) речи как особого способа передачи чужой речи относится ко

¹ См.: С. Н. Иванов. Об изучении тюркских языков. История и современность. — «Советская тюркология», 1976, № 5, стр. 76.

² В. В. Виноградов. О языке художественной литературы. М., 1959, стр. 134.

³ См.: «Большая Советская Энциклопедия», т. III, 1970, стр. 945.

⁴ Г. М. Чумаков. Синтаксис конструкций с чужой речью. Киев, 1975, стр. 43.

⁵ Х. Курбатов. Прямая, косвенная и несобственно-прямая речь в современном татарском литературном языке. Автореф. канд. дисс., Казань, 1955.

второй половине XIX века и связано с изучением в русском языкознании языка художественных произведений. При определении стилистической роли различных синтаксических конструкций, в том числе и конструкций с прямой и косвенной речью, были обнаружены такие синтаксические построения для передачи чужой речи, которые нельзя было отождествить с конструкциями ни прямой, ни косвенной речи. Они воспринимались как некие новые приемы передачи чужой речи. Начиная с конца прошлого столетия появился ряд лингвистических исследований, посвященных изучению особенностей этой конструкции.

Одни лингвисты билатеральную речь рассматривали как своеобразное смещение прямой и косвенной речи. Другие, не признавая билатеральную речь особым способом передачи чужой речи, относили ее к вариациям либо прямой, либо косвенной речи.

В результате проведенных исследований существование билатеральной речи было признано неоспоримым фактом и ее стали находить во всех литературных языках мира⁶. Все авторы, занимавшиеся данной проблемой, пришли к единому мнению, что билатеральная речь возникла в результате дальнейшего совершенствования способов передачи чужой и авторской речи в повествовании и является более изощренным, нежели прямая и косвенная речь, способом передачи речи и мыслей персонажей художественных произведений.

В русском языкознании билатеральной речи было посвящено специальное исследование, в котором излагается история вопроса и освещаются основные направления возникновения и развития форм и стилистических функций билатеральной речи⁷. Несмотря на то, что за последнее время в общем языкознании рассматриваемой проблеме посвящено немало работ, до сих пор нет четких и конкретных определений, вскрывающих сущность данного способа передачи чужой речи. «В некоторых работах по русскому языкознанию под определение „несобственная прямая речь“ подводятся неоднородные факты: а) отличные от косвенной речи способы изложения в авторском повествовании высказываний и мыслей персонажей; б) авторское повествование, содержащее отдельные слова, характерные для персонажей; в) некоторые приемы описания автором настроения или внутреннего состояния персонажей в случае, когда содержание их „речи“ в авторском повествовании не излагается (то есть нет пласта чужой речи). Ряд исследователей к оценке языковых явлений подходит с позиций чисто стилистических, без учета грамматических особенностей. В результате этого билатеральная речь не получает четких определений»⁸. Также не решен еще вопрос о том, к какому явлению следует относить билатеральную речь — к грамматическому или стилистическому. Многие ученые, относя ее к стилистическим явлениям, не считают возможным рассматривать эту речь как синтаксическую категорию⁹. По мнению А. И. Молоткова, говоря о несобственно-прямой или свободно-косвенной речи, ее следует выделить в какой-то новый грамматический способ передачи чужой речи в русском языке, более того — считать сочетанием конструкций прямой и косвенной речи. Прямая и косвенная речь в русском языке — явление грамматическое, а не собственно прямое явление стилистики¹⁰. «Несобствен-

⁶ А. И. Молотков. К истории синтаксических конструкций для передачи чужой речи в русском языке (конструкция прямой речи). — В кн.: «Исследования по грамматике русского языка», Л., 1962.

⁷ В. Н. Волошинов. Марксизм и философия языка. Л., 1930, стр. 33.

⁸ М. К. Милых. Прямая речь в художественной прозе. Ростов-на-Дону, 1958, стр. 13.

⁹ В. В. Виноградов. Указ. раб., стр. 136.

¹⁰ А. И. Молотков. Указ. раб., стр. 186.

ная прямая речь, — пишет Н. С. Поспелов, — не является воспроизведением чьей-то ранее уже имевшей место чужой речи, а служит в составе авторской речи средством непосредственной передачи от лица автора внутренней речи персонажа, его размышлений, недоумений, вопросов»¹¹. Подобное мнение основано на том, что билатеральная речь не является способом передачи чужого высказывания, а только излагает его содержание. Те же авторы, которые относят билатеральную речь к синтаксическим явлениям, считают, что она обладает особой структурой, соотносимой со структурами других способов и типов передачи чужого высказывания. Таким образом, многообразие функций билатеральной речи порождает многообразие форм последней, что затрудняет установление единого грамматического критерия для ее распознавания. В связи с этим в русском языкознании для ее определения возник целый ряд терминов: «своеобразное смешение прямой и косвенной речи», «свободная косвенная речь», «завуалированная или открытая речь», «пережитая речь», «несобственно-авторская или несобственно-прямая речь», «речь как факт», «несобственно-косвенная речь», «подражающая речь», «фигуральная речь», «получужая речь», «непрямая речь автора» и т. д.¹²

Изучение билатеральной речи в тюркологии началось недавно. Почти во всех исследованиях, за исключением работ Х. Курбатова, Ю. М. Виноградова и А. Исраилова, рассматриваются лишь две разновидности чужой речи — прямая и косвенная. Косвенная речь рассматривается как трансформация прямой речи. В тюркских языках, в частности в узбекском литературном языке, лишь недавно стали использоваться билатеральные формы передачи чужой речи, и этим, по-видимому, объясняется то, что они не были до последнего времени объектом специального изучения.

В диссертациях Х. Курбатова, Ю. М. Виноградова и А. Исраилова приводятся общие сведения о билатеральной речи. «В тюркских языках, — пишет Х. Курбатов, — а также и в русском языке в несобственно-прямой речи могут употребляться все времена глаголов и местоимений для несобственно-прямой речи и в этих языках в основном сохраняется, хотя иногда могут употребляться и другие лица»¹³. А. Исраилов отмечает, что некоторые особенности несобственно-прямой речи сходны с признаками авторской, хотя полностью с ней и не совпадают, но в то же время — это и не речь персонажа. Однако бесспорным остается тот факт, что несобственно-прямая речь неразрывно связана с прямой, косвенной и авторской речью и относится к числу сложных синтаксических явлений¹⁴. По мнению Ю. М. Виноградова, рассказ, включающий несобственно-прямую речь, рассчитан на то, чтобы особым образом воздействовать на эмоции слушателя или читателя¹⁵.

Таким образом, билатеральная речь характеризуется по-разному. На наш взгляд, неправомерно объяснять взаимоотношения авторской и чужой речи без учета их неоднородного характера. Не следует при этом пренебрегать также семантическим и структурным типом конст-

¹¹ Н. С. Поспелов. Несобственно-прямая речь и формы ее выражения в художественной прозе Гончарова 30—40-х годов. — «Материалы и исследования по истории русского литературного языка». Том IV, М., 1967, стр. 220.

¹² Л. А. Соколова. Несобственно-авторская (несобственно-прямая) речь как стилистическая категория. Томск, 1968, стр. 147.

¹³ Х. Курбатов. Указ. раб., стр. 19.

¹⁴ А. Исраилов. Чужая речь в современном узбекском литературном языке. Автореф. канд. дисс., Ашхабад, 1971, стр. 12.

¹⁵ Ю. М. Виноградов. Конструкции с прямой и косвенной речью и несобственно-прямая речь в современном чувашском языке. Автореф. канд. дисс., Чебоксары, 1975.

рукций с билатеральной речью. Однако высказывается иногда и мнение, что «моделей построения несобственно-прямой речи нет, а обнаруживается она по содержанию рассказа»¹⁶. Такое суждение представляется нам недостаточно обоснованным, так как билатеральная речь обладает особой структурой, непосредственно соотносящейся во всех своих составных частях со структурой других способов и типов передачи чужой речи. Изучение билатеральной речи как проявления индивидуальной особенности языка писателя позволяет глубже проникнуть в структуру и содержание произведения. «Под пером выдающихся мастеров, — писал Л. А. Булаховский, — эта изящная синтаксическая структура, соединяющая в себе отражение, но вместе с тем выразительные эмоциональные краски воспроизводимой в наиболее важных элементах фразы героев повествования с объективизирующей сдержанностью авторского сообщения, — выступает и в поэзии, и в прозе, как прекрасный род передачи голосов, которым, по авторскому замыслу, нужно звучать сдержанно, приглушенно...»¹⁷.

Главная цель введения билатеральной речи в ткань художественного произведения заключается в сближении речи автора и персонажей. Билатеральная речь передает чужое высказывание от лица автора и характеризуется близостью к тексту авторского повествования, хотя и не выражает точки зрения автора. Автор не передает билатеральной речью слов и мыслей своего персонажа, а говорит или думает за него¹⁸. Эта особенность сближает ее и с прямой, и с косвенной речью.

1. Факты узбекского языка показывают, что билатеральный способ передачи чужой речи не только соотносим с другими способами, но и составляет с ними оппозиционный ряд передаваемой чужой речи, ибо различия между типами конструкции заключаются не в объеме передаваемой информации, а в форме передачи последней.

2. Следует отметить, что и в билатеральной, и в авторской речи автор художественного произведения выступает сам, однако при этом он, во-первых, повествует о персонаже, его действиях, раскрывает его мысли и чувства, а во-вторых, выступает за персонаж, сохраняя лексику и грамматические формы его речи.

3. Формой билатеральной речи является сложное синтаксическое целое авторского контекста, которое, в зависимости от состава компонентов (вводимых и вводящих), может состоять из нескольких предложений.

4. Как и другие типы чужой речи, конструкции с билатеральной речью состоят из двух частей: вводящей и вводимой. Вводящая часть подготавливает читателя к восприятию следующего предложения как высказывания персонажа; в ней сообщается о том, что герой, к примеру, задумался, стал вспоминать, пришел в сильное волнение и т. п. Например: *Воҳид... завқ билан тамоша қиларкан. Розия билан биринчи марта ўз боғларида олма тераётиб танишгани эсига тушиб кетди... Яна Розия! Менга бир нима бўлди ми ўзи?* (О. Екубов) 'Вахид с интересом наблюдал... и вдруг вспомнил то время, когда впервые познакомился с Розией, собирая яблоки в своем саду... Опять Розия! Что же со мной происходит?' *Уни беҳуда хафа қилгани юз-кўзларидан билиниб турибди: Нега уни койидим! Бусиз ҳам унга оғирку! Ҳам ишласа, ҳам уйга қараса. Мен-чи? Менга ос-*

¹⁶ Ю. М. Виноградов. Конструкции с прямой и косвенной речью и несобственно-прямая речь в современном чувашском языке, стр. 20.

¹⁷ Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка. Том I, Киев, 1952.

¹⁸ «Грамматика русского языка». Том II, ч. 2, М., 1960.

онми? *Кўлсиз одам кимга керак?* (Р. Раҳмон) 'По ее виду было ясно, что он ее зря обидел. Почему же я ее обидел? Ей же и так трудно! Она и работает, и за домом смотрит. А мне? Разве мне легко?... Без руки кому я нужен?' *Ойқиз ўз ҳаёти ҳақида уруш йиллари турлича ўйлаб кўрди. Унингичи тамом қилиш керак, кейин эса институт. Хозир ўқиш ҳақида ўйлаш мумкинми? Колхоз ишини ўқиш билан боғлаб олиб бориш осон эмас* (Ш. Рашидов) 'Айкыз в годы войны задумывалась о дальнейшей своей жизни. Надо кончить десятилетку, затем институт. Разве сейчас можно думать об учебе? В колхозе нелегко совмещать работу с учебой'.

5. В составе вводящего предложения можно встретить глаголы говорения или мысли, восприятия. Например: *Саодат ўйлаб қолди: «Болалари бор дейишганди»* (Р. Раҳмон) 'Саодат задумалась: «Говорят, что у него есть дети»'.

6. Заключительная фраза авторской речи показывает границу билатеральной речи. Например: *Тўсатдан миямга бир фикр чағнади: — Нима демоқчи! Мени одам бўлмайди демоқчимми?* (О. Ёкубов) 'И вдруг в голову пришла мысль: Что хотят этим сказать! Думают, что из меня не получится человек?'. *Биз эртасига учрашадиган бўлдик. Эртага кунгелимда бор гапни унга очик айтман!* (О. Ёкубов) 'Мы решили встретиться завтра. Завтра я ему выскажу все, что о нем думаю'.

7. Во всех приведенных примерах билатеральная речь формально сближается с прямой речью. Как и в прямой, в ней сохранены все особенности речи персонажей: лексические, морфологические и интонационные, а также частицы, междометия и т. п., передающие эмоциональную окраску стиля речи героев и отношение автора к высказыванию. Билатеральная речь, формально сближаясь с прямой речью, отличается раскрытием отношения автора к поведению и «высказыванию» персонажа.

8. В современном узбекском языке конструкции с билатеральной речью по синтаксическому отношению компонентов имеют следующие разновидности: I. Синтетические конструкции с билатеральной речью, II. Аналитические конструкции с билатеральной речью, III. Одинарные конструкции с билатеральной речью, IV. Конструкции с присоединительной билатеральной речью.

I. Наиболее широко употребляются синтетические конструкции. В них компоненты объединяются в одну синтетическую конструкцию и по содержанию, и по грамматической форме. Между такими компонентами, в зависимости от семантики, грамматических отношений, а следовательно, и интонационных особенностей, употребляются различные межфразовые знаки препинания: запятая, тире, двоеточие и др. Например: *Лекин унинг ҳозир келиши негадир менга ёғмади. Ҳатто кўнгелимда қандайдир қўрқув уйғотди: «Кечаси нима қилиб юрибди?!»* (О. Ёкубов) 'Но сейчас его приход мне не только не понравился, а даже вызвал страх: «Зачем шляется ночью?!»'.

Эти конструкции по позиции, занимаемой компонентами, делятся на следующие типы:

1) Конструкции с препозитивным вводящим компонентом. Например: *Бир йигит бир курундию гойиб бўлди. Ким экан бу йигит. Нахотки Собиржон булса? Жуда узгариб кетибдику?* (О. Ёкубов) 'Какой-то парень показался и исчез. Кто же этот парень? Неужели это Сабиржан? Он так сильно изменился?'.

2) Конструкции с постпозитивным вводящим компонентом. Например: *У нима қилиб турибди? Нега бундай тикилиб қа-*

райди? Мен шуларни ўйлардим (Ж. Абдуллажанов) 'Что он там делает? Почему он так внимательно смотрит? Вот о чем я думаю'.

3) Конструкции с интерпозитивной билатеральной речью. Например: *Муқаддас ҳам эсимдан чиққан эди. Уни яна нега чалғитдим? Нега уни алдадим? Бунинг сабабини ўзим ҳам билмас эдим* (О. Ёқубов) 'Ведь и Мукаддас я давно позабыл. Так почему же опять беспокою ее? Зачем обманываю? Причину и сам не знал'.

II. В аналитических конструкциях компоненты употребляются раздельно и каждый характеризуется своей особой интонацией. Между ними ставятся точка, вопросительный или восклицательный знаки; компоненты объединяются общим содержанием. Например: *У шарта бурилиб дарвозага қараб кетди... Нахотки, шу кетишда чиқиб кетса? Нахотки, тухта маса?* (О. Ёқубов) 'Он сразу повернулся и пошел к воротам... Неужели он так и уйдет? Неужели не вернется?'.

III. Одинарная билатеральная речь характеризуется тем, что она употребляется без вводящего компонента. Такие конструкции состоят в основном из одного компонента. Но так как они имеют семантическую связь с авторским повествованием, их можно считать неполными конструкциями с билатеральной речью. Например: *Нега буларнинг гапи чўзилиб кетди? Ёки ойим менга кўрсатган хатларини унга ҳам кўрсатяптимикин? Тоқатим тоқ бўлди* (О. Ёқубов) 'Почему у них затянулся разговор? Не показала ли ему мама те же письма, что и мне? Я не могу больше ждать'.

IV. Конструкции с присоединительной билатеральной речью отличаются от других своей синтаксической структурой. Синтаксические отношения, лежащие в их основе, обычно определительные и обладают большой семантической емкостью. В роли билатеральной речи могут выступать слова, словосочетания, предложения. Присоединительные компоненты имеют многочисленные оттенки. Например: *Уша кун менга Муқаддаснинг қалбида яхши бир ҳис ўйгонаётганга ўхшаб кўринганди. Бу хақиқатми? А малга ошмайди ган бир хаёлми?* (О. Ёқубов) 'Мне показалось, что в тот день в душе Мукаддас зародилось хорошее чувство. Правда это или миф?'.

Ойимнинг ҳикояси ўйларимни тўс-тўполон қилиб юборганди. Бу хатлар эхтимол ойимни оқлар, лекин меничи? Мени оқлармикин? (О. Ёқубов) 'Рассказ матери развеял мои мысли. Это признание, может быть, оправдывает мою мать. А меня? Оправдывает ли меня?'.

9. Конструкции с билатеральной речью в современном узбекском языке имеют следующие структурно-синтаксические особенности.

1) Чаще всего билатеральная речь включает предложения, характерные преимущественно для устной речи: вопросительные, восклицательные, побудительные.

2) Билатеральная речь обычно не соответствует нормативному строю повествовательного предложения, а принимает форму предложений, типичных для разговорного языка. Например: *Бу янгилик Бўронбек эимдан бошчилик қилаётганини кўрсатувчи далил эди. Аммо бу янгиликни Лаъли кимдан эшитган? Бўронбекданми?* (Х. Ғуом) 'Эта новость была доказательством того, что Буранбек руководит (шайкой) тайно. Но от кого Лали узнала эту новость? Не от самого ли Буранбека?'.

Қодиров қандай қилиб кўчага чиққанини билмай қолди. Нима бўлди ўзи? Ахир, у кўчада юрибдику? Мана гўдаклар раисни қандай ҳолга солдилар! (Ш. Рашидов) 'Кадыров не мог понять, как он очутился на улице. Что произошло? Почему он находится на улице? Вот до чего довела молодежь председателя!'.

3) По структурно-синтаксическому построению билатеральная речь характеризуется и тем, что в ее составе используются различного рода модальные слова, вводные члены, междометные слова и частицы, отражающие особенности разговорной речи. Например: *Норхола ўғлини кутарди. Учарчаб келган бўлса ҳам ухламади. Узоқ йиллардан буён ўқишда бўлган ўғлини кўриб, қувонган онанинг кўзларига уйғу келармиди?* (С. Назар) 'Хотя Норхала пришла уставшая, она не спала. Ждала сына. Может ли спать мать, которая не видела сына все долгие годы его учебы?'. *Муқаддас куринас эди. Нахотки, бошқа факультетга кирган бўлса?* (О. Ёқубов) 'Мукаддас не было видно. Неужели она поступила на другой факультет?'.

10. Билатеральная речь отражает воспоминания или внутреннюю эмоциональную реакцию персонажей, их поведение, взаимоотношения. Например: *Бунинг ҳаммаси қўшилиб, миясида яна нотинч саволни тугдирарди: «Менга қанақа гапи бўлиши мумкин? Ни ма дейиши мумкин?»* (О. Ёқубов) 'Все это снова взволновало ее: «Какой может быть разговор обо мне? Что может он сказать?»'. *Воҳид кунглидан: «Бу жанжал, бу гавго кимга керак?» — деган фикр утди* (О. Ёқубов) '«Кому нужен этот скандал и разговор?» — подумал Вахид'.

В заключение отметим, что в настоящей работе нами указаны лишь основные разновидности конструкций с билатеральной речью и способы включения их в авторское повествование.

Х. Х. САЛИМОВ

АККОМОДАЦИЯ ГЛАСНЫХ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Комбинаторные и позиционные изменения звуков татарского языка довольно обстоятельно рассмотрены в работах У. Ш. Байчуры¹, Г. Шарафа² и др. Лишь один вид комбинаторных изменений — аккомодация — либо вообще не исследовался, либо исследовался частично: в одних работах описывались только количественные изменения гласных, в других — влияние гласных на соседние согласные³. Естественно, что влияние гласных на смежные согласные сильнее, нежели влияние согласных на гласные. Однако, как показали эксперименты, влияние согласных на соседние гласные в татарском языке довольно значительное.

В данной статье рассматривается характер изменения качества гласных под воздействием соседних согласных, различных по расположению и способу артикуляции. Модификация гласных исследуется по изменению их спектральных характеристик. Процесс спектрографирования осуществлялся нами с помощью спектрометра типа СЗЧ и анализатора НЧ FSP-80. Спектрограмма каждого гласного по акустическим особенностям и рисунку разделялась на три части: стационарный участок, или ядро — Я, начальные и конечные переходные элементы — НПЭ и КПЭ. Спектры снимались с каждой части.

Полученные нами спектральные данные указывают на то, что на гласные влияют как предшествующие, так и последующие согласные. При этом следует отметить, что изменения претерпевают не только переходные участки, но в определенной степени и ядра гласных. Наиболее сильное воздействие на гласные, как и в русском языке⁴, оказывают предшествующие согласные, то есть влияние согласного на гласный в слогах типа ГС значительно слабее, нежели в слоге типа СГ. Видимо, это характерно для большинства языков. Поэтому основное внимание нами было уделено изменениям, претерпеваемым гласными под воздействием предшествующего согласного. Отдельно рассматривалось воздействие согласных в зависимости от занимаемых ими позиций, их акустических характеристик, то есть шумных и сонорных, звонких и глухих.

1. Влияние губных согласных. Для переходных участков гласных, находящихся в соседстве с губными согласными, характерно понижение всех формант, по сравнению с их ядром. Это указывает на лабиализую-

¹ У. Ш. Байчура. Звуковой строй татарского языка. Ч. I, 1959; ч. II, 1961, Казань.

² Г. Шараф. Сонорная длительность татарских гласных. — «Вестник научного общества татароведения», 1928, № 8.

³ «Хэзерге татар әдәби теле», Казан, 1965, стр. 123—124.

⁴ Л. В. Бондарко. Структура слога и характеристики фонем. — «Вопросы языкознания», 1967, № 1, стр. 41.

щее действие губных согласных, что проявляется во многих языках⁵. Обычно основным признаком степени огубленности считается сумма ($F_1 + F_2$). Огубление является основным артикуляторным коррелятом понижения ($F_1 + F_2$), правда, известное влияние на значение этого параметра оказывает и сдвиг языка назад⁶. Пользуясь этим параметром, рассмотрим изменения формантной структуры переходных участков, смежных с губными согласными:

Слово	Участок	$F_1 + F_2$ (гц)	Слово	Участок	$F_1 + F_2$ (гц)
[par]	НПЭ [a]	1260	[bot]	НПЭ	1190
	Я [a]	1760		Я	1300
[wat]	НПЭ [a]	1220	[aw]	Я	1510
	Я [a]	1720		КПЭ	1330
[fäs]	НПЭ [ä]	2310			
	Я [ä]	2690			

Артикуляционно такое изменение связано с тем, что губы не сразу переходят от активной артикуляции к нейтральному положению и это приводит к снижению формант. По сравнению с воздействием переднеязычных согласных, у рассматриваемых гласных наблюдается довольно низкое расположение F_2 при сравнительно равных F_1 . Усиление заднерядности гласных после губных по сравнению со звучанием этих гласных после переднеязычных при одинаковом подъеме, видимо, объясняется отодвинутостью языка при воспроизведении губных согласных, тогда как при произнесении переднеязычных согласных передняя часть языка приближается к верхним резцам.

При прослушивании через «Сепаратор»⁷ переходные участки гласного [a], находящегося в соседстве с [b], [p], [w], воспринимаются как [o]⁸. И наложение спектров подтверждает это (рис. 1 на стр. 66).

2. Влияние переднеязычных согласных. Заднерядные гласные, находящиеся в соседстве с переднеязычными согласными, характеризуются выдвинутой вперед артикуляцией. В спектральном выражении это проявляется в повышении частоты второй форманты. У гласного [a] она повышается на 200-350 гц, у [o] — на 330-350 гц, у [u] — на 530-640 гц. Иногда отмечается и некоторое понижение частоты первой форманты. Причина, конечно, в частичном накладывании артикуляции этих согласных на артикуляцию гласных. Ко времени артикуляции НПЭ гласного язык не успевает полностью опуститься вниз и оттянуться назад, от этого НПЭ заднерядных гласных становятся более переднерядными и более высокоподъемными.

При прослушивании через «Сепаратор» переходные участки [a], [o], [u], смежные с [d], [t], [z], [s], воспринимаются как [y] и наложение спектров показывает их довольно большое сходство (рис. 2).

Наиболее высокой второй формантой, а следовательно, и наиболее передней артикуляцией отличаются переходные участки гласных, смежных с переднеязычными [ʒ] и [č]. Эти участки диффузны и отличаются

⁵ Л. В. Бондарко. Звуковой строй современного русского языка. М., 1977, стр. 89.

⁶ Г. Фант. Анализ и синтез речи. Новосибирск, 1970, стр. 71.

⁷ Устройство, предназначенное для выделения из потока речи различной длины сегментов (звуков, частей звука и т. п.) со строгой временной характеристикой.

⁸ Здесь и далее знаками [o], [ö], [y], [e] обозначены соответственно татарские краткие гласные о, ө, ы, е.

сильно увеличенным расстоянием между F_1 и F_2 . По своим формантным структурам (рис. 3) и при прослушивании через «Сепаратор», они напоминают переднерядные пары соответствующих гласных: НПЭ [a] слышится как [ä], НПЭ [u] — как [ü] и т. д. Причина таких «чередований» ([a]~[ä], [u]~[ü] и т. п.) в близости артикуляционной базы [ʒ] и [č] к переднерядным гласным — при произнесении [ʒ] и [č] передняя и средняя часть языка высоко поднята по направлению к твердому нёбу⁹. К тому же твердые и мягкие варианты этих фонем почти не отличаются друг от друга¹⁰.

Влияние переднеязычных согласных на переднерядные гласные мало заметно. При прослушивании через «Сепаратор» переходные участки этих гласных слышатся с е-образным оттенком, а спектральный анализ свидетельствует о довольно большой близости их формантных структур. Например:

Я [e] в [et] $F_1=345-540$ гц, $F_2=1850-2720$ гц,
НПЭ [ä] в [čäč] $F_1=340-530$ гц, $F_2=1800-2750$ гц.

Это связано, очевидно, с тем, что из татарских гласных самую близкую к переднеязычным согласным артикуляционную базу имеет [e] (рис. 4)¹¹. Переходные участки других переднерядных гласных, смежных с переднеязычными согласными, совпадают с артикуляционной базой [e]. Поэтому соседство с переднеязычными согласными является наиболее «удобной» позицией для произношения [e]; именно в этой комбинации произносится самый «чистый» [e]. Такая комбинация удобна и для гласного [y], который претерпевает существенные изменения лишь в соседстве с [ʒ], [č].

3. **Влияние увулярных и заднеязычных согласных.** Увулярные согласные довольно близки по артикуляции к заднерядным гласным. Поэтому влияние увулярных на качество этих гласных не очень существенно. Лишь на спектрах гласных [u], [o], находящихся в таких комбинаторных условиях, заметно некоторое понижение частоты второй форманты (на 50-20 гц), а также небольшое понижение F_1 . Это явление объясняется тем, что перемещение верхней точки языка назад по горизонтали ведет к понижению F_1 наряду с еще более значительным понижением F_2 ¹².

Более заметное влияние оказывают увулярные на качество переднеязычных гласных. В этом легко убедиться, если сравнить формантные структуры переходных участков гласных со спектрами изолированных гласных:

Звук	Слово	F_1 (в гц)	F_2 (в гц)
[ä] изол.	—	440-640	2000-2700
НПЭ [ä] ₁	[qärdäs]	470-900	1000-1900
КПЭ [ä]	[näq]	450-800	1000-1800
[ö] изол.	—	260-420	1300-2200
НПЭ [ö] ₁	[yömör]	410-720	800-1370
[ü] изол.	—	230-310	1000-1950
НПЭ [ü]	[qüwät]	250-450	500-850
[i] изол.	—	210-335	2240-3000
НПЭ [i]	[tänqit]	280-600	1000-1800

⁹ У. Ш. Байчура. Указ. раб., ч. I, стр. 118.

¹⁰ «Хэзерге татар әдәби теле», стр. 114.

¹¹ Схемы рентгенограмм и палатограммы взяты из указанной работы У. Ш. Байчуры.

¹² Г. Фант. Указ. раб., стр. 114—115.

Под влиянием увулярных согласных сильно понижается F_2 и заметно повышается F_1 гласных; звук становится более компактным и низкотональным, то есть, с точки зрения артикулярных изменений, звук становится более заднерядным, несколько увеличивая при этом и свой подъем. По своим формантным структурам переходные элементы этих гласных близки к своим заднерядным парам. И при прослушивании через «Сепаратор» они воспринимаются как нечто среднее между [a] и [ä], [o] и [ö], [u] и [ü], а переходной элемент [i] — как [y], звук же в целом воспринимается как сочетание [uj]. Интересно, что по правилам татарской орфографии на письме эти звуки часто передаются буквами, принятыми для передачи непалатального парного гласного, ибо татарская орфография, не имеющая отдельного знака для обозначения увулярных согласных [q] и [ɣ], прибегает к разным способам передачи этих звуков. В начале слов и слогов увулярный характер согласного передается путем обозначения последующего переднерядного гласного буквой, принятой для передачи на письме заднерядной пары этого гласного. Например, пишется *кадер*, читается [qäder], соответственно: *гомер* — [yötmög], *машгуль* — [mäşyül], *танкыйт* — [tänqit] и т. п. Следует отметить, что этот «вынужденный» способ обозначения звуков [q] и [ɣ] в последнее время стал отрицательно влиять на орфоэпию, затрудняя усвоение норм произношения подобных слов. Данный случай интересен и тем еще, что он хорошо отражает характер влияния увулярных согласных на качество соседних переднерядных гласных, ибо причиной выбора указанного способа выражения [q] и [ɣ] было, видимо, именно это влияние.

Аналогично воздействуют на качество переднерядных гласных и заднеязычные согласные, но степень вызываемых ими изменений в формантной структуре гораздо слабее.

4. Действие фарингальных и ларингальных согласных. Переходные элементы гласных, находящиеся в соседстве с этими согласными, характеризуются заметным ослаблением F_1 и некоторым повышением F_2 . Но если учесть, что фокус ларингального смычного согласного «гамза» [ʔ] находится в голосовой щели, а основным признаком фарингального спиранта [h] является лишь увеличение фонационного тока воздуха, и что положение органов речи, образующих надставную трубу, не имеет сколько-нибудь существенного значения при произнесении этих звуков¹³, то трудно назвать артикуляторный коррелят подобных изменений спектра гласных, соседствующих с этими согласными. Существенные изменения данных переходных элементов на слух не воспринимаются. Такое слабое влияние [ʔ] и [h] на артикуляцию соседних гласных объясняется, по-видимому, тем, что они «не имеют специальных для них укладов языка и губ. Если эти звуки располагаются в начале слога, т. е. обыкновенно перед гласными, то они произносятся при укладе последующего за ним гласного, будучи же в конце слога — предшествующего»¹⁴.

5. Влияние согласных, различных по способу образования. Влияние взрывного или щелевого характера соседнего согласного на тембр гласного было отмечено еще В. А. Богородицким¹⁵. Это подтверждают и данные спектрального анализа. Спектр звука, находящегося в соседстве со смычными согласными, отличается более высокой степенью компактности по сравнению со щелевыми, что обусловлено в первую очередь более высокой F_1 . Снижение подъема гласных, находящихся в

¹³ У. Ш. Байчура. Указ. раб., ч. I, стр. 136.

¹⁴ Г. Шараф. Палатограммы звуков татарского языка сравнительно с русским. — «Вестник научного общества татароведения». 1927, № 7.

¹⁵ В. А. Богородицкий. Фонетика русского языка в свете экспериментальных данных. Казань, 1930, стр. 201—202.

соседстве со смычными, объясняется, видимо, тем, что при произнесении смычных орган, осуществляющий смычку, резко размыкается, причем происходит толчок выдыхаемого воздуха, а это часто сопровождается опусканием нижней челюсти ниже, чем при произнесении щелевых.

Интересно изменение второй форманты гласных. У самых узких передних гласных [ü] и [i] она ниже при сочетании со смычными, а у других гласных, наоборот, в аналогичной комбинации она выше, чем при сочетании со щелевыми. Нелегко найти артикуляторный коррелят и этого явления.

Гласный, находящийся в соседстве со щелевым двухфокусным [š], отличается диффузностью, что чаще всего связано с повышением F_2 . Например, в НПЭ [a] следующего после [š] в слове [šaša] несколько понижена F_1 наряду с более заметным повышением F_2 . Наложение спектров раскрывает некоторое сходство спектра этого НПЭ со спектром гласного [y]. Причина этого явления, вероятно, в двухфокусной артикуляции звука: при его артикуляции одновременно образуются две щели — два фокуса — в передней и задней частях полости рта. Язык в целом принимает как бы ложкообразную форму: углубление посредине, возвышение спереди и сзади. При переходе в [a] сначала исчезает первый передний фокус. Язык оттягивается назад, и органы речи принимают положение, близкое к артикуляции гласного [y] (см. сравнительные профили [y], [a], [š]).

Но несмотря на артикуляционное сходство, гласный, сочетаемый с [š], часто создает акустический эффект более высокого переднего звука. При прослушивании через «Сепаратор» ПЭ [a], например, воспринимается близким к [ä]. Видимо, при артикуляции [š] уменьшается и глоточный резонатор, ибо F_2 гласного [a], сочетаемого с [š], всегда повышена, а «при произнесении [a], форманта более высокой частоты образуется в глоточном резонаторе»¹⁶. Поэтому и «возможно, не изменяя ротового резонатора, произносить разные гласные, например, [a] и [ä]: различие между ними создается разными укладами глоточной трубки»¹⁷.

6. Влияние сонантов на качество соседних гласных следует рассмотреть отдельно:

а) Особенно сильно изменяет качество соседних гласных среднеязычный щелевой сонант [j]. Под его действием вторая форманта переходных участков гласных повышается на 500-1200 *гц*, что иногда сопровождается некоторым понижением F_1 . Такое воздействие [j] объясняется большой близостью его артикуляции с артикуляционной базой самого переднего и узкого гласного [i]. «Палатограмма для [j] принципиально ничем не отличается от отпечатков для гласного [i]»¹⁸... (см. рис. 6).

При прослушивании через «Сепаратор» переходные элементы заднерядных гласных, находящихся в рассматриваемых комбинациях, воспринимаются как свои переднерядные пары или как звуки, близкие к последним. Например, ПЭ [a] — как [ä] или [e], ПЭ [u] как [ü], ПЭ [y] как [e]. Как было отмечено выше, аналогичное действие на формантную структуру гласных оказывает переднеязычный щелевой шумный [ž]. Это и не удивительно, ибо эти согласные имеют большое сходство в артикуляции (рис. 5) и во многих диалектах татарского языка чередуются между собой. Ученые признают их генетическое родство во многих тюркских языках¹⁹.

¹⁶ Н. И. Жинкин. Речь. — В кн. «Психология», М., 1956, стр. 301.

¹⁷ М. В. Панов. Русская фонетика. М., 1967, стр. 47.

¹⁸ У. Ш. Байчура. Указ. раб., ч. I, стр. 126.

¹⁹ В. А. Богородицкий. Введение в татарское языкознание. Казань, 1953, стр. 106; Т. Талипов. О звуке *й* и связанных с ним фонетических явлениях в тюркских языках. — «Фонетика казахского языка», Алма-Ата, 1969, стр. 121.

Аналогичное действие [j] на качество соседних гласных было замечено и в других языках²⁰.

б) Влияние носовых согласных. То, что носовые согласные вызывают назализацию смежных гласных, было замечено многими фонетистами²¹. Приводилось огромное количество признаков назализации, имеющих в спектрах гласных²². В татарском языке в спектрах гласных рассмотренных нами случаев отмечались следующие признаки воздействия носовых сонантов [п], [т] и [η]:

— ослабление первой форманты;

— появление дополнительной форманты в области 1000—1600 *гц*. Особенно заметно ее появление в спектрах узких гласных [u] и [i] (см. рис. 7). А в спектре [a] она сливается с F_2 , заметно усиливая последнюю;

— понижение F_1 . Это значит, что даже при одинаковом положении языка и губ (например, согласные [b] и [т], [d] и [п] по участию в их произнесении языка, губ и голосовых связок не отличаются друг от друга), гласные, смежные с носовыми сонантами, сужаются. Как известно, разница между артикуляциями [d] и [п], [b] и [т] в основном заключается лишь в степени опущения небной занавески при произнесении носовых. Видимо, это и сужает переходные участки смежных с ними гласных и, следовательно, является причиной понижения частоты первой форманты.

в) Отличительным признаком гласных, смежных с переднеязычными сонантами [l] и [r], можно считать лишь небольшое понижение частоты второй форманты и некоторое ослабление высокочастотных составляющих под действием [r].

7. Влияние звонкости — глухости согласного на качество смежных гласных. «Действие голосовых связок, необходимое для образования голоса, совершенно не зависит от действия органов произношения, находящихся в надгортанных полостях, точно так же как действие последних не зависит от того, колеблются голосовые связки или находятся в состоянии покоя»²³. Это подтверждалось и результатами наших экспериментов: каких-либо закономерностей в изменении F_2 , а следовательно, и ряда гласных, в зависимости от звонкости — глухости соседнего согласного, не было замечено. Однако этот признак согласных влиял на подъем гласного. Переходный участок гласного после звонких всегда более высокого подъема, нежели после глухих. На акустическом уровне это выражается, как мы знаем, более низкой F_1 .

Объяснить это можно, очевидно, степенью напряженности речевого аппарата. Ведь «в пределах одного языка звонкие обычно слабее глухих. Это, очевидно, связано с тем, что присутствие голоса делает согласный более слышимым даже при слабой артикуляции. Чтобы достичь такой же слышимости глухого согласного, его нужно произносить сильнее»²⁴.

Возможно, более сильное произношение глухих согласных обуславливает большую открытость последующего гласного. А в отношении узких гласных следует учесть еще и тот факт, что «после звонкого смыч-

²⁰ А. Джунисбеков. Гласные казахского языка. Алма-Ата, 1969, стр. 72.

²¹ Л. Р. Зиндер. Общая фонетика. М., 1979, стр. 195; Э. В. Севортян. Фонетика турецкого литературного языка. М., 1955, стр. 56.

²² Г. Фанг. Акустическая история речеобразования. М., 1964; Р. Юссон. Певческий голос. М., 1974, стр. 96—97 и др.

²³ Л. Р. Зиндер. Указ. раб., стр. 122.

²⁴ Там же, стр. 124.

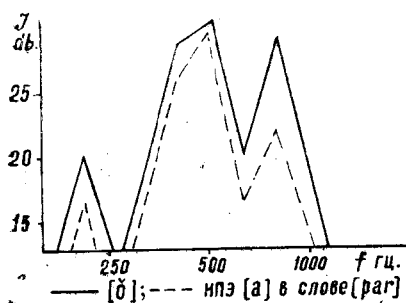

Рис. 1

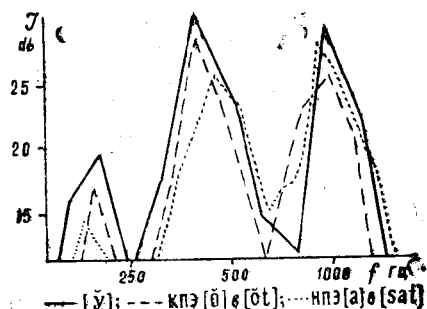

Рис. 2

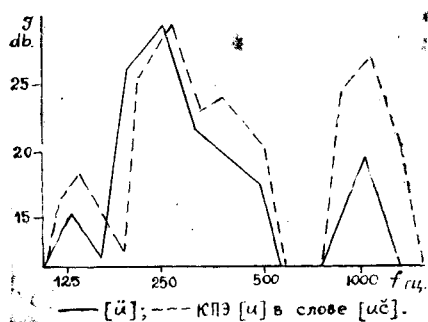

Рис. 3

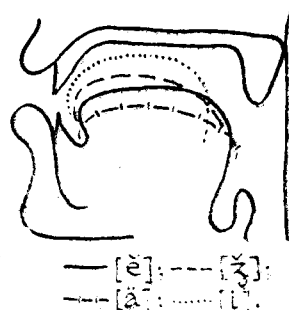

Рис. 4

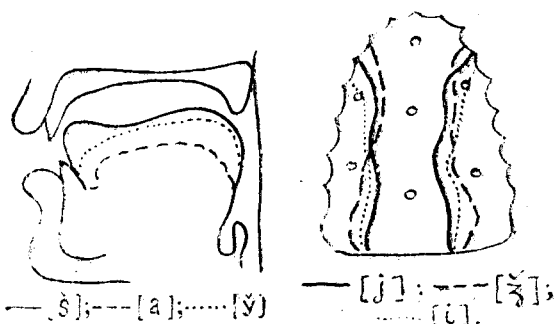

Рис. 5

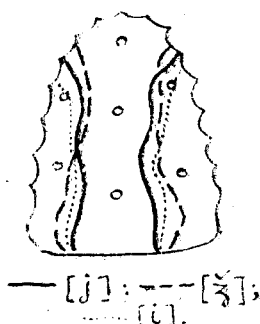

Рис. 6

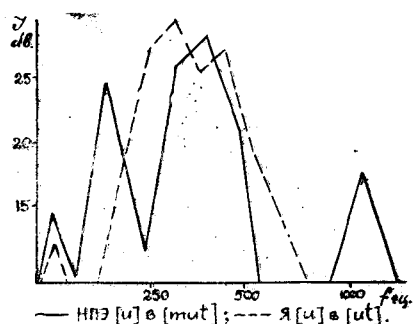

Рис. 7

ного согласного длительность гласного больше, чем после глухого»²⁵, а «краткость узких гласных способствует их расширению, т. к. происходит запаздывание артикуляции, в результате чего возникает тенденция приблизить положение языка к его позиции, при индифферентном укладе в целях удобства произношения»²⁶.

Видимо, указанные выше причины делают гласный, смежный с глухими, более открытым, что, в свою очередь, и повышает частоту первой форманты.

На основе полученных экспериментально-фонетических данных можно прийти к заключению, что явление аккомодации гласных в татарском языке довольно широко распространено. Особенно сильное влияние на качество смежных гласных оказывают губные, переднеязычные, увулярные согласные и сонанты [j], [ɲ], [m], [ŋ].

---

²⁵ У. Ш. Байчура. Указ. раб., ч. I, стр. 59.

²⁶ У. Ш. Байчура. Указ. раб., ч. I, стр. 127.

Ф. С. САФИУЛЛИНА, Ф. Г. ГАЛЛЯМОВ

ПОВТОРЫ КАК ГРАММАТИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО В СОВРЕМЕННОМ ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Давно привлекающее внимание лингвистов явление повтора особенно характерно для живой разговорной речи и языка различных жанров фольклора. В последние десятилетия в язык художественной литературы стали широко проникать разговорные конструкции, в том числе и различные модели повторов. Поэтому возросший интерес лингвистов к данному вопросу вполне закономерен. Изучению повторов в русском языкознании посвящены работы А. Е. Киселева, Н. Ю. Шведовой, В. В. Виноградова и др.¹ В тюркологии повторы рассматривались в работах Н. К. Дмитриева, В. Г. Егорова, Н. А. Баскакова, Е. И. Убрятовой, С. Н. Муратова, А. Кайдарова, Р. А. Аганина, М. И. Адилова и др.²

Изучение повторов в тюркских языках продолжается и в настоящее время³. Ряд характерных особенностей повторов в татарском языке рассмотрен Х. Г. Агишевым и Р. Г. Ахметьяновым⁴. В процессе изучения синтаксических особенностей татарской разговорной речи были установлены и описаны структурно-грамматические типы повторов имен и глаголов, а также раскрыта их семантика⁵.

Настоящая статья посвящена определению места повторов в системе грамматических средств татарского языка. До последнего времени выделялись и анализировались главным образом такие грамматические средства как аффиксация, служебные слова, порядок слов, интонация и т. д. В первых татарских грамматиках высказывались некоторые догадки о выражении повторами грамматических значений, однако ни тогда, ни после, вплоть до настоящего времени, они в систему грамматических средств не включались. Нам удалось путем сопоставления значения одинарных слов и словоформ со значением, выражаемым при повторах, раскрыть приобретаемую ими при этом новую семантику. Ниже рассматривается семантика повторов различных частей речи.

Повторы имен существительных выражают: а) расчлененное множество предметов: *olaw-olaw ikmāk* 'обозами хлеб', *kötü-kötü mal-tuar* 'стадами скот', *käržin-käržin alma* 'корзинами яблоки', *öjem-öjem baluq* 'кучами рыба' и т. д.; б) собирательное множество: *čit-çite//čit-çitläre* 'края', *jaq-jaqu//jaq-jaqлары* 'стороны', *baş-başı//baş-başлары* 'концы'; в) множественность одинаковых предметов и явлений: *jañuğ da jañuğ* 'дождь и дождь'.

Употребление рифмованных повторов имен существительных и прилагательных связано обычно «с расширением значения основного слова»⁶. Они выражают значение собирательности, неопределенной множественности с оттенком пренебрежительности, уничижительности; на-

пример: *kitap-mitar* 'всякие книги', *qyz-myz* 'девчонки', *malaj-šalaj*//*malaj-salaj* 'мальчишки', *äbi-čäbi* 'бабушки', *imeš-mimeš* 'слухи' и др.

Деформированные редупликации имен существительных и прилагательных выражают значение собирательности, множественности: *čür-räk-čarraq* 'тряпье', *čytyr-čatyr* 'хворост', *tämle-tomly* 'сладости', *qarčyq-qorčyq* 'старушки', *timer-tomyr* 'металлолом' и др.

Полные повторы имен прилагательных выражают: а) значение множественности и собирательности качественно однообразных предметов: *matur-matur qyzlar* 'красивые-красивые девушки', *bijek-bijek jortlar* 'высокие-высокие дома', *qysqa-qysqa žömlälär* 'короткие-короткие предложения', *tešle-tešle* 'зубчатый'; б) превосходную степень: *qujydan quju* 'гуще густого', *tatlydan tatlyraq* 'слаще сладкого', *törledän-törle tas-malar* 'самые разноцветные ленты'.

Путем частичной редупликации образуется интенсивная форма прилагательных: *sap-sary* 'желтый-прежелтый', *zur-zur* 'большой-пребольшой', *qar-qaqa* 'черный-пречерный' и т. д.

Повторы имен числительных выражают: а) приблизительное множество: *jöz-jöz buuppağa* 'многим поколениям', *meñ-meñ* 'тысячи-тысячи' и т. д., б) равномерное множество предметов: *begär-begär* 'по одному', *upağ-upağ* 'по десять' и т. д.

Повторы наречий и местоимений служат для интенсификации общего значения *tiz-tiz jögü* 'быстро-быстро ходить', *aşyq ta roşyq* 'наспех, поспешно', *gel dä gel* 'всегда', 'все время' и т. д.

Повторы специальных усилительных слов (частиц и наречий) выражают интенсификацию качества и действия: *šet-šet qaqa* 'черный-пречерный', *bik-bik jaratu* 'сильно-сильно любить' и т. д.

Повторение модального слова *juq* 'нет' с частицей *da, dä, ta, tä* в интерпозиции выражает длительность.

Повторы подражательных слов с частицей *da, dä, ta, tä* выражают многократность, ритмичное повторение звуков и движений.

Таким образом, повторение имен существительных, прилагательных, числительных, наречий, местоимений и т. д. меняет их грамматическое (а также и лексическое значение). Среди этих значений наиболее ярко выделяются значения множественности, интенсивности, усиления и т. п.

Татарский язык, как показали наши исследования, богат глагольными повторами, основным грамматическим значением которых является выражение характера протекания действия (аспектуальность) и модальность.

Проблемы, связанные с характером протекания действия как в татарском языкознании, так и в тюркологии в целом, еще ждут своего решения. Вопросам, связанным с аспектуальностью в татарском языке, посвящен ряд работ⁷. Однако в этих работах повторы как средство выражения характера протекания действия не рассматриваются. Н. А. Баскаков впервые в тюркологии редупликацию деепричастий отнес к видовой характеристике глагола. По его мнению, «многократный вид глагола образуется также посредством повторения деепричастия данного глагола»⁸. Выражение характера протекания действия в татарском языке некоторыми повторами глагола отмечается и Ф. А. Ганиевым⁹.

Анализ многочисленных примеров из текстов различных стилей татарского языка свидетельствует, что моделей повторов, выражающих аспектуальность, очень много.

Редуплицированная форма деепричастий на *-a* выражает: а) длительность действия: *söjläşä-söjläşä* 'разговаривая'; б) многократность: *juyula-juyula* 'часто падая' и т. д.

Редуплицированная форма деепричастия на -р выражает многократность совершения действия: *Syjugyqlar üter-üter kitälär* 'Скворцы пролетают стайками...'

Глагольные повторы типа *kerä kerüga, kerä kereškä* 'как только вошел' служат для усиления, интенсификации общего значения. Повторением инфинитивной основы с интонацией перечисления выражается многократность: *qalqurya-qalqurya iter qarady* 'попыталась многократно возникнуть'.

Повторы глагола изъявительного наклонения и инфинитива с частицей *da, dā, ta, tā* в интерпозиции выражают: а) интенсивность процесса и б) длительность.

Повторы глагола изъявительного наклонения со словом *dip* выражают процесс, который должен вот-вот совершиться. Повторы типа *üskänpän üsä* 'все растет да растет' выражают интенсивность действия с оттенком непрерывного и неуклонного его усиления, нарастания. Повторы типа *qujpartu-qujpuj* 'бьет и бьет' выражают интенсивность процесса. Повторением глагола со служебным словом *öst* 'помимо, сверх чего-либо' выражается значение непрерывного нарастания действия: *qaga-yan östenä qagaw* 'смотреть и смотреть', *alyan östenä alu* 'брать и брать'.

Все эти примеры свидетельствуют о том, что повторы глаголов в современном татарском языке, подобно аффиксации и вспомогательным глаголам, являются активным и самостоятельным способом выражения характера протекания действия.

Повторы глаголов выражают также и множество модальных значений. В тюркологии и татарском языкознании категории модальности посвящено достаточно много статей и специальных исследований. Однако вопрос о границах этой категории и иерархии семантических отношений, а также о средствах их выражения решается различными авторами по-разному. Некоторые из них отмечают, что модальность может выражаться синтаксическими, морфологическими и лексическими средствами и подробно характеризуют последние¹⁰. В то же время при описании способов выражения модальности повторы и их модальные значения в этих работах не рассматривались. Лишь в самое последнее время повторы в тюркологии стали квалифицироваться как средство выражения модальности¹¹. В татарском языкознании, особенно в связи с изучением разговорной речи, были описаны модальные значения глагольных повторов¹². Специальные исследования подтвердили, что повторы глаголов выражают самые разнообразные модальные значения.

Повторы глагола изъявительного наклонения с частицей *da, dā, ta, tā* в интерпозиции выражают несомненность, твердую уверенность в совершении действия: *kerä dā kerä* 'поступит'. Повторы типа *sikerüen si-kerä, tik...* 'прыгать-то прыгать, но...' выражают неполное подтверждение или согласие. Неполное подтверждение или согласие выражается также повторами типа *kileren kilä, kilülekkä kilä, kilügä kilä* 'прийти-то придет'.

Глагольные повторы типа *oşamaıaş oşamuj* 'раз не нравится, то не нравится' выражают конкретное утверждение. Говорящий при этом что-то недоговаривает.

В современном татарском языке широко распространены повторы, один из компонентов которых принимает аффикс условного наклонения. Они выражают самые различные модальные значения: а) возможность, вероятность, б) уверенность, в) полную решимость говорящего, принятие им определенного решения, г) равнодушие, безразличие, д) сговорчивость при вынесении решения, е) безысходность положения, обязательность того или иного процесса: *añlasa añlar* 'поймет', *bulyşsa buly-*

şut 'поможет', ülsäk ülärböz 'умрем (даже если)', kilsä dä kilä ikän 'ну и привалило', söjläsä söjlär 'пусть говорит', išetmäsän dä išetäsen 'хочешь не хочешь, услышишь' и т. д.

Повторы различных форм глагола с вспомогательными словами bul-yaç, digäç выражают твердую решимость, с вспомогательным словом zireñpän — неизбежность, обязательность того или иного процесса.

Глагольные повторы с союзной частицей *tek* выражают: а) принятие конкретного решения, б) твердую уверенность в совершении действия; с вспомогательным словом *disän* и союзной частицей *dä* выражают удивление, восхищение¹³.

Необходимо отметить, что не только глагольные, но и именные повторы передают самые различные модальные значения. Так, например, повторы по модели II и III типа изафета выражают уничижительное или одобрительное отношение к данному лицу или предмету: *ostalar ostasy* или же *ostalarnyn ostasy* 'мастер из мастеров', *güzällär güzäle* или же *güzällärnen güzäle* 'красивая из красивых'.

Повторы имен существительных с частицами *da, dä, ta, tä, la, lä* в интерпозиции выражают восхищение, удивление, восторг: *sulary da sulary* 'вода так вода', *şinele dä şinele* 'шинель так шинель'.

Повторы модального слова с частицей *ta, tä* в интерпозиции выражают значение несомненности: *tijeş tä tijeş* 'положено'.

В современном татарском языке встречаются также более сложные конструкции повторов, выражающие удивление, восторг, восхищение. При этом утверждение положительного или отрицательного качества усиливается.

Удвоенные имена с вспомогательным словом *disän (dä)* выражают удивление, восхищение, восторг: *Jeget disän jeget!* 'Вот это джигит!' Если повторы данного типа употребляются со словом *tügel*, то выражается сомнение, неопределенность: *Qaraçqu disän qaraçqu tügel...* 'Чучело не чучело'.

Обобщая вышесказанное, можно сделать следующие выводы: 1) повтор является средством словообразования, формообразования и акцентного выделения, то есть он выполняет стилистическую и грамматическую функции; 2) повтор — грамматическое средство языка, используемое наряду с аффиксацией, служебными словами, порядком слов и интонацией; 3) значение повтора определяется принадлежностью его к той или иной части речи и обусловлено лексико-грамматическим значением повторяющихся слов; 4) повторы глаголов имеют множество форм, выражающих целый ряд грамматических значений, среди которых выделяется значение характера протекания действия (аспектуальность); 5) повторы глаголов выражают множество значений субъективной модальности, зависящих от семантики глагола и его грамматической характеристики; 6) наиболее ярко грамматические значения повторов (иногда лексически ограниченных) обнаруживаются при анализе разговорной речи.

¹ А. Е. Киселев. Лексическое повторение как грамматическое средство русского языка. — Автореф. канд. дисс., М., 1954; Н. Ю. Шведова. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960; В. В. Виноградов. О формах слова. — «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», 1944, т. 3, вып. 1, стр. 31—45.

² Н. А. Баскаков. Ногайский язык и его диалекты. М.—Л., 1940; его же. Каракалпакский язык. М., 1952, т. 2; С. Н. Муратов. Устойчивые словосочетания в тюркских языках. М., 1961; Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948; его же. Строй тюркских языков. М., 1962, стр. 133—152; А. Кайдаров. Парные словосочетания в современном уйгурском языке. Алма-Ата, 1958; Р. А. Аганин. Повторы и однокоренные парные сочетания в современном турецком языке. М., 1959; Е. И. Убрятова. Удвоение основы слова в якутском языке. — В кн.: «Вопросы грамматики». Сб. статей к

75-летию акад. И. И. Мещанинова. М.—Л., 1960, стр. 211—222; *ее же*. Усилительное повторение основы слова в форме зависимого от нее члена предложения в якутском языке. — В кн.: «Тюркологические исследования». М.—Л., 1963, стр. 82—95; В. Г. Егоров. Слова-повторы как показатели формальных грамматических категорий в ряде языков мира. — «Ученые записки НИИ при Совете Министров Чувашской АССР», 1965, вып. 28. Филологический сборник, стр. 20—32; М. И. Адилев. Система повторов в азербайджанском языке. Автореф. докт. дисс., Баку, 1968.

³ Т. Б. Қалабаева. Лексико-грамматическая структура повторов в казахском языке. Автореф. канд. дисс., Алма-Ата, 1980; З. Б. Уринбаев. Лингвистическая природа редуPLICATION в современном узбекском языке. Автореф. канд. дисс., Ташкент, 1982.

⁴ Х. Г. Агишев. Синтаксические сочетания однокоренных слов в русском и татарском языках. Автореф. канд. дисс., Казань, 1970; Р. Г. Әхмәтҗанов. Татар телендә тәкрар һәм редуPLICATION. — В кн.: «Вопросы лексикологии и лексикографии татарского языка», Казань, 1976, стр. 5—15.

⁵ Ф. С. Сафиуллина. Татар телендә фигыльләренң кабатлаулы формалары. — «Совет мәктәбе», 1977, № 1, стр. 27—29; *ее же*. Синтаксис татарской разговорной речи. Казань, 1978.

⁶ Р. А. Аганин. Указ. раб., стр. 95.

⁷ Г. Алпаров. Сайланма хезмәтләр. Казан, 1945, стр. 78—79; 181—183; М. З. Зәкиев. Хәзерге татар әдәби теле. Синтаксис. Казан, 1974, стр. 85—89; Д. Г. Тумашева. Хәзерге татар әдәби теле морфологиясе. Казан, 1978, стр. 172—177; Х. Р. Курбатов. Телнең морфологик төзелешен өйрәнүгә карата. — В кн.: «Татар теле һәм әдәбияты», Казан, 1976, стр. 110.

⁸ Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, стр. 362.

⁹ Ф. А. Ганиев. Видовая характеристика глаголов татарского языка. Казань, 1963, стр. 127.

¹⁰ Ф. Р. Зейналов. Категория модальности и способы ее выражения в тюркских языках. — «Советская тюркология», 1970, № 2, стр. 95—101; М. З. Зәкиев. Хәзерге татар әдәби теле, стр. 12—13; Н. Е. Петров. О содержании и объеме языковой модальности. Новосибирск, 1982.

¹¹ Р. Г. Сибатагов. Модальность как структурно-семантическое единство. — «Советская тюркология», 1978, № 4, стр. 22.

¹² Х. Г. Агишев. Указ. раб.; Ф. С. Сафиуллина. Указ. раб.

¹³ Ф. С. Сафиуллина. Синтаксис татарской разговорной речи, стр. 96—105.

Б. И. ТАТАРИНЦЕВ

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ТЮРКСКОГО НАИМЕНОВАНИЯ НЕБА (tānri и ЕГО СООТВЕТСТВИЯ)

Слово tānri и его различные соответствия и параллели привлекают к себе внимание исследователей как своей специфичной семантикой (обозначает не только небо, но и бога, божество), так и широкой распространенностью. Гомогенные или, во всяком случае, внешне сходные с tānri наименования встречаются в различных языках, живых и мертвых. Так, например, «...монгольско-тюркское имя небесного божества Тэнгри, зафиксированное в наиболее ранних, гуннских глоссах, считают модификацией (фонетической) [наименований. — Б. Т.] различных божеств древнейших предков тунгусов, маньчжуров, корейцев, китайцев — на востоке и юге и шумерского (Дингир) — на западе»¹. Однако такие утверждения нуждаются в значительных коррективах, ибо они не подтверждаются языковыми данными. Часто явные тунгусо-маньчжурские соответствия тюркских (и монгольских) слов оказываются заимствованиями из конкретных тюркских и монгольских языков, причем, вероятнее всего, относительно поздними: эвенкийское *таңара* и эвенское *таңара* 'бог, икона' возводятся к якутскому *таңара*, а солонское *тэңэр* — по видимому, к халха-монгольскому *тенгер*². Уточнений требует также характер связи рассматриваемого тюркского наименования неба и его соответствий в других упомянутых языках, о чем будет сказано далее.

Остановимся на классификации вариантов и форм, в которых это название бытует в тюркских языках и в наиболее близких к ним монгольских. Прежде всего следует отметить, что в тюркских языках данное слово представлено как переднерядными, так и, в гораздо меньшей степени, заднерядными вариантами.

Переднерядные варианты фиксируются в следующих формах: 1) оканчивающиеся на гласный с предшествующим *-r-* (*-ri* или, реже, *-re*), 2) оканчивающиеся на согласный (без последующего гласного), *-r* или, в единичных случаях, на другой согласный. Заднерядные варианты бытуют, по имеющимся данным, только в формах с конечным гласным (*-y*, иногда *-a*).

Конкретный языковой материал выглядит следующим образом:

1) Переднерядные варианты с окончанием на гласный являются наиболее распространенными в тюркских языках: ср. др.-тюрк. *t(ā)ŋri* 'небо', 'бог', 'божество'; 'божественный повелитель, господин', алт. *teŋeri*, тоф. *dēri* 'небо', лоб. *teŋji* (<*teŋri*) 'божество', тат. *tānre* 'бог (мусульманский)' и *təre* 'языческий бог'; 'христианский крест'³, к.-балк. *tejrī* 'бог' и т. д.

2) Формы с окончанием на согласный *-r* распространены гораздо меньше: ср. сарыг-югур. *teŋer*, *teŋir*, *teŋur* (несингармоничный вариант!), хак. *tigir*, тув. *dēr* 'небо', ккалп. *teŋir* 'бог'.

В некоторых языках или диалектах наблюдается сосуществование форм с гласным и без него: кирг. *teŋir* и *teŋiri* 'бог, небо' и особенно кумандинские формы *tegre*, *tegri*, *teŋere*, *teŋeri*, *teŋre*, *texri*, *texre*, *teŋir* 'небо'⁴.

Интересно, что такого же рода формы (в том числе сосуществующие в пределах одного языка) отмечены и в монгольских языках, причем здесь вполне очевидно, что форма с конечным гласным является более древней, чем форма без этого гласного (например, халх. *теңгёр* < *tenggeri)⁵. Сосуществующие же формы в отдельных монгольских языках, по мнению некоторых исследователей, имеют тенденцию к семантическому разграничению (ср. бурятское *тэнгэр*, обозначающее «видимое материальное небо», в отличие от *тэнгэри*, являющегося названием «духовного неба», духа небожителя)⁶.

В единичных случаях (в частности, в памятниках древнетюркской письменности) отмечено обозначение неба с иным, чем *-r*, конечным согласным, как, например, др.-тюрк. *teŋäk* 'воздух, небо'⁷.

Заднерядные варианты встречаются в ряде тюркских языков (причем особенно характерны они для языков огузской группы): ср. якут. *taŋara* (~*taŋara*⁸) 'бог', уст. 'небо'⁹, туркм. *taŋru* 'бог, божество', азерб. *taŋru*, тур. *taŋru* (~*täru* < **taŋru*¹⁰), чув. *turä* 'бог'¹¹. В единичных источниках сосуществуют оба варианта (задне- и переднерядный): ср., например, в среднеазиатском тефсире *taŋru* и *täŋri* 'бог'¹². Эти варианты можно дополнить и промежуточным вариантом несингармонического характера с заднерядным гласным в первом слоге и гласным *i* — во втором, как, например, караимские: *taŋru*, *taŋri*, *ten'ri*, *tendri*, *tenri*, *teŋri* 'бог'¹³.

Остановимся на вопросах о соотношении, во-первых, форм на гласный и согласный (в частности, на *-r*) и, во-вторых, — передне- и заднерядных вариантов. Какие из этих форм и вариантов являются первичными, а какие — вторичными?

Применительно к материалу монгольских языков ответ на первый вопрос не вызывает затруднений, чего нельзя сказать относительно языков тюркской семьи. По отношению к последним было бы целесообразнее поставить вопрос в следующей формулировке: не являются ли формы на *-r* (без гласного в ауслaute) вторичными по отношению к переднеязычным формам на гласный (типа *täŋri*) и, одновременно, не являются ли они монгольскими заимствованиями?

Форма типа *täŋir* в тюркских языках, возможно, в целом древнее, чем *täŋri*. В древнетюркских памятниках первая зафиксирована только в составе производных от нее явно отыменных образованиях *teŋirkän* (наряду с *täŋrigän*) 'священнослужитель у тюрок-немусульман' и *teŋirlik* 'языческий храм, капище', производных от основы *täŋir 'небо (?)', 'бог, божество'¹⁴. Оба слова представляют собой названия реальных, носящих «языческий» характер: в первом случае с точки зрения мусульманина (памятник XI в.), а во втором — буддиста (зафиксировано в буддийском тексте о покаянии в грехах). Возможно также, что речь идет об арханчных реалиях.

О большой древности форм типа *täŋir* по сравнению с *t(ä)ŋri* в тюркских языках, вероятно, свидетельствует и шумер. *dingir* 'бог', с которым часто сопоставляется тюрко-монгольское название неба и бога¹⁵, и которое по своему фонетическому облику ближе как раз к *täŋir* и его современным тюркским соответствиям на *-r*, нежели к формам типа *täŋ-ti*. С последними шумерский теоним сопоставлял, в частности, Б. Грозный. По мнению этого исследователя, контакты древних шумеров с

тюркоязычными племенами могли возникнуть в VI тысячелетии до н. э. или даже раньше. Результатом их и является появление в шумерском слова dingir¹⁶. Если такие контакты были реальностью, то тюркская форма типа *tāŋır (возможно, также и *tiŋır) уходит вглубь тысячелетий.

Исходя из древности формы на -r в тюркских языках, логично было бы предположить, что ее современные соответствия представляют собой, как правило, не что иное, как реликт этой древней формы, а не (относительные) новообразования, возникшие, в частности, как результат позднего монгольского влияния. Ее ареал (в первую очередь языки Саяно-Алтайского региона, киргизский, сарыг-югурский) согласуется с предположением о том, что здесь выступает архаичная форма. Все эти языки, несомненно, испытали в относительно недавнее время более или менее заметное монгольское влияние на лексическом уровне, однако оно не было столь значительным, чтобы вытеснить, полностью или частично, собственно тюркские формы широко употребительных слов (в том числе и рассматриваемого) монгольскими. В частности хак. tigir (тигир) 'небо' явно не может быть отнесено к числу поздних монголизмов, которые, судя по имеющимся данным, для хакасского языка малохарактерны. К тому же некоторые особенности фонетического облика хакасского слова (наличие интервокального g, которое скорее всего должно было восходить к тюркскому ŋ или хотя бы отражать древнее чередование g ~ ŋ, тогда как в монгольских заимствованиях хакасского языка ŋ в указанной позиции сохраняется)¹⁷, также не позволяют считать его монголизмом.

В киргизском языке имеется довольно большое число монголизмов, хотя и несколько меньше, чем в хакасском¹⁸. Эти монголизмы еще недостаточно изучены. К ним в основном относятся старые заимствования. И поэтому считать монголизмом в частности кирг. teŋır, употребляющееся, по-видимому, «на равных» с teŋiri¹⁹, также нет достаточных оснований. То же, по всей вероятности, можно сказать, и о калп. teŋır.

Более сложным оказывается разрешение вопроса о происхождении форм с конечным -r на материале тувинского языка, где имеются два близких по внешнему облику слова: вышеназванное dēr и denŋer (с вариантами). Первое из них является основным, наиболее распространенным названием неба; второе употребляется реже и в основном в определенных сочетаниях, в частности со словом dēr: dēr-denŋer разг. 'небо, небеса'. Denŋer вполне может быть отнесено к числу поздних монголизмов в тувинской лексике, тем более, что в некоторых территориальных говорах оно употребляется и в составе словосочетаний, целиком заимствованных из монголоязычных источников, таких, например, как название созвездия Tavŋ-Tenŋır, Tavaŋ-Tenŋer, которому в других говорах соответствует вариант, являющийся как бы переводом данного названия на тувинский, — Beš-Dēr (букв. 'пять небес')²⁰.

На первый взгляд форма dēr моложе denŋer и может быть возведена к последней. Действительно, интервокальный ŋ один, или реже в сочетании (ŋg или ŋŋ) в словах тувинского языка может утрачиваться, а стяжение соседних гласных образует долгий гласный, однако в подобной ситуации последний оказывается назализованным: mē 'мозг' (<*meŋi), sēk 'муха' (ср. др.-тюрк. siŋäk id.), sēr ~ sīr (тоджинский диалект) 'высокий, узкий и длинный хребет с крутыми склонами, постепенно понижающийся к краям' (<*seŋır), mōl 'монгол; монгольский' (<монгол [moŋ-ɣol]). Естественно было бы ожидать назализацию долгого гласного и в названии неба (*dēr), но в действительности в этом слове гласный остается чистым долгим (dēr), что является немаловажной деталью,

позволяющей предположить, что *dēr* непосредственно восходит к форме, в которой интервокальными были не *η* (ср. *tāŋir*) или сочетание *ŋg* (*teŋgir*), а другие согласные. Скорее всего, таким согласным мог быть *g* (*dēr* < *tegir или *teger), то есть исходная форма была близка к хак. *ligir*²¹.

Рассмотренный материал подтверждает, что в целом формы на *-r* в тюркских языках возникли независимо от монгольского влияния и, по-видимому, имеют архаичный характер, что представляется немаловажным для установления этимологии названия неба в этих языках.

Остановимся далее на соотношении передне- и заднерядных вариантов данного названия. Последние, судя по внешнему облику, в отличие от переднерядных, одноструктурны и сопоставимы в этом плане только с формой типа *tāŋgi*, которая, судя по проанализированным выше данным, отнюдь не является древнейшей. Формы типа *tāŋir* и, возможно, *teŋāk* (зафиксированная только древнетюркскими памятниками!) как весьма архаичные, сравнению с заднерядными вариантами не подлежат.

Что касается соотношений «на уровне» *tāŋgi*, то и здесь некоторые исследователи уверенно называют первичным переднерядный вариант²², что представляется наиболее вероятным и нам. Правда, в числе заднерядных вариантов имеется якут. *taŋaŋa*, а якутский язык нередко сохраняет, как более древний, именно заднерядный вокализм²³. Кроме того, заднерядные варианты слов в тюркских языках в общем считаются древнее переднерядных. Однако и здесь не исключаются случаи противоположного характера, причем случаи «отвердения» мягких гласных зарегистрированы и в якутском языке²⁴. Поэтому вполне логично к их числу отнести и *taŋaŋa*.

Большая архаичность переднерядных форм в известной мере подтверждается и среднеазиатским тефсиром, где, как уже указывалось, сосуществуют варианты *tāŋgi* и *taŋgu* (у последнего отмечено еще производное *taŋguyluq* 'божественность, прерогатива бога'). Наличие этих двух вариантов, скорее всего, является следствием отмеченной А. К. Боровковым «двойственности в словаре нашего тефсира», заключающейся в наличии слов восточно-тюркского и огузско-туркменского происхождения, причем последние «в известной своей части представляют языковые новшества». Таким новшеством можно считать явный огузско-туркменский элемент лексики тефсира *taŋgu* (недаром в глоссарии к этому памятнику *taŋgu* сопоставляется с соответствующими словами староосманского и туркменского языков²⁵).

Таким образом, заднерядные варианты названия неба (или бога), вероятнее всего, вторичны по отношению к таким переднерядным формам как *tāŋgi* (и его соответствиям). Они возникли в результате перехода переднерядного вокализма в заднерядный. Формы типа *taŋgu* можно возвести непосредственно к *tāŋgi, а якутское *taŋaŋa* — к праформе *tāŋāgā или же ей подобной (например, к одной из кумандинских форм — *teŋere*).

Следует также упомянуть, что высказывалось предположение об отсутствии у прототипа рассматриваемого наименования гармонии гласных. Это предположение обосновывается по-разному и подробнее о нем будет сказано ниже. Однако предварительный анализ соотношения различных вариантов и форм этого названия свидетельствует о маловероятности подобной версии.

Некоторое распространение получила точка зрения о китайском происхождении тюркского наименования неба, которая высказывается в различных вариантах: от прямого указания на китайский первоисточник этого слова (например, уйг. *tāŋgi* 'бог, всевышний'²⁶) до возведения

соответствующих тюркских и монгольских слов к сино-корейскому thien-li²⁷.

Полагаем, что возводить к этой и подобным ей праформам даже наиболее близкие к ней внешне формы типа tāŋri, весьма затруднительно, поскольку фонетически переход thien-li > tāŋri труднообъясним²⁸. Кроме того, наличие других форм данного наименования вроде tāŋir и teŋäk этой версией вообще никак не объясняется. Поэтому она не может быть принята. По всей вероятности, здесь имеет место лишь внешнее совпадение гетерогенных наименований²⁹.

Другая версия о заимствованном характере названия неба принадлежит Г. Дёрферу, который относит тюркское tāŋri к числу заимствований из языка хунну, в котором название неба пишется ch'eng-li (в китайском иероглифическом написании)³⁰. Вопреки утвердившемуся мнению, Г. Дёрфер считает это слово нетюркским, а также и немонгольским по происхождению. По его мнению, хунну не были тюркоязычными. Он находит, что сочетание согласных ŋr, как и внешний облик слова tāŋri в целом, подтверждают его нетюркский характер. По Г. Дёрферу, заднерядные варианты этого слова более близки к его праформе, представляемой им как *taŋri, то есть нарушающей гармонию гласных, которая якобы в этом слове образовалась только на тюркской почве, но реализовалась разными путями (по передне- или заднерядному гласному)³¹.

Приведенная аргументация Г. Дёрфера помимо того, что она не проливает света на структуру слова, неубедительна и с фонетической точки зрения. Если бы облик слова tāŋri был действительно нетюркским, он бы не сохранился в ряде тюркских языков, а подвергся бы соответствующим изменениям. Трудно назвать обоснованным и тезис о нетюркском характере сочетания ŋr, встречающемся и в других тюркских словах. Причем в них это сочетание нередко носит вторичный характер, выступая на стыке морфем, где между согласными мог существовать узкий гласный, подвергшийся редукции и выпадению. Так, в древнетюркских памятниках встречаются: jaŋga- 'издавать звуки', jaŋgaq 'складка, изгиб горы', qaŋgaq 'небо', qoŋgaŋ 'колокольчик' и т. п. В некоторых тюркских языках имеется слово soŋga 'потом, после'; ср. также туркм. аңры 'обратная, задняя сторона чего-либо' (<*аңары < *аңгару < *анкару³², иңрик 'сумерки' (<*иңгир + -(и)к)³³, кирг., ккалп. аңрай- (*аңырай-)³⁴ 'разверзаться', 'разевать рот', каз. оңра- (оң + ра-³⁵) 'оправиться' и т. д. Вторичным могло быть сочетание ŋr и в tāŋri.

Реконструкция Г. Дёрфером первоначальной формы данного слова в виде *taŋri представляется умозрительной и необоснованной. Кстати, она довольно далека и от хуннского ch'eng-li. Ничто не подтверждает того, что это тюркское слово заимствовано из языка хунну, а не наоборот. То обстоятельство, что ch'eng-li отмечено много раньше tāŋri, еще не исключает первичности тюркского слова и вторичности его в хунну (если даже согласиться с тем, что хунну не были тюркоязычными).

На более верном пути находятся те исследователи, которые пытаются этимологизировать tāŋri (и его соответствия) как исконные для тюрко-монгольских и, особенно, для тюркских языков, хотя эти этимологии пока еще нельзя считать достаточно убедительными. Так, например, С. Ш. Чагдуров говорит о «тюрко-монгольском пракорне ten-» (ten-? — Б. Т.) в слове teŋ-ri 'небожитель', с вероятным значением «середина, половина неба, зенит, жилище светил» и приводит для сравнения бур. үдэрэй тэнэ 'полдень'. Этот «пракорень» «остаётся... при отсечении (?) древнейшего форманта -г» (что это за формант, к сожалению, не поясняется)³⁶. Правда, имя тэн(э) ~ teŋ — вполне реальное слово,

означающее, например, в монгольских языках «равный, одинаковый», а также «выюк, поклажа (разделенные на две равные части)», «половина чего-либо», имеющее параллели в тюркских языках (общетюркского масштаба) и являющееся, по мнению ряда исследователей, китайским заимствованием. Эта точка зрения принимается не всеми специалистами безоговорочно: отмечается, в частности, «большая разветвленность значений *дең~тең* и образование [от него] ряда производных еще в ранние периоды истории тюркских языков»³⁷. Тем не менее, семантика слова в целом довольно далека от «вероятного значения», восстанавливаемого С. Ш. Чагдуровым (только в уйгурских диалектах отмечены значения «половина» и «середина»), а среди «наиболее распространенных производных, важных для характеристики динамики значений *дең~тең* и т. д.» (по Э. В. Севортыану), не отмечено образований, сколько-нибудь структурно-семантически близких к *täŋri*³⁸.

Все это заставляет скептически воспринимать предлагаемую реконструкцию, которая выглядит неубедительной и до конца не проясненной, а процедура «отсечения» форманта — произвольной. Это, впрочем, не исключает возможности того, что рассматриваемое слово представляло собой именно аффиксальное образование.

По мнению отдельных исследователей, рассматриваемое наименование явилось результатом сложения (слияния) основ. Так, М. П. Хомонов пытается установить этимологию наименования на основе бурятских данных, расчленив его на два слова-компонента: *тэн* ('свод, арка, столбы в юрте') и *гэр* ('юрта, дом, жилище')³⁹, что представляется нам типичным примером «народной этимологии», оставляющей неясным время слияния этих компонентов и общее значение термина *тэнгэри*⁴⁰.

Впрочем, этимологизация данного слова на основе только монгольских языковых данных, скорее всего, вообще невозможна, так как существует небезосновательное мнение о заимствовании его монголоязычными народами из тюркских языков⁴¹. В связи с этим внимание исследователей (в частности, Б. Я. Владимирцова) привлечен тот факт, что в старописьменной монгольской графике, следуя традициям заимствованной монголами древнеуйгурской письменности, это слово писалось с пропуском знака, обозначающего гласный первого слога: *tngrī* (др.-уйг. *tnri*) вместо *tengri*. Такое написание сохранялось вплоть до наших дней⁴².

Приведенное выше довольно определенно указывает на то, что данное название неба (или теоним) вполне может быть исконно тюркским. Поэтому особый интерес вызывает его этимология, предложенная Н. К. Антоновым и основанная на данных тюркских языков. Согласно этой этимологии, анализируемое наименование восходит к изафетному сочетанию *taŋ eri* 'муж зари'. В свою очередь, личность, именуемая таким образом, считается воплощением солнца, «верховного божества, творца всего сущего»⁴³.

Однако и с этой версией происхождения слова *täŋri* и его соответствий также трудно согласиться в силу ряда причин. Прежде всего, она, как и предыдущие, не объясняет все известные варианты названия неба, о которых шла речь выше. Далее, исходя из направления связей значений, довольно трудно представить себе переход от «лично-божественного» значения к значению «небо (как объективная реальность)». Более логично семантическое развитие в обратном направлении, что неоднократно отмечалось в литературе. Так, Дж. Клосон указывал, что вначале *täŋri*, по-видимому, означало «материальное небо», а «божественная» семантика у него вторична, хотя и возникла в очень

давнее время⁴⁴. Исследователи, писавшие о существовании культа поклонения небу у тюрков и монголов, указывают именно на персонификацию или антропоморфизацию неба, причем в большинстве случаев неявно выраженную⁴⁵.

В предлагаемой Н. К. Антоновым этимологии вызывает сомнение также и сам способ образования слова. В принципе сложные слова, восходящие к изафетным сочетаниям (иначе лексикализованные изафетные сочетания), для тюркских языков достаточно характерны⁴⁶, но полное слияние компонентов таких словосочетаний в единый звуковой комплекс, характеризующийся гармонией гласных, встречается нечасто. Если бы такой процесс действительно имел место, он, скорее всего, должен был бы протекать неравномерно, и где-то сочетание *taŋ egi* в значении «небо» или «бог, божество» могло сохраниться. В действительности же такое словосочетание Н. К. Антоновым ни в одном языке не зафиксировано и, по-видимому, оно вообще представляет собой не более чем гипотезу, хотя и возможно, что преобразование переднерядных вариантов типа *täŋri* и подобных ему в заднерядные (по крайней мере, в части подобных случаев) могло быть вызвано сближением этих вариантов со словом *taŋ* 'заря' и их контаминацией с последним. Тому могло способствовать не только фонетическое сходство *täŋri* и *taŋ*, но и их реальная смысловая общность: заря — природное явление, связанное с небом.

Тот факт, что в отдельных случаях в слове нарушается гармония гласных, не может здесь считаться аргументом в пользу этимологии, предложенной Н. К. Антоновым⁴⁷. Это свидетельствует лишь об ослаблении сингармонизма в некоторых языках (например, в караймском и сарыг-югурском) или, может быть, о погрешностях в орфографировании и т. п.

В подтверждение своей версии Н. К. Антонов ссылается на древние легенды тюрко-монгольских народов⁴⁸, но они, на наш взгляд, недостаточно информативны для доказательства такой точки зрения.

Многосложность (якобы «не свойственная древним основам»)⁴⁹, также не может служить убедительным доводом в пользу сложного слова, ибо таковым может быть и аффиксальное образование.

Именно с этой точки зрения мы рассматриваем формы и варианты названий неба, а также некоторые другие слова одного с ними корня. Прежде всего, думается, необходимо обратиться к характерному для древнетюркских памятников слову *teŋäk*, которое связано с древнетюркским глаголом *teŋ-* 'подниматься', 'взлететь'. Таким образом, речь идет о небе, воздухе, то есть о месте, куда поднимаются, взлетают, или месте, которое поднимается, возвышается над окружающим и т. д.

Судя по некоторым данным, связь глаголов действия с семантикой «подниматься» и производного от него названия неба в известной мере регулярна для тюркских языков. В частности, С. Г. Кляшторным отмечено, что слово *qaluq* 'воздух', 'небесный свод', 'ближнее небо' восходит к глагольной основе *qalu-* 'подниматься', 'взлетать'⁵⁰, или, иначе говоря, *qaluq* образовано по той же модели, что и *teŋäk*, и с помощью одного и того же форманта *-(a)q, -(a)k*.

Глагольная основа *teŋ-* (в форме залога на *-l*) встречается в древнетюркских названиях небольших птиц семейства ястребиных *teŋälgüç* и *teŋälgün*, а также, по-видимому, и в тат. (мишарский диалект) *cäŋgezle* 'прыгать на одной ноге'⁵¹. Вполне возможно также существование в прошлом и имени *teŋ, о чем свидетельствуют такие слова древнетюркских памятников, как *teŋi-* 'подниматься, взлетать (?)' и *teŋüt*

высотой в пол-локтя⁵², где -(a)č, -(ü)č может быть аффиксом диминутива⁵³.

К глагольной основе *teŋ-* или *teŋi-* следует, по-видимому, возвести и название неба типа *teŋir*, образованное при помощи аффикса причастия-аориста (a)г⁵⁴. Предположительно это название первоначально могло означать «поднимающееся», «летающее» и т. п.

С той же глагольной основой, но в форме побудительного залога (**teŋ*ⁱ_e г-) можно связать и образование форм типа *täŋri*, *teŋere*, *teŋiri* (при помощи *-e/-i*, которые можно считать как различными формантами, так и фонетическими вариантами одного форманта). Форма *täŋri*, скорее всего, восходит к *täŋiri с узким гласным второго слога, входившим в состав залогового аффикса и подвергшимся элизии.

Подобное исчезновение узких гласных в указанной позиции (особенно в соседстве с сонантами) характерно для ряда многосложных слов в тюркских языках⁵⁵.

Глагол **teŋ*ⁱ_e г- мог означать не только 'поднимать', но и иметь переносные значения: 'приносить жертву', 'чтить, почитать' и т. д., что наблюдается, в частности, у другого тюркского глагола: *götür-~kötür-*, исходным значением которого было «поднимать»⁵⁶, то есть небо, понимаемое как божество, которое поднимает, возвеличивает, награждает (достойных) и т. п.

Иными словами, здесь находит свое проявление присущее древним тюркам обожествление неба: «Именно Тенгри... распоряжается всем происходящим в мире, и, прежде всего, предопределяет судьбы людей: Тенгри „распределяет сроки жизни...“; Тенгри дарует каганам мудрость и власть, дарует каганов народу, наказывает согрешивших против каганов и даже, „приказывая“ кагану (*jarlyqa-*), решает государственные и военные дела»⁵⁷.

В древнетюркских памятниках имеются и другие родственные *täŋri* слова, которые можно считать производными от той же глагольной основы **täŋir-* с указанными выше предполагаемыми переносными значениями. В числе таких слов глагол *täŋriklä-* 'поклоняться богам', где выделяется глаголообразующий аффикс *-lä-* и именная основа *täŋrik 'поклонение богам' (?), явно отглагольная форма, образованная от **täŋir-* 'почитать; поклоняться' и т. д.

В некоторых памятниках С. Е. Маловым отмечалось и существительное *täŋrim* 'тенгрий, гений' [*t(ä)ŋrim lärim* 'мои тенгрии']⁵⁸, явно принадлежащее к числу имен, образованных при помощи аффикса *-(a)m* от глагольных основ.

Говоря о производящей глагольной основе **täŋir-*, не следует также упускать из виду, что аффикс *-(a)г-* образует формы не только залога (побудительного), но и интенсива (что особо отмечено А. Н. Кононовым⁵⁹). Поэтому **täŋir-* могло выражать также «высоко подниматься», «взлетать на большую высоту» и т. п. Структурно-семантическое различие названий *täŋir* и *täŋri*, возможно, было связано с тем, что последнее обозначало нечто более высокое (в частности, небо и божество)⁶⁰, чем то, что именовалось *täŋir*. Не случайно, что именно формой *täŋri* (и ее заднерядными соответствиями) назывались и называются небо и бог (или только бог) у древних и отчасти современных тюрков различных верований: шаманистов, манихеев, христиан, буддистов, мусульман, тогда как форма *täŋir* и ее соответствия сохранились только «на периферии» тюркоязычного мира и притом главным образом в качестве названия неба, физического или обожествленного.

Приведенных выше соображений относительно происхождения слова tāŋrı и близких к нему по значению слов, по-видимому, достаточно для обоснования их тюркской этимологии. Однако в связи с анализом структуры этих наименований и выделением производящей глагольной основы teŋ- 'подниматься', 'взлетать' привлекает внимание ряд соответствий, о которых следует сказать особо.

Как видно из материалов предложенной выше классификации вариантов и форм наименования, многие из них различаются согласным, соответствующим заднеязычному η: tāŋrı, tāŋır, taŋrı, taŋara. В целом модификации этого согласного закономерны для его интервокального положения⁶¹, которому тождественна или близка его позиция и в данных случаях, поэтому обо всех соответствиях η здесь не говорится.

Для нас особый интерес представляют варианты, в которых η соответствует заднеязычный g(γ). Среди них как формы с конечными -r (о них уже говорилось отдельно), так и формы, оканчивающиеся на гласный: куманд. tegre, tegri (>texre, texri) и, отмеченная Э. К. Пекарским, якут. таҕара и, вероятно, тоф. dēri (судя по отсутствию назализации долгого гласного). Согласный η в тюркологии считается древнее g(γ), но в данном случае переход η > g произошел, по-видимому, достаточно давно и вполне реален; наряду с teŋ- выступает и глагол *teg- (или *tek-), который можно видеть в шор. tegej 'темя, макушка', 'вершина горы', 'холм, бугор', хак. tigej 'макушка (головы)', 'вершина (горы)', 'сопка, холм', тув. tej 'макушка (головы)', 'верхняя часть головного убора', 'холм, сопка' (tej, скорее всего, из *tekej, подобно тому, как тув. ses 'восемь' <sekiz, sal 'растительность на лице' <sakal и т. п.), тоф. teŋhek 'темя, макушка (взрослого человека)' (В. И. Рассадин. Словарь современного тофаларского языка. Рукопись). Соотносительная по семантике основа *deg- или deg (>dege-) прослеживается и на монгольском материале (приводим старописменные монгольские формы): degde- 'взлетать, подниматься', degži- 'улучшаться, развиваться', 'расти', dege-dü 'верхний', 'верховный', 'лучший', degedüs 'предки', 'знать', 'небожители' и т. д.⁶²

Наконец, в северной подгруппе тунгусо-маньчжурских языков фигурирует глагол дэг- 'летать, улетать, прилетать' (<*дэги-), от которого образуется, в частности, существительное со значением «птица». Ср. также орок. дэгдэ 'возвышенность (в тайге)', нан. дэгдэ 'полет', маньчж. дэкэ, дэкэн 'возвышение, бугор'⁶³.

В. И. Цинциус, подобно другим алтаистам, сближает между собой, как гомогенные, тунгусо-маньчжурские и монгольские соответствия, причем некоторая часть тунгусо-маньчжурских слов предположительно характеризуется ею как монголизмы⁶⁴. В качестве тюркских параллелей в эту группу слов алтаистами включаются др.-тюрк. jег 'хороший', jегät- 'превосходить', 'побеждать'⁶⁵. В результате, восстанавливается общеалтайский корень *дэги- (тюрк. *jег- при соответствии тюрк. й-/j-/общ.-алт. *д) с исходной семантикой «высь» — «подниматься ввысь» — «летать» — «летучий» — «птица».

Сближение с монгольскими и тунгусо-маньчжурскими данными др.-тюрк. jег выглядит несколько натянутым, что фактически признается и самой В. И. Цинциус, которая пишет, что по существу лишь семантика таких монгольских словоформ, как дэгэ-дү 'верхний, высший', 'лучший' (то есть не исходная, а вторичная их семантика, переносные значения), «позволяет алтаистам-компаративистам привлечь для сопоставления др.-тюрк. jег...»⁶⁶.

Думается, более оправдано использовать здесь для сопоставления со стороны тюркских языков основы *teŋ-*, **teŋ* и их производные, а также образования с основой **teg-* (**tek-*), о которых шла речь выше. Вероятно, эти тюркские основы в свое время тоже сыграли определенную роль в возникновении общности приведенных выше тунгусо-маньчжурских и монгольских слов, однако данный вопрос нуждается в специальном изучении.

¹ Л. Л. Викторова. Ранние формы религии киданей. — В кн.: «Бронзовый и железный век Сибири», Новосибирск, 1974, стр. 261.

² См.: «Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков», т. II, Л., 1977, стр. 162. Здесь отмечены также негидальское *таңчйинки* 'мольбище' и нанайское *таңгйи-мангйи* устар. 'божок', но характер их связи с рассматриваемым словом несколько неясен.

³ Р. Г. Ахметьянов. Сравнительное исследование татарского и чувашского языков. М., 1978, стр. 209—210.

⁴ Н. А. Баскаков. Диалект кумандинцев. М., 1972, стр. 252.

⁵ Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Л., 1929, стр. 332.

В известной мере о сосуществовании таких форм можно говорить и применительно к тувинскому языку: ср. вышеприведенное *dër* и *dëri* 'небо' (последнее отмечено в диалекте тувинцев Северо-Западной Монголии). См.: Д. А. Монгуш. О языке тувинцев Северо-Западной Монголии. — В кн.: «Вопросы тувинской филологии», Кызыл, 1983, стр. 137.

⁶ См.: И. А. Манжигеев. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. М., 1978, стр. 73.

⁷ Примеры из древнетюркских памятников, приводимые без ссылки на источник, взяты из ДТС.

⁸ Этот вариант отмечен в «Словаре якутского языка» Э. К. Пекарского (т. III, ст. 2551).

⁹ Э. К. Пекарский приводит следующие значения якутского слова: «видимое небо», «небо как божество, общее название добрых существ, добрый дух, бог, богиня..., бог-покровитель», «икона, образ», «святой, священный» и т. д. (Э. К. Пекарский. Указ. словарь, ст. 2551—2552).

¹⁰ См.: М. Ряснен. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955, стр. 171.

¹¹ Относительно первоначального фонетического облика чувашского *tugă* и стадий его изменений см.: Р. Г. Ахметьянов. Указ. раб., стр. 145; В. И. Сергеев. Об общетюркском фонде обозначений культов и духов у тюркоязычных народов Поволжья. — В кн.: «Языкознание. Тезисы докладов и сообщений», Ташкент, 10—12 сентября 1980 г. Ташкент, 1980, стр. 210.

¹² А. К. Боровков. Лексика среднеазиатского тefsира XII—XIII вв. М., 1963, стр. 285—299.

¹³ Не исключено и сосуществование родственных, однокоренных задне- и передне-рядных слов. Ср. якут. *taŋaga* (с указанными значениями) и *tāŋkā, tāŋkāl* 'деревья без ветвей (вследствие повреждения коры палом), с одной верхушкой' (в сочетаниях переходят также и в значении «высокий»). См.: Э. К. Пекарский. Указ. словарь, ст. 2636.

¹⁴ Первое из них образовано при помощи уподобительного аффикса *-kân ~ -gân* и могло иметь также значение «божественный» (см., в частности, о *t(ə)ŋrīkân* в монографии: А. М. Щербак. Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана. М.—Л., 1961, стр. 110).

¹⁵ См., например: В. Г. Егоров. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964, стр. 259; Л. Л. Викторова. Указ. раб., стр. 261; *ее же*. Монголы. М., 1980, стр. 91—92; С. Ю. Неклюдов. Мифология тюркских и монгольских народов (Проблемы взаимосвязи). — «Тюркологический сборник. 1977». М., 1981, стр. 188, сноска 9. При этом шумерскому слову приписывается значение «небо», что не совсем точно, поскольку в письменности древних шумеров слова со значениями «бог» и «небо» лишь обозначались тождественными идеограммами, которые в действительности произносились совершенно по-разному: *dingir* 'бог', а не 'небо' (см.: И. Фридрих. История письма. М., 1979, стр. 64, 67, 68).

¹⁶ Б. Грозный. Доисторические судьбы Передней Азии. — «Вестник древней истории», М., 1940, № 3—4, стр. 43.

¹⁷ Более детальную характеристику монголоизмов хакасского языка см.: В. И. Рассадин. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. М., 1980, стр. 34 и след.

¹⁸ В. И. Рассадин. Указ. раб., стр. 93.

¹⁹ См.: К. К. Юдахин. Киргизско-русский словарь. М., 1965, стр. 725. Здесь переводом сопровождается вариант *теңир* в то время, как вариант *теңири* дается с пометой «то же, что *теңир*».

²⁰ См.: З. Б. Чадамба. Некоторые группы лексических диалектизмов тувинского языка. — В кн.: «Тувинский язык и литература в послеоктябрьский период», Кызыл, 1977, стр. 74.

²¹ В диалектах хакасского языка встречается и вариант *tegir* (*тегир*) (см.: М. И. Боргояков. Источники и история изучения хакасского языка. Абакан, 1981, стр. 43).

²² См.: Р. Г. Ахметьянов. Указ. раб., стр. 237; В. И. Сергеев. Указ. раб., стр. 210.

²³ См., в частности: Н. Н. Широкова. Соответствия гласных твердого и мягкого ряда (по данным ДАТЯ. Сибирь). — В кн.: «История и диалектология языков Сибири», Новосибирск, 1978, стр. 60 и след.

²⁴ А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, стр. 35 и след., 39.

²⁵ А. К. Боровков. Указ. раб. (Введение и стр. 285).

²⁶ См.: «Уйгурско-русский словарь». Составитель Э. Н. Наджип. М., 1968, стр. 302.

²⁷ См.: А. Yöki. Die Lehnwörter des Sajansamojedischen. Helsinki, 1952, стр. 355—356.

²⁸ В частности, неясны переходы *l > r* и особенно *n > ŋ*. Согласный *n* должен был сохраниться, как это произошло в явном древнетюркском китаизме *tänsi* [кит. *тяньцзы*, *thien-si*] — титул китайского императора (букв. «сын неба») (ДТС, 544). См. также G. Doerfer. Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen. Wiesbaden, 1965, II, стр. 584.

²⁹ Интересно отметить, что уже Л. З. Будагов достаточно осторожно писал о сходстве тюрко-монгольского названия неба (и бога) с китайскими *thiän* 'небо' и *thiänly'gacio coeli* 'разум небесный, предвидение' (см.: Л. З. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т. I, СПб, 1869, стр. 370).

³⁰ G. Doerfer. Zur Sprache der Hunnen. — «Central Asiatic Journal», vol. XVII, № 1, Wiesbaden, 1973, стр. 5—6, 7; *его же*. Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen, стр. 585.

³¹ G. Doerfer. Zur Sprache der Hunnen, стр. 5.

³² Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974, стр. 157.

³³ Э. В. Севортян. Указ. раб., стр. 354.

³⁴ Там же, стр. 156.

³⁵ См.: В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. Т. I, СПб., 1893, ст. 1031.

³⁶ С. Ш. Чагдуров. Происхождение Гэсэриады. Опыт сравнительно-исторического исследования древнего словарного фонда. Новосибирск, 1980, стр. 154. Далее про этот формант говорится только то, что «пракорни» в монгольских языках могли употребляться в древности «как с формантом *r*, так и без него» (стр. 155).

³⁷ Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «В», «Г» и «Д». М., 1980, стр. 193.

³⁸ Там же, стр. 191—192, 193—194.

³⁹ М. П. Хомонов. Бурятский героический эпос «Гэсэр». Улан-Удэ, 1976, стр. 55.

⁴⁰ Т. М. Михайлов. Из истории бурятского шаманизма. Новосибирск, 1980, стр. 144.

⁴¹ См. об этом: Б. Я. Владимирцов. Турецкие элементы в монгольском языке. — «Записки Восточного отделения Имп. Русского Археологического Общества», т. XXI (отд. оттиск). СПб, 1911, стр. 14; М. Н. Орловская. Имена существительные и прилагательные в современном монгольском языке. М., 1961, стр. 48.

⁴² Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия, стр. 157. Надо, правда, отметить, что прямо возводя старописьменное монгольское *tngrī* (*tengri*) к древнейугурскому слову (стр. 332, 338), Б. Я. Владимирцов проявляет известную непоследовательность в отношении халха-монгольского *теңгёр*, возводимого к некоей праформе *tenggeri. Последняя почему-то восстанавливается, исходя из ойрат.письм. *tenggeri*, и практически тождественна последнему. Таким образом, получается, что старописьменное монгольское слово и его современное монгольское соответствие имеют разное происхождение, что совсем нелегко доказать.

⁴³ Н. К. Антонов. Материалы по исторической лексике якутского языка. Якутск, 1971, стр. 124, 126. Следует отметить, что попытки связать название неба со словом *taŋ* 'заря', 'утренняя заря' принимались и ранее (в частности, еще Г. Вамбери). Их критический обзор см. в выше цитированной монографии Г. Дёрфера (стр. 585).

⁴⁴ G. Clauson. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972, стр. 523.

⁴⁵ С. Г. Кляшторный. Мифологические сюжеты в древнетюркских памятниках. — «Тюркологический сборник. 1977». М., 1981, стр. 132; С. Ю. Неклюдов. Мифология тюркских и монгольских народов. — Там же, стр. 189—190.

⁴⁶ См., например: В. Г. Егоров. Словосложение в тюркских языках. — В кн.: «Структура и история тюркских языков». М., 1971, стр. 103—104.

⁴⁷ Н. К. Антонов. Указ. раб., стр. 125.

⁴⁸ Там же, стр. 125—126.

⁴⁹ Там же, стр. 125.

⁵⁰ С. Г. Кляшторный. Указ. раб., стр. 121.

⁵¹ См.: Р. Г. Ахметьянов. Указ. раб., стр. 206.

⁵² О последнем см.: M. Räsänen. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türk Sprachen. Helsinki, 1969, стр. 474-a.

⁵³ В тюркских языках существует, по-видимому, известный параллелизм передне- и заднерядных вариантов указанных глагольных и, возможно, именных основ. В частности, в алтайских диалектах и шорском языке отмечена глагольная основа таң- 'прыгать, идти галопом' (В. В. Радлов. Указ. раб., т. III, ст. 805).

Следует также отметить ряд подражательных слов, возможно, образованных от данной глагольной или от омонимичной ей именной основы вроде казахского таңқу- 'быть вздернутым (о носе)' (<таңқу 'вздернутый (о носе)' (Э. В. Севортян. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962, стр. 280). Словарь В. В. Радлова дает каз. таңқапай 'со вздернутым носом', сравнивая его с каз. таңқу, а также с глаголом таңқу- 'быть вздернутым (о носе)', 'быть вывороченными (о губах)' (т. III, ст. 808). На существование именной основы с семантикой «подъема» указывает тув. таңдаш (таң+да+ш) 'со вздернутым носом, курносый'. Ср. также не очень ясное по структуре др.-тюрк. таңуз- 'разбухать, раздуваться'.

Основы подражательного характера имеют также и переднерядные параллели, с чем можно судить по кирг. теңирі- 'быть вздернутым (о носе)', которое К. К. Юдахин не без основания сопоставлял с теңір 'небо' («Киргизско-русский словарь», стр. 725).

Думается, однако, что наличие подобных заднерядных вариантов таң- и, возможно, таң не может изменить ранее высказанной точки зрения о первичности переднерядных вариантов неба типа тәңгі, к каковым и восходят заднерядные варианты этого названия.

⁵⁴ Э. В. Севортян. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966, стр. 340.

⁵⁵ А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков, стр. 67—68.

⁵⁶ Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. (Общетюркские и межтюркские основы на буквы «В», «Г» и «Д»). стр. 87.

⁵⁷ С. Г. Кляшторный. Указ. раб., стр. 131—132.

⁵⁸ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.-Л., 1951, стр. 155, 158, 429.

⁵⁹ А. Н. Кононов. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX вв. Л., 1980, стр. 118, 241.

⁶⁰ Вполне возможно, что тәңгі первоначально могло обозначать не только небо, но и другие объекты, характеризующиеся значительной высотой, или же выражало адъективный смысл типа «(очень) высокий». На такую мысль наводят некоторые факты. В частности, обращает на себя внимание фитоним тәңгі теҗәк 'пирамидальный тополь' (теҗәк 'тополь') в языке уйгуров Ферганской долины (Г. Садвакасов. Язык уйгуров Ферганской долины. I, Алма-Ата, 1970, стр. 237). Первый компонент данного наименования в качестве самостоятельного слова не отмечен. Вполне возможно, что это отголосок тәңгі в предпологаемом значении «(очень) высокий». Кроме того, в свое время Махмуд Кашгарский как правовеерный мусульманин сокрушался о «тюрках-неверных», которые называли словом «Теңгри» высокие горы и большие деревья (С. Г. Кляшторный. Указ. раб., стр. 132). Возможно, что в языке «неверных» сохранилась более старая (и не обязательно «божественная») семантика этого слова, выражающая значительную высоту различных объектов.

⁶¹ См., в частности: Б. А. Серебренников, Н. З. Гаджиева. Сравнительная грамматика тюркских языков. Баку, 1979, стр. 72—73.

⁶² Часть подобных слов была заимствована посетителями тувинского языка, ср. тув. дөвгү 'потолок', 'крыша, кровля', дөдү 'высший, верховный' и др.

⁶³ См.: «Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков», т. I, Л., 1975, стр. 228—229; В. И. Цинциус. Задачи сравнительной лексикологии алтайских языков. — В кн.: «Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков». Л., 1972, стр. 4, 8—9; *см. же*. Проблема сравнительно-исторического изучения лексики алтайских языков. — В кн.: «Исследования в области этимологии алтайских языков». Л., 1979, стр. 11.

⁶⁴ В. И. Цинциус. Задачи сравнительной лексикологии алтайских языков, стр. 8—9.

⁶⁵ С которыми, возможно, гомогенно и распространенное в тюркских языках јең- 'побеждать' (?).

⁶⁶ В. И. Цинциус. Задачи сравнительной лексикологии алтайских языков, стр. 9; *см. же*. Проблемы сравнительно-исторического изучения лексики алтайских языков, стр. 11.

А. Б. ХАЛИДОВ

«ДИВАН ЛУГАТ ИТ-ТЮРК» В СРАВНИТЕЛЬНОМ ОСВЕЩЕНИИ С ЕГО АРАБСКИМ ПРОТОТИПОМ

В предисловии к «Диван лугат ит-тюрк» Махмуд Кашгари писал, что названия «книг» (*kitāb*) его словаря заимствованы из арабского языка в качестве терминов, знакомых «людям», то есть определенному кругу читателей того времени. Казалось бы, это заявление свидетельствует против предположения, что «Диван лугат ит-тюрк» составлен по образцу какого-то одного конкретного арабского словаря, однако это именно так. Уже вскоре после обнаружения рукописи «Диван лугат ит-тюрк» (1915 г.) и издания ее (1917—1919 гг.) Г. Бергштрессер в небольшой заметке отметил существование арабского лексикографического труда, вероятно, послужившего образцом для Махмуда Кашгари — это «Диван ал-адаб» Абу Ибрахима Исхака ибн Ибрахима ал-Фараби (ум. в 961 г.)¹. Г. Бергштрессер писал об этом, не располагая текстом «Диван ал-адаб», основываясь лишь на сходстве названий трудов и «поразительном» совпадении названий их глав. При этом он выразил уверенность, что ознакомление с рукописью «Диван ал-адаб» подтвердит это предположение. Однако в течение еще нескольких десятилетий «Диван ал-адаб» оставался малоизученным, хотя его рукописи и были представлены в европейских собраниях, начиная с XVII века. Недавно впервые вышел в свет критический текст «Диван ал-адаб» с обстоятельной вводной статьей². Публикацию подготовил Ахмад Мухтар Умар, использовавший при этом материалы по истории арабской лексикографии. Он детально разобрал особенности и структуру этого труда, определил его место и значение среди арабских словарей. Это издание позволяет рассмотреть «Диван лугат ит-тюрк» в определенном историко-литературном контексте.

Изолированное изучение «Диван лугат ит-тюрк» приводило порою к ошибочным интерпретациям его текста, прежде всего отдельных мест предисловия и авторских отступлений. Советские тюркологи, посвятившие словарю Махмуда Кашгари ряд исследований³, практически не имели доступа к рукописям «Диван ал-адаб», так как в отечественных собраниях их нет. Лишь новейший английский перевод «Диван лугат ит-тюрк», первая часть которого вышла в 1982 году⁴, был выполнен с привлечением одной старинной рукописи «Диван-ал-адаб» (из Бодлеянской библиотеки), что немало способствовало большей точности и достоверности этого перевода. Сравнение обоих памятников позволило Р. Данкофу удачно раскрыть во «Введении» к переводу (стр. 31—40) структуру словаря Махмуда Кашгари.

Действительно, «Диван ал-адаб» дает ключ к верному пониманию «Диван лугат ит-тюрк», составленного лет на сто тридцать позднее, ибо

Махмуд Кашгари во всем следовал Абу Ибрахиму Исхаку ал-Фараби как в структуре словаря и предисловия, так и в терминологии и способе подачи лексического материала.

Довольно обширное предисловие ал-Фараби занимает в издании двадцать три страницы (т. I, стр. 70—92). Воздав хвалу богу и его пророку Мухаммаду, автор воздает должное и арабскому языку, подчеркивая его отличительные свойства и достоинства, указывает, что ему посвящены «многочисленные книги» и далее пишет: «Я создал с помощью Аллаха всевышнего... для шейха Абū-л-Хасана Ахмада ибн Мансūra... и для всех мусульман книгу, над которой я работал словно влюбленный, всегда стремящийся к предмету своей любви. Никто до меня такой книги не составлял и способ ее упорядочения придуман мной, бесспорно, впервые. Я включил в нее то, что употребимо в этом языке и упоминается выдающимися учеными-адибами в их книгах; то, что согласуется с приведенными мной примерами и указанными мной схемами [словообразования. — А. Х.]; то, что встречается в Коране или бытует в сунне, хадисе, стихе, экспромте, мудром изречении, рифмованной прозе, пословице или притче» (стр. 72). Разъяснив далее, что он понимает под каждым из перечисленных видов литературно-языкового материала, автор переходит к главному — принципам построения словаря.

Предисловие Махмуда Кашгари состоит, в сущности, из тех же элементов; разница в том, что автор восхваляет, в соответствии с поставленной им задачей, тюрков и их язык, заявляет о посвящении своего труда халифу ал-Муктади. Если ал-Фараби подчеркивает традиционность использованной им лексики, то Махмуд Кашгари говорит о своих путешествиях, о сборе «полевого» материала и хорошем его знании, и лишь бегло упоминает, что он «украсил» свой словарь «мудрым изречением, рифмованной прозой, пословицей, стихом, экспромтом или [обычной] прозой». В предисловии также изложены принципы организации лексического материала, структуры словаря. В связи с этим Махмуд Кашгари затрагивает, подобно ал-Фараби, вопросы морфологии и словообразования, учтенной им и опущенной лексики, вводя аналогичные подзаголовки, начинающиеся фразой «Речь о...» (al-qawl fi). Дополнительно, по сравнению с «Диван ал-адаб», Махмуд Кашгари пишет о тюркском, то есть уйгурском, письме, о расселении тюркских народов и племен, о различиях между их говорами.

Оба автора решительно заявляют о своем приоритете и об оригинальности своих трудов почти в одних и тех же выражениях. Каждый из них имел на то полное право: у Исхака ал-Фараби оригинальна система расположения лексики, отличная от систем других арабских лексикографов, у Махмуда Кашгари оригинален лексический материал, ибо он не имел предшественников в составлении тюркского словаря и в описании тюркской грамматики. Кроме того, он приспособил систему ал-Фараби к словарю языка иного строя, внеся в нее ряд корректив и дополнений.

С целью установить для каждого слова «наиболее подходящее место» и облегчить читателю его поиск (стр. 74) ал-Фараби применил метод, сочетающий ряд принципов группировки и упорядочения слов.

Во главу угла он поставил деление трехсогласных арабских корней на «здоровые» (sālim), или правильные, от которых образуются стандартные словоформы, и на пять типов «слабых», или неправильных корней, от которых образуются словоформы с теми или иными отклонениями от стандартных схем: удвоенные (где вторая и третья корневые совпадают), подобные правильным (со слабой первой согласной *ш* или *у*), пустые (со второй *ш* или *у*), недостаточные (с третьей *ш* или *у*)

и хамзовые (с гортанной * в любой позиции). Соответственно он разделил свой труд на шесть «книг», каждая из которых охватывает слова, образованные от одного из типов корней. Корни двубуквенные уподобляются, как обычно у арабских филологов, трехбуквенным, а четырех- и пятибуквенные рассматриваются после трехбуквенных, число которых абсолютно преобладает. Естественно, что при таком делении «книги» сильно различаются по объему: первая занимает более половины словаря, остальным отведено значительно меньше места. Следует отметить, что корни правильные, удвоенные, подобные правильным и хамзовые ал-Фараби обозначил общепотребительными терминами *sālim*, *mudā'af*, *mitāl* и *hamz*, а корни пустые и недостаточные — старыми терминами грамматиков куфийской школы *dawāt at-talāta* и *dawat al-'arba'a*, вместо обычных *'aḡwaf* и *nāqis*.

Махмуд Кашгари писал, что арабский и тюркский языки «подобны двум бегущим вровень скакунам», то есть близки или сопоставимы по грамматическому строю⁵, и принял аналогичный способ деления словаря, назвав его «книги» теми же терминами. Для этого ему пришлось определять по буквенному составу тюркских слов, переданных при помощи арабского алфавита, какие из них следует отнести к тому или иному типу, включить в ту или иную книгу. Однако полностью выдержать систему ал-Фараби ему не удалось, книгу хамзовых он переставил на первое место и добавил две новые книги. В седьмую книгу он выделил слова «назализованные», в состав которых входят специфически тюркский звук *ŋ*, на письме передаваемый двумя буквами (*ng*), и звуко-сочетание *nč*, в восьмую — слова со скоплением двух (неогласованных, практически трех) согласных, также в арабском языке не встречающиеся. Перемещение книги хамзовых в начало словаря Махмуд Кашгари мотивировал тем, что «усмотрел доброе предзнаменование в книге божьей», намекая, вероятно, на слово *qur'ān*. Можно предположить, что действительная причина была иной: хамзы как таковой в тюркском нет вообще и «хамзовыми» автор словаря считал лишь слова с начальным алифом, а буквой алиф передаются все тюркские гласные в начале слова; при богатом тюркском вокализме число таких слов в языке велико, поэтому первоочередное их рассмотрение облегчало работу над остальными частями словаря.

Каждую книгу своего словаря ал-Фараби делит на две «части», или половины (*ṣaṭr*), рассматривая в первой имена, во второй глаголы. Таким же образом поступает и Махмуд Кашгари («части» у него в предисловии называются *ṣaḡīh*, в тексте иногда *kitāb*).

Третий принцип деления лексики у ал-Фараби основан на упоминавшейся особенности корневого строя арабского языка: в нем есть целые группы словоформ, сходно образованных от стандартных корней, что позволяет представить такие группы в виде абстрактных схем (*bī-pā'*), или моделей; этим давно пользовались арабские грамматики и лексикографы. Символом стандартного корня они избрали реальный корень F'L; формами от него, реальными или искусственными, обозначали схемы; буквами F(*фа'*), *(*айн*) и L(*лам*) — первую, вторую и третью корневые согласные. Этих условных обозначений придерживается и ал-Фараби. Именные и глагольные части книг он делит на «главы» (*bāb*) по схемам, названием главы служит форма от F'L, сопровождаемая пояснением. Располагаются схемы в порядке усложнения: простейшей исходной для имен служит *Fa'Lu*, для глаголов — *Fa'aLa*, при замене условных корневых порядковыми цифрами эти формы приобретут вид *1a23u* и *1a2a3a*. Единообразие размещения схем⁶ в обеих частях всех книг регулируется набором правил. Для схем, получаемых

от корней посредством одних лишь кратких гласных, прежде всего принимаются во внимание гласные при первой корневой в порядке *a* и *i*, при следующих буквах — сначала безгласие, а затем уже гласные в том же порядке. В схемах, образуемых модификациями корня за счет морфов, передаваемых на письме буквами, последние отсчитываются от начала слова: перед первой корневой (типа *ma12a3un*, *'i12a3un*), «утяжеление» (геминация) второй корневой (*1i22a3un*, *1a22a3a*), между первой и второй корневыми (*1a2i3un*), между второй и третьей корневыми (*1a2ā3un*), после третьей (*1i2i33un*) и т. д. В части глаголов появляются свои вариации: после форм от чистого трехслогового корня, префигированных и с геминацией второй корневой, рассматриваются формы с безгласным началом, которое облегчено соединительным (васловым) алифом (VII, VIII, X породы), комбинированная форма с префиксом и геминацией второй корневой (V порода), комбинированная форма с префиксом и удлинением гласной между первой и второй корневыми (VI порода), формы с геминацией третьей корневой (IX и XI породы), четырехбуквенные и подобные им.

Махмуд Кашгари также делит именные и глагольные части книг словаря на «главы» по схемам, или моделям, условной мерой которых служат формы от F'L. Располагаются эти схемы от простых к сложным в том же порядке, что и у ал-Фараби. Однако тюркские корни более разнообразны по звуковому и буквенному составу, нежели арабские, агглютинация дает другие пропорции слов по количеству их букв; поэтому Махмуд Кашгари начинает с глав, посвященных двубуквенным именам и глаголам, которые не моделирует по схемам. Сами же схемы у него приобретают усеченный вид в соответствии с тюркскими словоформами и походят на арабские паузальные формы. Он объединяет нередко по несколько схем в одну главу и вводит новые схемы для слов шести- и семибуквенных (Fa'aL'an, Fa'Landi, Fa'aLlu и т. п.). В связи с необходимостью показать особенности тюркского словообразования в сравнении с арабским и предварительно объяснить вводимые им схемы Махмуд Кашгари обсуждает в своем предисловии морфологические значения букв *ʾ* (алиф), *t*, *s*, *š*, *q*, *k*, *l*, *n*, *y* и диграфа *lā* (ламалиф). Восьмая книга стоит особняком, в ней Махмуд Кашгари снова отступает от расположения слов по арабским схемам; она делится на главы, каждая из которых соответствует одной из предшествующих книг и подразделяется на имена и глаголы.

Следующий этап деления не затрагивает основного массива арабской лексики, сосредоточенной в книгах 1—2 «Диван ал-адаб». Главы книг 3—6, посвященных корням со слабыми согласными, дробятся далее на варианты схем и получают соответствующие подзаголовки. Принцип дифференциации тот же, что на первом этапе — в зависимости от состава корня (конечно, без учета согласной, по которой названа данная книга). Например, в книге подобных правильным (с начальными *w* или *y*) после схем со второй и третьей правильными рассматриваются схемы со второй и третьей одинаковыми (геминированные), со второй слабой (пустые), с третьей слабой (недостаточные); но корни с хамзой не рассматриваются, они оставлены для книги шестой. Последняя делится лишь на три главы: с начальной хамзой, с серединной и с конечной; расположение схем внутри них также зависит от последующих корневых — нехамзовых.

Такое же деление глав на более мелкие рубрики мы находим в «Диван лугат ит-тюрк» уже в первой книге, так как все слова в ней начинаются со слабой буквы — алифа. Подзаголовки встречаются чаще,

поскольку Махмуд Кашгари и здесь отдельно учитывает группы слов, содержащих *ng* и *ñ* или скопления согласных (более двух). Книгу правильных (вторую) это деление также не затрагивает.

Наконец, дойдя до конкретных словарных единиц, разнокоренных слов, образованных по одной и той же схеме, ал-Фараби располагает их в алфавитном порядке. Место слова в алфавитном ряду определяется по корневым согласным, сначала по последней, а затем уже по первой, второй и т. д. (312, 4123, 51234). При этом во внимание принимаются только «здоровые» (правильные) консонанты и исключаются слабые *ш* *у* *'* *7*.

Конкретные словоформы, образованные по одинаковым или похожим схемам, Махмуд Кашгари размещает в алфавитном порядке, интерпретированном, как у ал-Фараби «рифмно», то есть согласные следуют: 312, 4123, 51234, 612345. Очевидно, этот этап деления лексики объясняет почему Махмуд Кашгари характеризовал в предисловии свой словарь как «алфавитный».

Таким образом, если рассматривать изложенное в обратной последовательности, организация лексики в словарях Исаака ал-Фараби и Махмуда ал-Кашгари⁸ выглядит так: первичную группу слов образуют либо разнокоренные арабские слова одинаковой формы, либо тюркские слова с равным числом букв и нередко морфологически идентичные; к группе может быть приравнено единичное слово. Несколько таких групп входят в одну главу. Ряд глав составляет именную и глагольные части. Из попарных частей складываются шесть или восемь книг словаря⁹. Поскольку принципы группировки лексики разнопорядковы, формально-алфавитный и грамматический (по сложности схем словообразования, по принадлежности слов к классу имен и глаголов, по качеству и количеству согласных), а оба автора озабочены тем, чтобы соблюсти принятую систему без нарушений, они часто делают фонетико-орфографические и морфологические экскурсы для обоснования частных моментов расположения конкретных слов или групп слов. Их труды носят характер не только лексикографический, но и отчасти грамматический.

Той же проблеме, объяснению и обоснованию структуры словаря, оба автора посвятили значительную часть своих предисловий. При этом ал-Фараби учитывает (но редко упоминает) труды более ранних арабских филологов, а Махмуд Кашгари все время проводит сравнение с «Диван ал-адаб», не называя этот памятник, и смысл многих его выражений становится понятным лишь при текстуальном сличении.

Важное значение для обоих авторов имеет трактовка слабых согласных *ш*, *у* и *'*. В арабском они выполняют и вторую функцию — передают долготу предыдущего гласного звука; в роли согласного они могут быть корневыми или входить в состав морфем и часто подвержены комбинаторным изменениям (переходят друг в друга или исчезают). Особенно сложно произношение и правописание хамзы, распадающейся на два графических знака — хамзу и алиф. Исаак ал-Фараби имел возможность опереться на теоретиков арабской грамматики, а Махмуду ал-Кашгари многие вопросы приходилось решать самому. Поэтому в его книге проявляются колебания и непоследовательность в истолковании слабых согласных: считать ли их входящими в состав корня (слова) или добавочными морфемными элементами; отсюда непоследовательность в отношении слов с этими согласными к «книгам» и «главам» словаря (ряд случаев разбирает Р. Данкоф во «Введении», стр. 33—40). Отдельные повторы и отступления от системы у обоих авторов связаны с некоторым недоумом, неизбежным в рукописных памятниках.

Название «Диван лугат ит-тюрк» следует, на наш взгляд, понимать как «Свод тюркских слов (тюркской лексики)», а не «Словарь тюркских языков (диалектов, наречий)». Р. Данкоф ошибается, когда полагает, что множественное число *luġāt* здесь означает «языки (диалекты)». Для обозначения этого понятия Махмуд Кашгари пользуется в предисловии термином *'alsinat* — множественным числом от *lisān*. Указания на диалектные варианты слов и особенности их произношения были обычными в арабских словарях, хотя их составители стремились к систематическому описанию одного лишь литературного языка. Так же поступил и Махмуд Кашгари.

Сравнительное изучение «Диван лугат ит-тюрк» позволяет уточнить сложившиеся представления о том, как он был задуман и выполнен. Этот ценнейший памятник тюркской лексикографии предстоит издать на русском и других языках народов СССР, к нему еще не раз будут обращаться тюркологи. Разумеется, перевод и истолкование теоретических положений Махмуда Кашгари непременно должны быть сопоставлены с текстом словаря Исхака ал-Фараби. При этом недостаточно знать словарное и даже специальное терминологическое значение арабских слов, важно уяснить их смысл в контексте самой системы ал-Фараби. Кроме того, термины и фразы, буквально совпадающие у обоих авторов, могут не в полном объеме совпадать по содержанию; применяя их к описанию тюркского языка, Махмуд Кашгари вольно или невольно вкладывает в них дополнительный оттенок смысла. Несколько иным должен быть подход к тюркской лексике и ее арабским эквивалентам в словаре. Здесь Махмуд Кашгари полностью самостоятелен и имеет приоритет в информации.

Вопрос о том, в какой мере использование арабской грамматико-лексикографической терминологии и готовой системы аранжировки слов повлияло на трактовку тюркской грамматики и лексики, выходит за рамки настоящей статьи. Это предмет отдельной работы.

¹ G. Bergsträsser. Das Vorbild von Kašġari's diwan Luġat at-turk. — «Orientalistische Literaturzeitung», Jg. 24, Leipzig, 1921, стр. 154—155.

² «Диван ал-адаб. Та'лиф Аби Ибрахим Исхак ибн Ибрахим ал-Фараби ал-мутаваффа 'ам 350 хиджрийа». Тахкик дуктур Ахмад Мухтар 'Умар, мураджа'ат дуктур Ибрахим Анис. Дж. 1—4, ал-Кахира, 1974—1979 (Маджма' ал-луга ал-'арабийя). Ниже следуют ссылки на первую часть этого издания.

³ Обзор этих работ дан А. Н. Кононовым. См.: «Советская тюркология», 1973, № 1, стр. 3—9.

⁴ Mahmud al-Kašġari. Compendium of the Turkic dialects (Diwan Luġāt at-Turk). Ed. and transl. with Introduction and Indices by Robert Dankoff in collaboration with James Kelly. Part I. Harvard University Printing Office, 1982 (Sources of Oriental Languages and Literatures 7. Ed. by Şinasi Tekin, Gönül Alpay Tekin. Turkish sources VII).

⁵ Махмуд Кашгари считал в принципе осуществимым составление тюркского словаря по методу ал-Халила путем перебора всех возможных сочетаний трех согласных в тюркских словах, как в арабских корнях, и установить, какие из них реально существуют в языке, «употребительны», и какие не реализованы. На двух примерах ('rġ и 'zq) он даже продемонстрировал это, но отказался от применения этого метода, сочтя его громоздким.

⁶ В первой книге их для имен свыше 280, для глаголов — 32.

⁷ Это и есть порядок, принятый Абу Насром Исма'илом ал-Фараби ал-Джавхари, племянником и учеником Исхака ал-Фараби, в его словаре «ас-Сихах». Разница в том, что ал-Джавхари принял этот порядок за единственный и не делал исключения *ш у ' .* У него впоследствии было много последователей.

⁸ Так дана нисба автора на титульном листе уникальной рукописи «Диван лугат ит-тюрк». Р. Данкоф справедливо полагает («Введение», стр. 5), что по месту своего происхождения он должен был носить нисбу ал-Барсхан.

⁹ Р. Данкоф утверждает («Введение», стр. 32), правда, с оговоркой «насколько известно», что эта система никем, кроме Исхака ал-Фараби и Махмуда ал-Кашгари, не была использована в арабской, персидской и тюркской лексикографии. Однако Ахмад Мухтар 'Умар показал (I, стр. 52—53), что в XI—XII веках по этой системе были составлены два арабских и два персидских словаря.

У. Д. ДОСПАНОВ

О СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ КАРАКАЛПАКСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Каракалпакский язык, можно сказать, остался вне поля зрения первых русских исследователей, обратившихся к изучению отдельных тюркских языков (чувашского, якутского, алтайского, тувинского, татарского). В крупнейших тюркских словарях XIX века, составленных известными русскими ориенталистами Л. З. Будаговым и В. В. Радловым [1], материал по каракалпакскому языку представлен минимально.

Каракалпакское языкознание начало развиваться только после Великой Октябрьской социалистической революции. Первые научные работы в области каракалпакской лексикографии связаны с именами С. Е. Малова, Е. Д. Поливанова, Н. А. Баскакова, А. А. Соколова и других, а также с открытием в 1931 году Комплексного научно-исследовательского института Каракалпакской АССР, в составе которого была организована этнолого-лингвистическая секция. В ее задачу, кроме разработки узловых вопросов каракалпакского литературного языка, входило также составление терминологических словарей по отдельным отраслям знаний.

Решение насущных проблем каракалпакской лингвистики потребовало детального изучения народного разговорного языка. С 1930 года началось собирание диалектных материалов и выявление лексических, фонетических и грамматических особенностей каракалпакского языка северных и южных регионов Каракалпакии. Одновременно был организован ряд научных экспедиций в северные районы Каракалпакии (Чимбайский, Кегейлийский и Тахтакупырский), по материалам которых С. Е. Малов написал работу «Заметки о каракалпакском языке» [2], опубликованную много позднее (1966). Краткое содержание этой работы было изложено в статье «Каракалпакский язык и его изучение», напечатанной в сборнике «Каракалпакия» [3, стр. 200—207].

Работа С. Е. Малова, кроме тщательного анализа лексических, фонетических и морфологических особенностей каракалпакского языка, содержит ценные материалы по историко-лингвистическим связям каракалпакского языка со средневековыми печенежским и кыпчакским, а также современным ногайским языками. С. Е. Маловым были проанализированы отличительные особенности каракалпакского языка в сравнении с узбекским и казахским, дан ряд рекомендаций практического характера для дальнейшего усовершенствования алфавита и орфографии каракалпакского литературного языка [4, стр. 24].

В 1933 году в Ленинграде состоялась Первая научная конференция, посвященная развитию производительных сил Каракалпакской АССР. В ее работе активное участие приняли А. К. Боровков, Н. А. Баскаков,

К. Убайдуллаев, доложившие участникам конференции о мерах принимаемых в целях дальнейшего изучения каракалпакского литературного языка и совершенствования его алфавита и орфографии.

Работа С. Е. Малова «Заметки о каракалпакском языке», к которому прилагался глоссарий, содержащий около трехсот каракалпакских слов, в достаточной мере отражал специфику каракалпакского языка тридцатых годов и мог послужить образцом для создания более полных словарей.

Развитие науки, культуры и экономики республики, расширение функций литературного языка в первую очередь потребовали создания терминологии. Поэтому, естественно, самыми первыми лексикографическими работами по каракалпакскому языку, появившимися в 30-х годах, были различные терминологические словари. В их подготовке принимали участие научные сотрудники Комплексного НИИ Каракалпакской АССР и преподаватели Каракалпакского госпединститута. Необходимость в этих словарях была настолько велика, что они по мере готовности частями публиковались в республиканских газетах и выходили отдельными изданиями. В этот период вышли в свет «Русско-каракалпакский словарь терминов делопроизводства» [5], терминологические словари по физике [6], математике [7], ботанике [8] и зоологии [9].

В 1940 году впервые появился Краткий русско-каракалпакский словарь грамматических терминов [10, стр. 107—110], который по настоящее время остается единственным словарем такого рода.

Введение латинского алфавита способствовало распространению грамотности среди населения. Когда возникла необходимость в переводе каракалпакской письменности на алфавит, созданный на основе русской графики, научным центром в организации этой работы стал Каракалпакский НИИ языка и литературы. Научными сотрудниками этого института К. Убайдуллаевым, К. Аимбетовым, Н. Давкараевым были разработаны алфавит и орфография каракалпакского литературного языка на основе русской графики, утвержденные 18 июля 1940 года Президиумом Верховного Совета Каракалпакской АССР. В конце декабря того же года Каракалпакским государственным издательством были опубликованы новый алфавит и «Свод орфографических правил каракалпакского языка» [4, стр. 31].

К указанному Своду в виде приложения был дан «Краткий орфографический словарь каракалпакского языка» [11, стр. 28—118]. В период Великой Отечественной войны (1941 г.) этот Словарь вышел отдельным изданием [12].

Появление «Краткого орфографического словаря» отвечало практическим целям обучения родному языку школьников республики, способствовало становлению твердых норм литературного языка и дальнейшему развитию каракалпакского языкознания.

В годы Великой Отечественной войны был издан и первый двуязычный «Русско-каракалпакский словарь», предназначенный для воинов-каракалпакцев, призванных в ряды Советской Армии [13].

Этот словарь сыграл большую роль в создании последующих русско-каракалпакских словарей, а также в установлении норм каракалпакского литературного языка.

Состоявшаяся 9—12 октября 1945 года в Нукусе первая выездная сессия Академии наук Узбекской ССР в Каракалпакии, подвела итоги работы по изучению истории, языка, литературы, фольклора и этнографии каракалпакцев и наметила конкретные задачи в этой области.

На сессии был заслушан доклад С. Бекназарова, посвященный вопросам составления русско-каракалпакского и каракалпакско-русского словарей, а также терминологических и орфографических словарей каракалпакского языка. Были намечены задачи по широкому развертыванию работы, связанной с изучением вопросов грамматики, истории и диалектологии каракалпакского языка, по историко-сравнительному изучению каракалпакского языка в аспекте взаимоотношений с древними и территориально-смежными тюркскими языками, а также с русским языком [14, стр. 32—35].

К этому времени возникла острая необходимость в создании полного «Русско-каракалпакского словаря».

Научными сотрудниками НИИ языка, литературы и истории при Совете Министров Каракалпакской АССР был составлен и подготовлен к печати «Русско-каракалпакский словарь» под общей редакцией Н. А. Баскакова, содержащий 30 тысяч слов [15].

В основу его русской части был положен русский словник, составленный для русско-национальных словарей под редакцией Д. Н. Ушакова и С. И. Ожегова.

Издание первого «Русско-каракалпакского словаря» явилось значительным событием в культурной жизни Советской Каракалпакии и сыграло определенную роль в дальнейшем совершенствовании и нормировании каракалпакского литературного языка. Необходимо при этом отметить особое значение русского языка, обогатившего каракалпакскую лексику новыми словами и терминами во всех областях знания [15, стр. 5].

После известной дискуссии 1950 года началось планомерное и углубленное научное изучение отдельных вопросов каракалпакского языка. Возникли отдельные разделы каракалпакского языкознания — история языка и письменности, лексикография и лексикология, фонетика, грамматика, диалектология и др.

Первый вариант каракалпакского алфавита на основе русской графики, принятый в 1940 году, существовал без изменения до 1960 года и сыграл большую роль в подъеме общей культуры и грамотности каракалпакского народа, однако он имел ряд существенных недостатков, связанных с передачей специфических гласных звуков каракалпакского языка — *ə*, *ө*, *у*, а также с отсутствием знака для обозначения губно-губного проточного согласного *ğ* (*ш*).

В сентябре 1954 года в Нукусе состоялась научно-теоретическая конференция по вопросам каракалпакского языкознания и литературоведения, организованная Каракалпакским НИИ экономики и культуры Академии наук Узбекской ССР при участии специалистов-тюркологов Москвы, Ташкента, Фрунзе и представителей научной общественности республики. Решением конференции был принят новый вариант алфавита и орфографии каракалпакского языка, официально утвержденный 28 февраля 1957 года Указом Президиума Верховного Совета Каракалпакской АССР, по которому в состав алфавита дополнительно вводились буквы *ə*, *ө*, *у*, *ğ*, *ң*, обозначающие специфические звуки.

Нынешний каракалпакский алфавит выгодно отличается от прежнего простотой и точностью передачи фонемного состава языка [4, стр. 35—38].

В настоящее время актуальной задачей каракалпакского языкознания является переход от описательных методов изучения языка к глубоким теоретическим и историческим разработкам.

Общеизвестны огромные достижения в развитии тюркской лекси-

кографии в советский период, прошедшей сложный путь: от создания школьных словарей до больших многотомных толковых и энциклопедических словарей. Значительно обогатились типы и разновидности словарей как двуязычных (преимущественно тюркско-русских и русско-тюркских), так и одноязычных и многоязычных. Большие успехи достигнуты в области составления фразеологических и терминологических словарей. В последние десятилетия появилась новая отрасль тюркской лексикографии — словари языка отдельных видных писателей, отражающие лексическое богатство произведений основоположников тюркских литературных языков [16, стр. 11].

В настоящее время прикладная лексикография добилась определенных успехов в деле создания самых разнообразных словарей. И все же разработка научно-теоретических проблем лексикографии заметно отстает от вопросов практики [17, стр. 5]. Мы располагаем в этой области лишь некоторыми теоретическими статьями и работами, к числу которых следует отнести исследование А. А. Оруджева [18], в котором рассмотрены теоретические вопросы создания толкового словаря азербайджанского языка, и монографию А. А. Юлдашева [19], посвященную разработке теоретических принципов создания тюркско-русских словарей. Следует отметить, что обе эти работы явились весомым вкладом в теорию тюркской лексикографии. Определенная работа в этой области была проделана и каракалпакскими лексикографами [20].

Лексикографическая обработка и систематизация материалов каракалпакского языка проводилась также в связи с подготовкой русско-каракалпакского, школьного русско-каракалпакского, а также английско-каракалпакского и каракалпакско-английского словарей [21].

Актуальные вопросы лексикологии и лексикографии каракалпакского языка широко освещались в ряде статей и кандидатских диссертаций [22]. Однако у нас еще мало разработок, связанных со всесторонним исследованием методики и принципов создания словарей в целях повышения их научно-практической значимости.

Накопленный за последние годы опыт позволил каракалпакским лексикографам разработать ряд словарей лингвистического направления [23]. Следует отметить также создание диалектологического словаря каракалпакского языка, который способствовал дальнейшему обогащению лексики современного каракалпакского литературного языка и решению некоторых насущных проблем истории родного языка. Он оказал большую помощь и составителям «Толкового словаря современного каракалпакского языка» в четырех томах.

Собирание материалов для диалектологического словаря и их систематизация способствовали углубленному изучению диалектной лексики каракалпакского языка и выяснению значений некоторых слов, имеющих непосредственное отношение к антропонимии, топонимике, этническим названиям и др.

В труде Н. А. Баскакова «Каракалпакский язык» [24] материалы северного (по классификации Н. А. Баскакова — северо-восточного) и южного (по классификации Н. А. Баскакова — юго-западного) диалектов каракалпакского языка представлены в виде диалектологического словаря, имеющего следующую структуру: сперва помещены слова с местными языковыми особенностями, с переводом на русский язык, затем следует порядковая нумерация информаторов (1, 5, 8 и т. д.). Диалектные данные в необходимых случаях сопоставляются с фактами родственных тюркских языков и с памятниками древнетюркской письменности. Специально оговариваются арабо-персидские (иранские) заимствования и др. Этот труд представляет собой важный шаг к под-

готовке полного диалектологического словаря каракалпакского языка. Он способствовал сбору диалектологических материалов и выработке принципов составления диалектологического словаря, а также фронтальной проверке многочисленных языковых фактов устной разговорной речи.

Сбор материалов для диалектологического словаря каракалпакского языка был начат с конца 1959 года, то есть с момента организации сектора (а с 1978 года — отдела) истории и диалектологии каракалпакского языка в составе Института истории, языка и литературы им. Н. Давкараева Каракалпакского филиала Академии наук Узбекской ССР. Начав с составления диалектологического словаря отдельного региона [25], научные сотрудники отдела перешли к составлению Краткого [26] и Большого [27] диалектологических словарей каракалпакского языка.

В решении таких важных вопросов, как принципы составления диалектологического словаря, расположения реестровых слов, омонимов, дублетных вариантов и диалектных слов-заимствований из других языков, подбор иллюстративных примеров для реестровых слов, употребление диалектизмов, встречающихся в периодической печати, художественной литературе, фольклоре и т. д., большую помощь составителям оказали соответствующие словари братских тюркоязычных народов.

В основу «Диалектологического словаря каракалпакского языка» [28], охватывающего около 6000 диалектных слов, легли труды русских ученых-диалектологов, разработавших принципы составления и структуру диалектологических словарей, а также обобщивших опыт подготовки аналогичных словарей других тюркских языков.

В последние годы совместными усилиями большого коллектива сотрудников отдела словарей и терминологии ИИЯЛ им. Н. Давкараева Каракалпакского филиала Академии наук Узбекской ССР впервые в истории каракалпакской лексикографии был завершен «Толковый словарь каракалпакского языка» (в четырех томах) [29]. Он охватывает активную лексику современного каракалпакского литературного языка. В нем широко представлены интернационализмы и термины, заимствованные каракалпакским языком из русского или через его посредство из других индоевропейских языков; большое место отведено словам, характерным для отдельных профессий, сельскохозяйственной терминологии и т. д. Коллектив авторов затратил много усилий, чтобы подготовить этот труд на уровне современных требований лексикографии с учетом опыта ученых братских тюркоязычных республик и прежде всего русских лексикографов. В качестве вспомогательного материала в словаре богато представлены фразеологические выражения, идиоматика, пословицы и поговорки, материалы художественной литературы, фольклора, периодической печати и т. д.

После завершения «Толкового словаря каракалпакского языка» лексикографы республики приступили к созданию «Фразеологического словаря каракалпакского языка» (1976—1980 гг.). Основой для этой работы послужили отдельные статьи, посвященные каракалпакской фразеологии и передаче фразеологических единиц в «Каракалпакско-русском словаре» [30].

«Фразеологический словарь каракалпакского языка» включает наиболее употребительные, устойчивые фразеологические словосочетания, идиоматические выражения, крылатые слова из каракалпакской художественной литературы, устного народного творчества и разговорной речи. Этот словарь рассчитан как на филологов и работников печат-

ти, так и на широкий круг читателей. В настоящее время словарь готовится к печати.

На ближайшие годы запланировано создание «Большого каракалпакско-русского словаря». В него будет включено свыше 50 тысяч слов, активно функционирующих в лексическом составе каракалпакского литературного языка.

Почти за четверть века со времени создания первого «Каракалпакско-русского словаря» под редакцией Н. А. Баскакова в социально-экономической и культурной жизни республики произошли разительные перемены. Возникли новые лексические пласты языка, связанные с появлением новых понятий и развитием терминологии во всех областях науки, техники, сельского хозяйства, экономики и культуры современной Каракалпакнии.

Лексикографами республики проведена соответствующая научная подготовительная работа для создания нового Каракалпакско-русского словаря и разработана инструкция по его составлению.

Соответственно опыту создания подобных словарей, основу его составит «Толковый словарь каракалпакского языка». Однако, в него не будет включена пассивная часть лексики современного каракалпакского языка (устаревшая, диалектальная и т. п.). Будут указаны основные нормы словоупотребления в литературном языке. По объему этот словарь превзойдет ранее изданные каракалпакско-русские словари. В последующем его материалы будут использованы для составления нового «Русско-каракалпакского словаря».

Материалы, собранные для двуязычных каракалпакско-русского и русско-каракалпакского словарей, дадут много ценных фактов и для терминологических словарей, издание которых в настоящее время является крайне актуальным. Каракалпакским лексикографам предстоит также создание новых орфографических, орфоэпических, синонимических, диалектологических и других словарей.

Для успешного выполнения этой задачи каракалпакским лексикографам предстоит создать в ближайшие годы фундаментальные труды, посвященные теоретическим проблемам лексикографии каракалпакского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Л. З. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. СПб., 1869, т. I; 1871, т. 2; В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1893—1911, т. I—IV.
2. С. Е. Малов. Заметки о каракалпакском языке. Нукус, 1966.
3. Сб.: «Каракалпакия», т. II, Л., 1934.
4. Д. С. Насыров. Становление каракалпакского общенародного разговорного языка и его диалектная система. Нукус—Казань, 1976.
5. Қ. Әйімбетов. Русша-каракалпакша ис жүргизиў атамалары сөзлиги. — Газ. «Қызыл Қаракалпақстан», 1934, июнь, июль, август.
6. С. Б. Булатов. Физика бойынша терминлердиң русша-каракалпакша сөзлиги. Ташкент, 1939, 54 стр.
7. О. Бөлешов, ҳәм Ә. Канеев. Математикалық терминлердиң русша-каракалпакша сөзлиги. Төрткүл, 1939, 178 стр.
8. Ш. Балтабаев. Ботаника бойынша русша-каракалпакша терминологиялық сөзлик. Төрткүл, 1941, 76 стр.
9. Ә. Канеев. Зоология бойынша русша-каракалпакша терминологиялық сөзлик. Төрткүл, 1941, 80 стр.
10. А. Қыдырбаев. Грамматикалық терминлердиң қысқаша русша-каракалпакша сөзлиги. — В кн.: А. Қыдырбаев. Каракалпак тилиниң грамматикасы. I-бөлим. Фонетика ҳәм морфология (5—6 — класслар ушын), Москва—Төрткүл, 1940.
11. С. Байков, Д. Абдалова. Қысқаша орфографиялық сөзлик. — В кн.: «Каракалпак әдебий тилиниң алфавити ҳәм орфографиясы», Төрткүл, 1940.

12. С. Байков, Д. Абдалова. Қарақалпақ тилинің қысқаша орфографиялық сөзлігі. Төрткүл, 1941, 142 стр.
13. «Русша-каракалпақша сөзлік (әскерий хызметке шақырылушылар үшін)». Нөкис, 1944, 261 стр.
14. «Бюллетень Академии наук Узбекской ССР». Ташкент, 1945, № 9—10.
15. «Русско-каракалпакский словарь» (составители Н. А. Баскаков, С. Б. Бекназаров, У. Н. Кожуров). М., 1947, 831 стр.
16. «Итоги, проблемы и задачи тюркского языкознания». — «Советская тюркология», 1982, № 6.
17. Ш. Ш. Сарыбаев. Проблемы казахской региональной лексикографии. Автореф. докт. дисс., Алма-Ата, 1973.
18. А. А. Оруджев. Теоретические обоснования к «Толковому словарю азербайджанского языка». Автореф. докт. дисс., Баку, 1962.
19. А. А. Юлдашев. Принципы составления тюркско-русских словарей. М., 1972.
20. «Русско-каракалпакский словарь». М., 1947; И. Т. Сағыйтов. Русша-каракалпақша социал-экономикалық терминлердің қысқаша сөзлігі. Нөкис, 1954; Ә. Нурмаханова, С. Нийетуллаев. Қарақалпақ тилинің орфографиялық сөзлігі. Нөкис, 1959 и др.
21. «Русско-каракалпакский словарь», М., 1967; Т. С. Сафиев. Краткий русско-каракалпакский словарь. М., 1962; П. Курбаназаров, Т. Досанов. Английско-каракалпакский словарь. Нукус—Москва, 1968; Дж. Буранов, П. Курбаназаров. Каракалпакско-английский словарь. Нукус—Москва, 1970.
22. С. Т. Наурузбаева. Типы именных фразеологических единиц каракалпакского языка и их отражение в «Каракалпакско-русском словаре». Автореф. канд. дисс., М., 1967; М. Календеров. Синонимы в каракалпакском языке. Автореф. канд. дисс., Ташкент, 1970; Ш. Каримходжаев. Вопросы изучения терминов земледелия в каракалпакском языке. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1970; А. Турабаев. Лексикографическое оформление глагольных форм в тюркско-русских словарях. Автореф. канд. дисс., 1971; его же. Рус хәм каракалпақ лексикографиясынан қысқаша мағлұматлар.—«Қаракалпақ тили бойынша изертлеулер». Нөкис, 1971.
23. Д. С. Насыров, А. Бекбергенов, А. Жаримбетов. Русша-каракалпақша лингвистикалық терминлер сөзлігі. Нөкис, 1979, 230 стр.; «Қаракалпақ тилинің орфографиялық сөзлігі», Нөкис, 1980, 446 стр.; Е. Бердимуратов, Б. Қутлымуратов, Е. Кәриймоллаев. Орфографиялық сөзлік (улыұма билим беретугын мектеп оқыушылары үшін). Нөкис, 1980, 168 стр.
24. Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, т. I. Материалы по диалектологии (тексты и словарь). М., 1951.
25. О. Доспанов, Б. Бекетов. Қарақалпақ тили Мойнақ говорының диалектологиялық сөзлігі. Рукопись, 1962.
26. О. Доспанов, Б. Бекетов, Ш. Қаримхожаев. Қарақалпақ тилинің қысқаша диалектологиялық сөзлігі. Рукопись, 1969.
27. Д. С. Насыров, О. Доспанов. Қарақалпақ тилинің диалектологиялық сөзлігі. — Рукопись, 1975; О. Доспанов. Диалектологиялық сөзлік. — В его работе: «Қаракалпақ тили кубла диалектинин лексикасы», Нөкис, 1977.
28. Д. С. Насыров, О. Доспанов. Қарақалпақ тилинің диалектологиялық сөзлігі. Нөкис, 1983.
29. «Қаракалпақ тилинің түсіндірме сөзлігі», I том (А—В), Нөкис, 1982; II том (Г—Қ), Нөкис, 1984 (находится в производстве).
30. А. Бекбергенов. Фразеологиялық сөз дизбеклеріндегі санлықлар. — «Вестник Каракалпакского филиала АН Узбекской ССР», 1968, № 3; Ж. Ешбаев. Хәзирги каракалпақ тилиндеги фразеологиялық тиркеслерди классификация жасау мәселесине. — Там же, 1964, № 3; М. Қалендеров. Қарақалпақ тилиндеги идиомалық хәм фразеологиялық синонимлер. — Там же, 1969, № 2; А. Турабаев. Принципы отбора и расположения глагольной фразеологии в тюркско-русских словарях. — Там же, 1969, № 4; С. Т. Наурузбаева. Фразеологические единицы в «Каракалпакско-русском словаре». Ташкент, 1972, стр. 148 и др.

РЕЦЕНЗИИ

А. М. АЗНАБАЕВ, В. Ш. ПСЯНЧИН. ИСТОРИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА (УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ)

ИЗД-ВО БАШКИРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА им. 40-ЛЕТИЯ ОКТЯБРЯ,
УФА, 1983, 244 стр.

Данное учебное пособие дает сравнительно-историческое освещение развития аффиксальных морфем, выступающих в роли показателей грамматических категорий башкирского языка. В отличие от авторов подобных работ по другим тюркским языкам, А. М. Азнабаев и В. Ш. Псянчин руководствуются комплексом исследовательских приемов, позволяющих рассматривать проблемы грамматики с исторической точки зрения. Допуская развитие аффиксальных морфем из самостоятельных слов, авторы пособия учитывают и гипотезу фузионного развития тюркских аффиксов, предложенную А. Н. Кононовым. Кроме того ими используется методика установления развития аффиксов на основе категории определенности-неопределенности в тюркских языках, выдвинутая Дж. Г. Киекбаевым. Различные аспекты рассмотрения вопроса позволяют авторам весьма широко и свободно пользоваться сравнительным иллюстративным материалом, привлеченным из многих близко- и дальнеродственных языков. В пособии представлен фактический материал двадцати пяти языков и многочисленных диалектов, говоров и подговоров, а также языка письменных памятников.

Во «Введении» дан подробный обзор литературы, посвященной изучению истории развития форм грамматических категорий различных частей речи тюркских языков. Авторы отмечают, что в настоящее время в тюркологии утвердился в основном два направления истории образования и становления аффиксов в родственных языках. Согласно первому, более традиционному, направлению современные аффиксальные морфемы тюркских языков как словообразовательные, так и словоизменятельные развились из самостоятельных слов. По мнению сторонников второго, сравнительно нового направления, аффиксы типа *-lar* (множественное число), *-dan, -dän* (исходный падеж), *-rak, -räk* (сравнительная степень прилагательных) и многие другие образовались в результате фузионного сплава общеалтайских однофонемных элементов-

показателей. Допуская происхождение отдельных морфем из полнозначных слов и принимая идею появления аффиксов осложненного типа путем наращения однофонемных элементов по мере утраты словом грамматического значения (например, *-lar < -l + -a + -r*), авторы устанавливают следующий критерий, позволяющий судить о происхождении того или иного аффикса. Если однофонемные элементы, входящие в состав осложненного аффикса, не могут передавать грамматическое значение целого комплекса, то тогда данный аффикс восходит к полнозначному отдельному слову. Так, например, элемент *-r* аффикса *-rak, -räk*, по мнению авторов, ни в одном родственном языке не может функционально заменить комплексного аффикса *-rak, -räk*. В случаях же, когда отдельно взятый однофонемный элемент, или другая какая-то часть аффикса осложненного типа в отдельных языках и диалектах может функционально заменить целый комплекс, то есть все основания считать, что данный аффикс развивается фузионным путем. В подтверждение этого тезиса приводятся следующие убедительные факты прежде всего из башкирского языка: аффикс множественного числа *-лар, -лар* в говорах башкирского языка в значении собирательной (коллективной) множественности заменяется однофонемным элементом *-а, -ә; Фәрит-ә тонон гиткән шол Ысбирлау* (букв.) 'Фарит уехали ночью в Свердловск' или *Атайым-а, быуайым-а һуғышкандар анда* 'Там воевали мой отец и дядя'². Последний факт, в свою очередь, стал поводом для предположения о том, что гласные в составе сложных аффиксов выступают не только в роли соединительного звука, но и как показатель

¹ Н. Х. Максютова. Восточный диалект башкирского языка. М., 1976, стр. 175.

² Н. Х. Максютова. Лингвогеографическое изучение башкирского языка (диалектологический атлас) 1973—1983 г. Уфа, 1983, стр. 9—10.

грамматической категории определенности-неопределенности. На основании этого положения А. Азнабаев и В. Псянчин впервые в тюркологии высказывают мысль о том, что аффиксы тюркских языков имеют двойственную природу. Этому важному явлению посвящена разработка специальной подтемы «Грамматическая категория определенности — неопределенности и двойственная природа аффиксов в тюркских языках». Авторами выдвигается тезис: «В тюркских языках, в частности в башкирском, каждый аффикс, служащий показателем той или иной грамматической категории, характеризуется двойственной природой: кроме своей основной функции, он служит показателем определенности или неопределенности. Словообразовательные аффиксы, служащие для образования лексических единиц, не обладают ролью показателя определенности и неопределенности» (стр. 22). Согласно этому утверждению авторов, в слове *бала-м* аффикс принадлежности *-м* указывает, во-первых, на обладателя предмета («мой ребенок»), во-вторых, — на определенность предмета, то есть аффикс винительного падежа в слове *бала-ны* не только указывает на падежную форму этого слова, но одновременно подчеркивает определенность обозначенного предмета. Эти положения, являются принципиально новыми.

Книга состоит из восьми глав. В первой главе подробно исследуется история аффикса множественного числа *-лар* (с фонетическими вариантами), *-з*, *-к* (*-к*). Выделяются два вида множественного числа, выражающих: 1) индивидуальное множество; 2) коллективное или групповое множество. В первом случае имеются в виду такие аффиксальные формы, как *ат-тар* 'кони', *кеше-лэр* 'люди', *өйзэр* 'дома' и т. д.; во втором — *Әхмәттәр* 'Ахметы', 'Ахмет и члены его семьи, или его товарищи вместе', *атайым-дар* 'отец и мать' и др.

На основе анализа архаичных и диалектных материалов башкирского и других близкородственных тюркских, а также тунгусо-маньчжурских и монгольских языков авторы приходят к выводу, что аффикс множественного числа *-лар* развивался по следующей структурной схеме: корень или основа слова + праалтайский показатель множественного числа *-л* + пратюркский аффикс множественного числа *-а*, *-ә* + общеалтайский аффикс множественного числа *-р* > *-лар*: *бала-л-а-р* 'дети'. Основанием для такого вывода послужили следующие факты из разных родственных языков; ср.: хак. *си-р-ер* 'вы', башк. диал. *Фәрит-ә* 'Фариты'; узб. *биз-эр* или *биз-ар* 'мы' вместо лит. *биз-лар*: диал. *биз-ә* 'мы', *свз-ә* 'вы'³.

Башкирский аффикс множественного числа *-з* (<общетюрк. *-z*), как полагают

авторы, восходит к древнейшему показателю множественности *-t*, который был характерен, видимо, для алтайского языка-основы. К эпохе образования тюркского языка-основы *-t* успел уже превратиться в звонкий *-z* (>башк. *-з*).

Во второй главе дается история развития падежных форм. Как известно, в большинстве тюркских языков утвердилась парадигма из шести падежей: основного, родительного, дательно-направительного, винительного, местно-временного и исходного. Однако в отдельных языках имеются семь-восемь падежей: в чувашском, хакасском, якутском — восемь, карачаево-балкарском, караимском, казахском, тувинском, чулымском и шорском — по семь падежей. Разное количество падежей в близкородственных тюркских языках свидетельствует о недостаточной разработанности проблемы падежа.

В тюркологии существует много гипотез относительно путей развития падежных формантов. Так, например, по предположению Ф. Г. Исхакова, аффикс дательно-направительного падежа *-ға...* восходит к самостоятельному слову *ғар*, утратившему ныне свое значение⁴. А. М. Шербак аффикс исходного падежа *-дан...* возводит к деепричастию **таајын ~ тајан* 'сторонясь'⁵ и т. д. В отличие от них, авторы «Исторической грамматики башкирского языка» считают, что большинство падежных аффиксов образовалось путем фузионного сращения однофонемных элементов. Так, например, тот же аффикс дательно-направительного падежа *-ға, ға* (*-қа, -кә*) возник, по их мнению, в результате наращения однофонемных элементов: *-з* представляет собой древнетюркский аффикс винительного падежа, который выполнял функцию показателя определенности и образовал основу категории определенности, к которой впоследствии наращивался показатель пространственных падежей *-а(-ә)*. Убедительным доказательством этого факта могут служить аналогичные формы в родственных языках: в узбекском языке к имени с аффиксом принадлежности 3-го лица типа *бала-сы* 'его ребенок' наращивался древнетюркский аффикс винительного падежа на *-ү (-уу)*, затем элемент *-а*: узб. *боласи-га* 'его ребенку', 'на его ребенка'. В башкирском и других кыпчакских языках этой узбекской форме соответствует *баласы-на* (башк. *баланы-на-а*); в современных языках кыпчакской подгруппы винительный падеж от *баласы* 'его ребенка' — *бала-сы-н-а > баласы-н-а*; узб. *бола-си-ға* (в современном уз-

³ Ф. А. Абдуллаев. Фонетика хорезмских говоров. Ташкент, 1967, стр. 119.

⁴ Ф. Г. Исхаков. Имя существительное. — «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. II. Морфология», М., 1956, стр. 113.

⁵ А. М. Шербак. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (имя). Л., 1977, стр. 47.

бекском языке форма *бола-си-г* не функционирует).

Таким образом, в рецензируемой книге скрупулезно анализируется каждый формант и широко представляется сравнительный иллюстративный материал не только тюркских, но и монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. Все данные приводятся в строгой последовательности: каждый вывод подтверждается примерами как из самого башкирского языка, так и из его диалектов и говоров, а также материалами других алтайских языков. Так, например, анализ истории форм порядковых числительных, местоимений и глаголов основывается на данных более двадцати языков.

К числу отдельных недочетов издания можно отнести следующее: 1) исследование аффиксальных морфем, образующих формы принадлежности и сказуемости, проводится попутно с глаголами, тогда как этой проблеме следовало посвятить специальную главу; 2) изучение истории развития форм ча-

стей речи следовало бы вести не ретроспективно (от современного языка к древности), а наоборот — от древности до наших дней, установив на основании имеющихся фактов примерную парадигму, то есть систему этих форм; 3) авторы исходят в основном из алтайской теории, а также теории определенности — неопределенности, в результате чего ими неправильно отождествляются формы ряда категорий и излишне много места уделяется категории определенности; 4) встречаются недостатки и технического характера: ошибки в сносках, искаженные написания примеров, приводимых из различных языков, а также опечатки и т. п. Однако все эти частные недочеты не умаляют общего значения данного учебного пособия. Рецензируемая книга, несомненно, будет полезна для студентов, аспирантов, преподавателей и научных работников.

Ф. Р. Зейналов

«ВОПРОСЫ КАРАКАЛПАКСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ»

ИЗД-ВО «КАРАКАЛПАКСТАН», НУКУС, 1983, 252 стр.

Рецензируемый сборник посвящен исполнвшемуся в 1980 году семидесятипятилетию со дня рождения видного советского тюрколога, создателя первой научной грамматики каракалпакского языка, заслуженного деятеля науки РСФСР, Туркменской ССР, Казахской ССР и Каракалпакской АССР, доктора филологических наук, профессора Николая Александровича Баскакова.

Н. А. Баскаков одним из первых приступил к изучению алфавита и орфографии, истории и диалектологии, фонетики и грамматики каракалпакского языка. Под его руководством подготовлены национальные кадры квалифицированных языковедов для автономной республики.

Книга открывается статьей Д. С. Насырова, У. Д. Доспанова и А. Б. Бекбергенова о жизни и научной деятельности Н. А. Баскакова. Далее приводится полный перечень опубликованных трудов ученого, рецензий на них, литературы о Н. А. Баскакове.

В сборник включены статьи, посвященные общим и актуальным проблемам каракалпакского языка. В статье Д. С. Насырова «Диалекты каракалпакского языка» приведены общие сведения о диалектах каракалпакского языка, описаны их языковые особенности, дано научное обоснование диалектной системы каракалпакского языка. Автором проанализированы четырнадцать

отличительных признаков диалектов в области фонетики. Подробно описаны вокализмы каракалпакского языка, дифтонги и дифтонгоиды, пути изменения гласных звуков, редукция и элизия гласных, негубная и губная гармония гласных и т. д. На основе диалектных изменений гласных показаны междиалектные и внутридиалектные соответствия гласных звуков каракалпакского языка. Приводится анализ согласных звуков каракалпакского языка и таблица согласных фонем. В статье рассматриваются также морфологические особенности диалектов каракалпакского языка.

Статья Е. Бердимуратова посвящена развитию лексики официально-документального стиля каракалпакского языка, как одного из развитых функциональных стилей. Автором приводятся примеры из текстов присяг, переписки должностных лиц, писем-сговоров, официальных списков, соглашений и т. д., лексика которых зафиксирована в документах 30-х годов. Эти лексические особенности, присущие старому традиционному литературному стилю, автор связывает с развитием национального литературного языка и расширением функций официально-документального стиля. Им анализируются также разновидности официально-документального стиля каракалпакского литературного языка и их характерные устоявшиеся формы, раскрываются пути использования опыта аналогичного стиля рус-

ского литературного языка. В статье затронуты также вопросы пополнения каракалпакской терминологии арабо-персидскими и русскими заимствованиями, обогатившими словарный состав современного каракалпакского литературного языка.

В статье Р. Бекназаровой «Качественная характеристика согласных каракалпакского языка» на основе экспериментально-фонетического исследования подробно рассматриваются губные, переднеязычные, среднеязычные, заднеязычные, увулярные и фарингальные согласные каракалпакского языка. Широко представлены в статье результаты исследований согласных каракалпакского языка, полученные не только путем визуального наблюдения, самонаблюдения и дикторского анализа, но и при помощи объективных инструментальных средств — прежде всего кинорентгена, палатографирования и фотосъемки губных артикуляций. Экспериментальные данные дополнили артикуляционную характеристику согласных каракалпакского литературного языка.

В статье Х. Хамидова «Фонетическая характеристика каракалпакского письменного литературного языка XIX—начала XX в.» собран и проанализирован языковой материал письменных памятников, определен состав гласных и согласных фонем каракалпакского литературного языка XIX—начала XX века. При характеристике свойств фонем автор исходит из норм и особенностей современного каракалпакского языка, раскрывая их графическими средствами на фактах таких письменных источников, как «Алпамыс», «Ер Шора», рукопись сочинения Бердаха «Шеджере», «Хорезм», рукописи эпических произведений «Ер Коблан», «Гдиге» и др.

В статье К. Пирниязова «Формирование и развитие каракалпакской лингвистической терминологии» показаны закономерности возникновения и развития каракалпакской лингвистической терминологии, установлены основные принципы ее образования, даны рекомендации по ее упорядочению.

У. Д. Доспанов посвятил свою статью вопросам двух типов диалектно-профессиональной лексики каракалпакского языка: литературно-профессиональной и диалектно-профессиональной. Диалектно-профессиональная лексика делится им на две группы: диалектно-профессиональные слова с литературным эквивалентом и без него. Автор отмечает, что в настоящее время в разговорной речи и в художественной литературе профессиональные слова используются весьма активно.

Каракалпакские языковеды недавно завершили составление краткого фразеологического словаря каракалпакского языка. Этой работе посвящена статья А. Турабаева «О составлении фразеологического словаря каракалпакского языка». Автор отмечает, что словарь должен охватить все основные структурно-грамматические типы

(модели) фразеологизмов каракалпакского языка, в том числе субстантивные, адекватные, глагольные, адverbальные, междометные. Автор считает, что пословицы и поговорки, наряду с афоризмами и крылатыми выражениями, не следует включать в фразеологический словарь, так как в этом случае все категориальные признаки, присущие фразеологическим единицам, распространятся бы на другие словосочетания, имеющие вид законченных предложений.

О. Бекбаулов в статье «О структуре топонимов и этнонимов Приаралья» на основе исторических материалов показывает, что топоним *Наукас* образован от персидских паи 'новый' и *кас* 'крепость' и относится к хорезмскому диалекту персидского языка, а этнонимом *Нукус* появился пятнадцать веков спустя после топонима *Наукас*; этноним и этнонимом *Нөкис*, появление которого связано с нашествием монголов в Среднюю Азию, возник в XIII веке в результате слияния топонима *Наукас* и этнонима *нөкис*.

В статье «Части речи в каракалпакском языке» А. Бекбергенев утверждает, что в современном каракалпакском языке кроме общеизвестных частей речи имеются еще так называемые предикативные слова типа *бар*, *жоқ*, *керек*, *лазым*, *дәркар*, *хәжет*, *тийис* и др. Автор не относит их к модальным словам, ибо они не указывают на отношение говорящего к действительности, а, сливаясь с другими членами предложения, выступают сказуемыми.

Статья А. Жаримбетова «Займованная лексика и явление народной этимологии» посвящена некоторым тюркским заимствованиям в русских названиях растений. Автор доказывает, что тюркизмы в русских названиях растений, будучи этимологически изолированными в системе языка, подвергаются ложной этимологизации больше, нежели слова исконные. На их базе возникают новые слова, отрывающиеся от своих слов-источников и сосуществующие с ними как дублиеты. Некоторые из этих слов получают широкое распространение и входят в научную терминологию.

Т. Бегжанов в своей статье «Скотоводческая терминология в каракалпакском языке» анализирует обширный лексический материал, привлекая скотоводческие термины монголо-тюркского, таджикско-персидского и арабского происхождения. По его мнению, скотоводческая терминология по своей разработанности на основе исконного тюркского лексического пласта превосходит терминологию всех других отраслей сельского хозяйства.

Рецензируемый сборник является своеобразным научным отчетом каракалпакских языковедов об их деятельности, приуроченным к юбилею одного из основоположников советского каракалпакского языкознания Н. А. Баскакова.

Е. Мергенбаев

К. М. АБДУЛЛАЕВ. ПРОБЛЕМЫ СИНТАКСИСА ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКЕ

ИЗД-ВО «ЭЛМ», БАКУ, 1983, 110 стр.

В азербайджанском языкознании, как и вообще в тюркологии, многие вопросы синтаксиса, связанные со структурой простых предложений, все еще остаются нерешенными. К их числу относятся такие проблемы, как образование предложения с монопредикативной структурой, собственно грамматическое и логико-грамматическое членение предложения, соотношение однородных членов и параллельных компонентов в простом предложении, функционирование членов предложения в коммуникативном акте и т. д. Совершенно не изученным вопросом азербайджанского синтаксиса является актуальное членение предложения. Что же касается синтаксиса тюркских языков в целом, то не решенными остаются основные вопросы лингвистики текста.

Актуальность рецензируемой работы определяется тем, что в ней основные проблемы синтаксиса рассматриваются с новых научных позиций, анализируются особенности простого предложения в аспекте глубинных и поверхностных синтаксических структур языка и, наконец, изучается сам текст.

Как известно, в тюркологии вопросы предикативности членов предложения, в том числе неличных глаголов, издавна являются предметом полемики, продолжающейся по настоящее время¹. По мнению К. М. Абдуллаева в структуре простого предложения кроме основных предикативных членов имеются и квазипредикативные центры, являющиеся опорными точками в становлении монопредикативности.

В первой главе работы прослеживается развитие и формирование монопредикативной структуры в азербайджанском простом предложении. Наряду с анализом неличных глаголов, создающих в простых предложениях второй квазипредикативный центр, рассматриваются также другие возможные квазипредикативные центры в структуре простого предложения.

Во второй главе «Грамматическое членение предложения» члены предложения анализируются на основе данных исследований и интерпретаций последнего времени. Большой интерес вызывает постановка вопроса о глубинных и поверхностных синтаксических структурах в связи с коммуникативной и семантико-синтаксической направленностью предложения в азербайджанском языке. Рассматривая главные и второстепенные члены предложения, автор впервые приходит к заключению о формально-семантической структуре последних. Поскольку

при классификации членов предложения дополнение расценивается автором как потенциальное подлежащее (стр. 38), само подлежащее именуется доминирующим членом. В систему членов предложения азербайджанского языка в книге впервые вводится понятие «детерминанта».

В монографии впервые в азербайджанском языкознании исследуется проблема параллельных компонентов предложения. Проводится четкое разграничение однородных членов предложения и параллельных компонентов; последние определяются как более сложные структуры, то есть не как отдельные члены, а как группы членов предложения. Указывая на их роль в синтаксисе простого предложения автор пишет: «В современном азербайджанском языке предложения с параллельными компонентами функционируют своими разнообразными стилистическими видами и вариантами — усеченными и эллиптированными формами, позиционными расположениями, и, наконец, в разных структурных схемах» (стр. 51).

К. М. Абдуллаев утверждает, что в простом предложении не может быть двух и более однородных сказуемых, то есть, если в синтаксической единице имеется более одного сказуемого, то это предложение уже не является простым. (Подобный синтаксический комплекс было бы правильно интерпретировать как текст — сложное синтаксическое целое). Данное положение согласуется с мнением ряда других авторов, которые моносубъективные полипредикативные комплексы также не считают простыми предложениями².

В параграфе «Функционирование членов предложения в азербайджанском языке» рассматриваются вопросы эллипсиса и порядка расположения членов в предложении. Для азербайджанского языка этот порядок определяется в двух планах: «Первый — это план тактического расположения членов предложения, второй — стратегического расположения членов предложения» (стр. 59). Тактическое расположение членов предложения автор связывает со структурой конкретных синтаксических единиц, а стратегическое — с текстом: «Стратегическое расположение членов предложения предполагает изменение порядка слов в составе предложения с целью гармонического и плавного введения предложения в

¹ Н. З. Гаджиева. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., 1973, стр. 16.

² М. И. Черемисина. Моносубъективная конструкция. Понятие и типология. — В сб.: «Полипредикативные конструкции и их морфологическая база (на материале сибирских и европейских языков)», Новосибирск, 1980, стр. 6—63.

состав текста (сложного синтаксического целого), где оно в действительности функционирует» (стр. 60).

Глава «Актуальное членение предложения в азербайджанском языке», самая значительная по объему, является, с нашей точки зрения, наиболее интересной. В содержательной структуре предложения выделяются два основных семантических компонента предложения — тема и рема. Определяя их, К. М. Абдуллаев высказывает следующее мнение: «Субъект суждения фактически можно отождествить с темой высказывания на речевом уровне, а предикат суждения соотносится с ремой высказывания» (стр. 72). Далее при анализе актуализации данных семантических компонентов рассматриваются: роль порядка слов, формальные (грамматические) средства и просодические явления. Определяются также сильная и слабая актуализация членов предложения, в том числе подлежащего, дополнения, обстоятельства, определения, сказуемого и указывается связь рематизации членов предложения с актуализаторами — формальными (грамматическими) средствами: *да//дә, белә, өзү, өзү+дә, бөјүк+бөјүк* и др. Здесь же выделяются деактуализаторы в их сопоставлении с актуализаторами. Следует отметить, что введение этих терминов способствует эффективному применению методов актуального членения.

В последней главе монографии «Обоснование синтаксического исследования текста» впервые в азербайджанском языкознании (как и в тюркологии) определяются некоторые характерные семантико-синтаксические признаки текста. Автор утверждает, что «именно текст, а не предложение представляет собой определенную информативную ценность благодаря внутренним многообразным семантико-грамматическим взаимоотношениям между отдельными предложениями, входящими в состав текста» (стр. 99).

Хотя на материале азербайджанского языка отдельные положения актуального членения уже рассматривались автором в предыдущей главе (стр. 73), само обоснование синтаксического исследования текста здесь дается впервые.

При всех своих достоинствах работа не лишена и отдельных недостатков. Так, например, анализируя квазипредикацию в структуре простых азербайджанских предложений, автор указывает несколько предикативных точек. Если исходить из критериев автора, то, например, в бытующем в живой речи выражении *Әлдү вар, дөндү жохдур* 'Пусть хоть смерть — возврата нет', можно отметить четыре предикативных центра, а в сложном существительном инкорпорированного типа *қәлмәниқәрдәрдим-дәнәл* букв. 'Приди, взгляни на меня и умри от тоски по мне' (название ткани) — три предикативных центра. В действительности же в первом примере предложение имеет всего два предикативных центра (*әлдү* и

дөндү выступают субъектами). Что же касается второго примера, то он вообще не является предложением — в народе много таких существительных, образовавшихся в результате слияния составляющих их компонентов в единое образное целое: *куча-мәндәрқәлир* букв. 'улица для меня тесна' (название ткани), *папагалдыгач* букв. 'хват-тай папаху, беги', *чызыхданчымах* букв. 'выходить за черту' (название игр) и т. д. Таким образом, при определении предикативных центров нельзя полагаться только на интонацию или глагольные формы, а следует учитывать также лексическую и грамматическую семантику.

Солитаризируя со сторонниками квазипредикации и реализуя их мысли применительно к фактам азербайджанского языка, К. М. Абдуллаев полемизирует с их теоретическими положениями. Желательно было бы, чтобы автор несколько углубил эту полемику.

По-видимому, в ряде случаев квазипредикация выделяется особенно отчетливо. Сюда относятся деепричастные обороты, прежде всего деепричастия с аффиксом *-ыб*, ибо эта форма в процессе исторического развития в направлении к форме некатегорического прошедшего времени имела переходную семантику.

В предложении *Ананын инди дә өмрү ке-чиб, әлдән дүшүб, сәндә ону ахыр күнүндә көздән гојмајасан, һәм мәним руһм сәндән разы олар, һәм аллах* 'Мать твоя прожила свою жизнь, обессилила, и если ты не оставишь ее в последние дни жизни, то и мой дух будет доволен тобой, и аллах' (стр. 11), глагольное сказуемое *гојмајасан* 'не оставишь' интерпретируется как условное, хотя в нем нет никакого условного содержания. Дело в том, что словом *гојмајасан* завершается предложение и между ним и последующей частью существует сочинительная связь; следовательно, эти части должны отделяться точкой. Такой тип предложений широко распространен в языке классической прозы. Приведенный выше вывод объясняется, по-видимому, сопоставлением этих предложений с конструкциями современного языка.

В монографии многозначные синтаксические единицы охарактеризованы как омонимичные формально-поверхностные структуры (стр. 47). Однако, мы полагаем, что на синтаксическом уровне языка существует только омонимия моделей, то есть имеются омомодели словосочетаний и предложений, а не их лексических наполнений. При адекватном лексическом наполнении и единой структурной схеме синтаксических единиц проявляется многозначность, полностью обусловленная контекстом, то есть понятие синтаксической омонимии полностью исключается. В данном случае можно говорить лишь о синтаксической многозначности.

Указанные недочеты не снижают общей ценности рецензируемой работы, значение

которой выходит за рамки азербайджанского языкознания, — ее выводы и положения могут быть с успехом использованы

и при изучении аналогичных проблем других тюркских языков.

Т. И. Гаджиев, М. М. Мусаев

Э. ЭФЕНДИЗАДЕ. ОРФОГРАФИЈА-ОРФОЕПИЈА-ГРАММАТИКА ЛУҒӘТИ

«МААРИФ» НӘШРИЈАТЫ, БАҚЫ, 1983, 88 стр.

Проблемы орфографии, пунктуации, орфоэпии и т. п. стали объектом изучения с первых же лет Советской власти в Азербайджане. Как известно, совершенные, стабильные нормы устной литературной речи складываются в период завершения формирования национального литературного языка и расширения сферы его применения. Коренные качественные изменения в социально-политической, культурной, экономической жизни азербайджанского народа, расширение производственной сферы и т. д. в значительной степени способствовали развитию выразительных возможностей устной речи. Азербайджанские ученые сделали немало для изучения орфоэпии азербайджанского языка. Рецензируемый «Орфографический-орфоэпический-грамматический словарь» А. Эфендизаде также посвящен этой проблеме.

В данный словарь включено более семи тысяч слов. Наряду с общеупотребительными словами в него вошли также географические названия, имена и фамилии исторических личностей, литературных и общественно-политических деятелей. Главная ценность издания заключается в его практическом значении для студентов и учащихся учебных заведений, специалистов самого различного профиля, широкого читателя.

Незадолго до выпуска рецензируемого словаря был издан «Орфоэпический словарь азербайджанского языка»¹. Некоторые слова в этом словаре сопровождаются соответствующими пояснениями; например: *анонс* (афиша, объявление, сообщаемое о будущем представлении), *алфа* (первая буква греческого алфавита), *аморф* (бесформенный), *аман-заман* (всего), *алге* (растение), *маһәк даһи* (пробный камень для определения содержания золота, серебра), *нара* (рыба), *мәс'уд* (счастливый), *махф'и* (тайный), *банкрот етмәк* (обанкротить) и т. д.

Формирование норм языка — процесс исторический, непрерывно развивающийся. Он характеризуется многовариантностью, параллельным функционированием различ-

ных написаний и произношений одних и тех же слов. Таким образом, нормы в процессе исторического развития языка изменяются и совершенствуются. Так, было время, когда форма прошедшего повествовательного времени на *-ыб* считалась нормой, в дальнейшем она стала употребляться все реже, а в последние десять-пятнадцать лет эта форма вновь стала входить в употребление.

Установление норм устного литературного языка имеет специфические особенности и трудности. Автор рецензируемого издания во многих случаях достаточно успешно преодолел их. Иногда автор для этого пользуется примечаниями: «Многосложные слова, в конце которых пишется *г*, но произносятся *х* или *ғ*, даются в словаре в основном в написании через *х*, например *гашыг* [гаших], *јајлаг* [јајлах], *охумаг* [охумах] и т. д. Следует учесть, что произношение таких слов через *ғ* также считается правильным с точки зрения литературного языка» (стр. 4). Однако, в упомянутом выше «Орфоэпическом словнике азербайджанского языка» говорится: «В конце многосложных слов, оканчивающихся на письме звуком *г*, иногда отмечается произношение через *х* или *ғ*, а слов с конечным *к* — через *х* (*их*) или *ј*. Оба эти варианта можно считать правильными. Однако, учитывая то, что перед аффиксами, начинающимися с гласного, происходит чередование звуков *г*→*ғ*, *к*→*ј*, в орфоэпическом словаре мы сочли правильным сохранение вариантов с произношением через *ғ* и *ј*»². Так или иначе, решение вопроса о правильном произношении звуков *г* или *к* в той или иной позиции еще ждет своего решения.

Определенную часть приведенных в рецензируемом словаре слов, составляют различные заимствования. В большинстве случаев такие слова приводятся в основном в той форме, в какой они произносятся в своем языке, однако с учетом фонетических особенностей азербайджанского языка: *натаријус*, *натаријал*, *навакајин*, *Напалјон* и т. д. В устном литературном языке буква

¹ «Азәрбајҹан дилинин орфоэпија сөзлүҹү», Бақы, 1983.

² «Азәрбајҹан дилинин орфоэпија сөзлүҹү», стр. 10.

о обычно произносится как *а*. Однако почему-то это распространенное явление в словаре не всегда учитывается. Например, на 49-й странице словаря рекомендуется следующее произношение: *норматив, нормал*. Не соблюдается иногда последовательность и в произношении однокоренных слов, например: в слове *монголлар* первую гласную рекомендуется произносить как *о*, а в слове *Монголустан* уже как *а*. На 29-й странице рекомендуется произношение *Индонезија* и одновременно: *инданезијалы(лар)*.

В словаре приводятся склонение и указание на правильное употребление некоторых слов (*манафё, мэнбэ, мөвгё, мөвзү* и т. д.), при наращении к которым аффиксов принадлежности, они уже не подчиняются общим правилам склонения. Автор прав специально останавливаясь на этом, так как ошибки в написании таких слов допускаются довольно часто.

На наш взгляд, не было необходимости приводить в словаре слова-архаизмы, встречающиеся в основном в классической литературе и в исторических источниках, например: *намутанай* (стр. 48), *бэрр-бијабан* (стр. 13), *бэгэдри-гүввэ* (стр. 12), *вагийн* (стр. 15) и т. д. Вряд ли следовало приводить также такие слова, как *идеал, идеализм, идеја, идеблог, идеоложи* (*идијал—идијолог, идијализм—идијалож*). Хотя и допустимо говорить *идијал*, но произношение в форме *идејалож*, вместо *идијалож* представляется более оправданным.

Одним из достоинств словаря является то, что автор наряду с орфографией и орфоэпией слов уделяет внимание и их лексико-грамматической принадлежности. Однако порой отнесение одних и тех же лексических единиц, в зависимости от их синтаксических функций, к одному или же сразу к двум частям речи создает трудности для читателя, не имеющего специальной лингвистической подготовки. Например, слово *арыјабахан* (стр. 9) 'пчеловод', по-

дается как существительное и прилагательное, *астагачан* (там же) 'медленнобегающий' только как существительное (для ясности это слово лучше было бы привести в сочетании), *анаданкэлмэ* (стр. 8) 'прирожденный' приводится как прилагательное, *аналы-аталы* 'имеющий родителей' — как прилагательное и наречие, *аналы-балалы* (стр. 8) 'с матерями и детьми' — как наречие.

Для правильного произношения очень важно указать ударение. В словаре ударения в основном расставлены верно, однако имеются и некоторые неточности: *аранакимй* (стр. 9), *Гарашанэр* (стр. 18), *залымчасын* (стр. 28), *коммунистчасинэ* (стр. 35), *астагачан* (стр. 9), *нэрмэ-назык, нэзар-диггэт* (стр. 48), *бишунда:ры* (стр. 14).

Сложные слова *аранакимй, Гарашанэр* должны были бы, на наш взгляд, сопровождаться указанием двух ударений — сильного и слабого; в слове *коммунистчасинэ* ударение поставлено верно (падает на первое *и*), а в слове *залымчасына* — оно ошибочно указано на последнем слог. Сложные слова *нэрмэ-назык, нэзар-диггэт*, пишущиеся через дефис, имеют два ударения, однако в словаре приводится только одно.

В тексте встречаются, к сожалению, и орфографические ошибки. На странице 19 вместо слова *гыјгачы* в кавычках курсивом дается *гајгачы бахды, гајгачы кулумсэди*; вместо *дадды-тамлы* приводится *дадды-тамны* (стр. 21) и т. д.

Рецензируемый словарь, несмотря на частные недостатки, имеет большое практическое значение, являясь ценным справочником по устному и письменному литературному азербайджанскому языку для учащихся, преподавателей, работников средств массовой информации и культурных учреждений.

И. О. Мамедов

КАБЫЛ МАКСЕТОВ. ҚАРАҚАЛПАҚ ЖЫРАУ, БАҚСЫЛАРЫ

«ҚАРАҚАЛПАҚСТАН» БАСПАСЫ, НӨКИС, 1983, 207 стр.

Каракалпакские жырау и баксы были основными создателями и носителями фольклорных произведений своего народа. Однако изучение их жизни и творчества началось только в конце 50-х—начале 60-х годов.

В работах Н. Давкараева¹, И. Сагитова² приводятся краткие сведения о каракалпакских баксы и жырау. Отдельные факты из их биографии и о творчестве имеются в работах Қ. Айымбетова³, Т. Адамбаевой⁴, Қ. Мамбетова⁵ и др. Ряд статей о каракалпакских народных сказителях опубликован Қ. Максетовым⁶.

Рецензируемая книга К. Максетова «Қарақалпақ жырау, бақсылары» («Каракалпакские народные жырау, баксы») является первой работой, специально посвященной изучению творчества народных сказителей. От предшествующих работ, она отличается большей глубиной и широтой анализа, богатством привлеченного фактического материала. Значительная часть книги посвящена освещению жизни и творчества тех баксы и жырау, о которых до сих пор в литературе почти ничего не сообщалось.

К. Максетов впервые пишет о наиболее известных талантливых народных сказителях не только как об исполнителях эпоса, но и как его самобытных творцах, владеющих даром поэтической импровизации. Он стремится раскрыть взаимосвязь индивидуального и коллективного творчества, показать влияние крупных баксы и жырау на развитие каракалпакской народной поэзии и музыки.

К. Максетов — автор более десяти книг по фольклору, каждая из которых отличается глубиной научного анализа, обоснованностью высказываемых автором суждений. Он видит в эпическом и музыкальном репертуаре каракалпакских жырау и баксы национальное духовное достояние каракалпакского народа (стр. 6), без которого возникновение и успешное развитие современ-

ной каракалпакской художественной литературы, музыки и искусства было бы невозможно. Отмечая, что фольклор тюркоязычных народов имеет общие истоки и является их общим достоянием, автор уделяет большое внимание взаимосвязям каракалпакского фольклора с фольклором других братских народов — узбеков, туркмен, азербайджанцев, казахов и других.

Анализируя творчество бухарских каракалпакских жырау XIX века Шанкота и Бегмурата, К. Максетов отмечает, что их творчество входит как в узбекский, так и в каракалпакский фольклор (стр. 54). Он описывает инструменты, которыми пользуются баксы и жырау, — дутар и кобыз, называет народные мелодии и песни исполняющиеся на каждом из них. Создателями дастанов являлись самые талантливые народные жырау и баксы. Исполнители дастанов подвергали их творческой переработке, обновляли их содержание, вносили изменения, сокращая или дополняя отдельные эпизоды, обогащая сюжет. Этим объясняется многовариантность дастанов (стр. 90). Отдельно останавливается автор на творчестве особо одаренных жырау и баксы, выступавших поэтами-импровизаторами и сыгравших значительную роль в развитии фольклора своего народа.

К. Максетов устанавливает количество записанных фольклористами вариантов почти всех каракалпакских дастанов, входящих в репертуар каракалпакских жырау и баксы, характеризует их исполнительское мастерство. Он насчитывает до семи вариантов дастанов «Қоблан» и «Алламыс», четырех вариантов «Маспатша», двух вариантов «Қырық қыз» («Сорок девушек»), трех вариантов «Бозуғлан» и т. д., указывая какой вариант, когда, кем, в каком объеме, из чьих уст записан и какой из них наилучший. Так, например, первый вариант дастана «Бозуғлан», записанный в 1938 году Х. Таджимуратовым и К. Абибуллаевым из уст Абдреима-жырау, составляет три тысячи поэтических строк; второй вариант, записанный в 1961 году от Каипназара-жырау, содержит четыре тысячи строк; третий вариант этого же дастана, записанный в 1961 году К. Мамбетназаровым от Кияса-жырау, включает уже девять тысяч строк. По полноте и художественным достоинствам этот вариант считается наилучшим (стр. 105). Многовариантность дастанов в репертуаре жырау и баксы, по мнению автора, обогащает фольклор.

Начиная с 50-х годов, К. Максетов возглавлял ежегодные фольклорные экспедиции в районы КК АССР и за ее пределы. Им были записаны новые варианты эпосов

¹ Н. Давкараев. Очерки по истории дореволюционной каракалпакской литературы. Ташкент, 1959, стр. 21—27.

² И. Сагитов. Қарақалпақ халқының қадарманлық эпосы. Нөкіс, 1963, стр. 42—53.

³ Қ. Айымбетов. Халық даналығы. Нөкіс, 1968, стр. 73—103, 140—168.

⁴ Т. Адамбаева. Революцияға шекемгі қарақалпақ музыкасы. Нөкіс, 1976, стр. 57—101.

⁵ К. Мамбетов. Эйлемгі карақалпақ эдебиаты. Нөкіс, 1976, стр. 111—123, 130—174.

⁶ К. Максетов. Журнал «Әмударья», Нөкіс, 1956, № 3; 1960, № 6; 1963, № 9; 1970, № 6; 1971, № 9; 1973, № 5; 1976, № 7; 1979, № 3; 1980, № 2; 1981, № 2.

«Алпамыс», «Қырық қыз», «Коблан», «Шарьяр», «Юсуп и Ахмет», «Горуглы», «Даулетярбек», «Ашык Нәжеп», «Бозуглан», «Карабек», «Едиге» и других от целого ряда каракалпакских народных сказителей. Экспедиции и многолетняя работа автора над эпосом позволили ему собрать обширный фольклорный материал. На основе этих материалов К. Максетову удалось раскрыть творческие биографии видных народных сказителей, среду и условия их жизни, пути их прихода в искусство, степень их таланта, объем репертуара, школу и манеру исполнения. Многие из них, отмечает автор, известны не только как профессиональные сказители и певцы, но и как поэты и композиторы, создатели новых оригинальных дастанов и мелодий.

Анализируя и сопоставляя репертуар народных сказителей, К. Максетов обнаружил взаимовлияние и взаимообогащение их творчества. Почти все каракалпакские жырау включают в свой репертуар дастан «Алпамыс», а все баксы — дастаны «Гариб ашык» и «Юсуп и Ахмет». Автор подробно останавливается на репертуаре крупного каракалпакского народного сказителя Курбанбая-жырау, включающем почти тридцать дастанов, большинство из которых отсутствуют в репертуаре других жырау. Каждый жырау имеет свой вариант эпоса и свою манеру исполнения. Так, например, казахская версия «Алпамыса» содержит

2000 поэтических строк, в варианте Кияс-жырау — 10000 строк, у Курбанбая-жырау — 14000 строк, в варианте Есемурата-жырау — 18000 строк (стр. 71, 90).

К. Максетов считает, что баксы в большинстве случаев были грамотнее жырау, так как они передавали не только устные, но и письменные дастаны, такие, например, как «Горуглы», «Юсуп и Ахмет», «Гариб ашык», «Саятхан-Хамра» и многие другие.

К. Максетов пишет, что тюркские фольклор и литература издавна воздействовали друг на друга, и известные каракалпакские поэты XVIII и XIX веков Жиен, Кунходжа, Ажинияз, Бердах, Отеш, Омар и другие в своем творчестве постоянно обращались к лучшим образцам фольклора (стр. 201). Современная каракалпакская поэзия, музыка, проза, драматургия, актерское и вокальное искусство непосредственно восходят к творчеству баксы и жырау (стр. 201—203). Основоположники каракалпакской советской литературы С. Мажитов, А. Мусаев, К. Аvezов, А. Утепов, видные современные каракалпакские писатели А. Дабылов, С. Нурымбетов, Ж. Аймурзаев, Т. Жумамуратов и их молодые коллеги широко используют художественные приемы жырау и баксы (стр. 206).

Рецензируемая книга К. Макsetова будет, несомненно, с интересом встречена фольклористами.

А. Пирназаров

ГЭЗЭНФЭР ҚАЗЫМОВ. КОМИК-БӘДИИ ВАСИТӘЛӘР

«ЖАЗЫЧЫ» НӘШРИЯТЫ, БАҚЫ, 1983, 188 стр.

С древнейших времен устно-поэтическое творчество народа, а в дальнейшем и письменная художественная литература постоянно обращалась к приемам сатирического и комического осмысления и отображения явлений действительности.

Искусству комедии как форме художественного отражения действительности посвящено много работ, однако вопрос о языке как важнейшем источнике создания комического эффекта исследовался мало. Именно последней проблеме и посвящена рецензируемая книга Г. Казымова «Художественно-комические средства».

Кратко остановившись на истории исследования языка и стиля произведения азербайджанской художественной литературы, Г. Казымов подробно разбирает средства выражения комического в прозе видных азербайджанских писателей 20-х и последующих годов: — Т. Шахбази (Симурга), Б. Талыблы, Кантемира, Мир Джалала, С. Рахмана. Автор выявляет комический потенциал слова как единицы язы-

ка, рассматривает семантические возможности собственных имен и прозвищ, диалектных слов и заимствований, вулгаризмов, архаизмов, неологизмов, тропов, пословиц, поговорок, афоризмов и т. д. в создании комического эффекта при отображении различных жизненных ситуаций.

Книга рассчитана на широкий круг читателей и состоит из двух разделов. В первом разделе «Комизм и язык» автор говорит об эмоциональной силе смеха, о языковых средствах создания комического эффекта, об истории изучения искусства комедии.

Второй раздел посвящен лексическим и фразеологическим средствам выражения комического. Автор останавливается на комическом потенциале слов, на их образности и многозначности, характеризует такие приемы создания комического эффекта, как каламбур, сравнения, использование фразеологизмов, пословиц, поговорок и афоризмов. Полутно Г. Казымов вступает в полемику с другими исследователями, при-

водя убедительные научные доводы в защиту своей точки зрения.

Как известно, в азербайджанском литературоведении нет еще единого мнения о средствах и способах достижения комического эффекта, не охарактеризована достаточно убедительно их сущность. Выражая свое негативное отношение к запутанному толкованию терминов «средства» и «способы» создания комического, Г. Казымов подчеркивает, что непосредственным источником комического эффекта часто выступает сам язык, его конкретная единица — слово. К способам создания комического эффекта он относит интонационные и художественно-стилистические приемы — иронию, деформирование фактов, событий и характеров, комические недоразумения и несоответствия, нарушение норм логики и т. д. По мнению автора, к важнейшим комическим средствам относятся два фактора: интонация и комическая ситуация.

Значительное место отводится в книге характеристике сатирических приемов упомянутых выше писателей — сотрудников азербайджанского журнала начала XX века «Молла Насреддин». Используя в своем творчестве такие лексико-стилистические средства как фигуральные выражения, комические сопоставления, обыгрывая собственные имена и прозвища, подчеркивающие типические черты характера подвергаемых осмеянию персонажей, эти писатели создавали масштабные произведения комического и сатирического плана. Комический эффект создавался ими, например, путем неожиданного употребления слова в чуждом ему контексте, то есть путем остроумного переосмысления его привычной семантики. Слова, относящиеся к различным стилистическим пластам языка (к научному, художественному стилю, к канцелярской, профессиональной и просторечной лексике, к диалектизмам), умело употребленные в чуждой им стилистической среде и контрастирующем с ними контексте, приобретали острое комическое звучание.

Автор утверждает, что в языке писателя каждая речевая единица способна нести комическую нагрузку. Особенно эффективно в этом отношении использование эмоциональной лексики, выражающей преувеличенную похвалу, неуместные проклятия и брань.

Г. Казымов подробно разбирает и комические возможности фразеологических единиц, особенно народных речений и афоризмов. Язык прозаических произведений, анализируемых автором, прекрасно иллюстрирует это положение. В прозе 20—30-х годов был распространен прием достижения комического эффекта путем замены общепринятых в литературном языке фразеологических единиц их просторечными или диалектными вариантами.

К недостаткам рецензируемой книги можно отнести то, что в ней автор в основном опирается на литературоведческие работы, тогда как ему следовало бы более полно использовать и существующую языковедческую литературу, в той или иной мере освещающую исследуемую им проблему.

Г. Казымов высказывает мнение, что проклятия и бранные слова и выражения были первыми сатирическими элементами, использованными в народном творчестве. Впоследствии с развитием литературных жанров комедии и сатиры они стали включаться в качестве готового языкового средства в литературные произведения. Эта мысль автора представляется нам весьма сомнительной, ибо проклятия и бранные слова вряд ли могут быть отнесены к элементам сатирического изображения жизненных явлений. Этот пласт эмоциональной лексики наряду с другими привлекался писателями-сатириками лишь как одно из средств достижения комического эффекта.

Высказанные замечания не умаляют общей ценности работы Г. Казымова, обобщившей результаты многолетних творческих поисков ее автора.

Г. Машадиев, М. Махмудов

PERSONALIA

РАБИГА ГАЛИЕВНА СЫЗДЫКОВА

(К шестидесятилетию со дня рождения)

Видному казахскому языковеду, члену-корреспонденту Академии наук Казахской ССР, доктору филологических наук, профессору Рабиге Галиевне Сыздыковой исполнилось шестьдесят лет.

Р. Г. Сыздыкова родилась 17 августа 1924 года в Уильском районе Актюбинской области. В 1941 году она окончила Темирское педучилище, а в 1947 году — Казахский педагогический институт им. Абая, где прошла и курс аспирантуры. Потом она работала в издательстве «Мектеп», а с 1957 года по настоящее время трудится в Институте языкознания Академии наук Казахской ССР.

Перу Р. Г. Сыздыковой принадлежат свыше семидесяти работ, в том числе пятнадцать отдельных изданий. Работы Р. Г. Сыздыковой характеризуются широтой и многообразием тематики, охватывают многие проблемы лексики и лексикографии, морфологии и синтаксиса, алфавита и орфографии, литературного языка и др.

Еще в начале 50-х годов Р. Г. Сыздыкова проявила живой интерес к лингводидактике. Она участвовала в создании учебников казахского языка для старших классов русских школ (1952—1953), является автором букваря для взрослых (1958, 1963), Программы для обучения грамоте взрослых (1958, 1960, 1963), Правил казахской пунктуации (1961), Орфографического словаря казахского языка (1960, 1973), Справочника по орфографии и пунктуации для издательских работников и учителей (1960, 1974). Позднее Р. Г. Сыздыкова участвовала в составлении Программы по истории казахского литературного языка для университетов, педагогических институтов (1965, 1969, 1975) и вузовского учебника по той же дисциплине (1968).

Особое место в работах Р. Г. Сыздыковой занимают вопросы литературного языка вообще и языка художественной литературы в частности. Значительными исследованиями в этой области являются ее работы о языке

произведений Абая Кунанбаева. Первой из них была ее кандидатская диссертация «Основные морфологические особенности языка Абая», защищенная в 1959 году. В 1968 году вышла в свет монография «Язык произведений Абая» (в 1971 году она защитила докторскую диссертацию под тем же названием), в 1970 году — исследование о синтаксической структуре стихов Абая.

В последние годы Р. Г. Сыздыкова много занимается изучением теоретических и прикладных проблем культуры речи. Под ее руководством осуществляется большая работа по кодификации норм казахского языка, составлению словарей, справочников, пособий, рассчитанных на учащихся школ и вузов, преподавателей казахского языка, актеров, издательских работников, широкие слои казахской интеллигенции.

Большую работу ведет Р. Г. Сыздыкова и как редактор. Под ее редакцией издано

несколько монографий, сборников. Она является членом редколлегии нескольких журналов.

Р. Г. Сыздыкова уделяет постоянное внимание подготовке научных кадров, под ее руководством выполнено несколько кандидатских диссертаций.

Многолетняя научно-исследовательская, педагогическая и общественная деятельность Р. Г. Сыздыковой отмечена орденом «Знак Почета», Почетными грамотами Президиума Верховного Совета Казахской ССР.

В 1980 году Р. Г. Сыздыкова была избрана членом-корреспондентом Академии наук Казахской ССР. В 1984 году ей было присвоено звание заслуженного деятеля науки Казахской ССР.

Многочисленные коллеги, друзья, ученики Рабиги Галиевны Сыздыковой горячо поздравляют ее с юбилеем и желают ей доброго здоровья, больших успехов в научной и педагогической деятельности.

Ш. Сарыбаев, М. Копыленко

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

- Х. Г. Нигматов (Бухара). О классификации грамматических категорий в тюркских языках 3

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

- Н. А. Баскаков (Москва). О тюркских лексических заимствованиях в русском языке 10
И. В. Дрон (Кишинев). Тюркско-восточнороманские языковые взаимосвязи 17

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

- А. Ю. Абдуллатипов (Махачкала). О формах реализма в кумыкской дореволюционной литературе 27

ОНОМАСТИКА

- С. М. Моллазаде, Г. Э. Кулиева (Баку). Азербайджанская топонимия в русских письменных источниках 32

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

- А. Ходжиев (Ташкент). Словообразование или заимствование? 39

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ

- А. Н. Кононов (Ленинград). Борис Яковлевич Владимирцов — тюрколог 44

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

- А. Б. Абдуллаев (Бухара). Конструкции с билатеральной чужой речью в узбекском языке 53
Х. Х. Салимов (Елабуга). Аккомодация гласных в татарском языке 60
Ф. С. Сафиуллина, Ф. Г. Галлямов (Казань). Повторы как грамматическое средство в современном татарском языке 68
Б. И. Татаринцев (Кызыл). О происхождении тюркского наименования неба (tāŋŋi и его соответствия) 73
А. Б. Халидов (Ленинград). «Диван лугат ит-тюрк» в сравнительном освещении с его арабским прототипом 85
У. Д. Доспанов (Нукус). О современном состоянии каракалпакской лексикографии 91

РЕЦЕНЗИИ

- Ч. Р. Зейналов (Баку). А. М. Азнабаев, В. Ш. Псянчин. Историческая грамматика башкирского языка 98
Е. М. Мергенбаев (Нукус). «Вопросы каракалпакского языкознания» 100
Т. И. Гаджиев, М. М. Мусаев (Баку). К. М. Абдуллаев. Проблемы синтаксиса простого предложения в азербайджанского языке 102
И. О. Мамедов (Баку). Э. Эфендизаде. Орфографија-орфоепија-грамматика лугати 104
А. Пирназаров (Нукус). Кабыл Максетов. Каракалпак жырау, бақсылары 106
Г. Машадинов, М. Махмудов (Баку). Гээнфэр Казымов. Комик-бәдди васителәр 107

PERSONALIA

- Ш. Сарыбаев, М. Копыленко (Алма-Ата). Рабига Галиевна Сыздыкова 109

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

- Kh. G. Nigmatov* (Bukhara). On Classification of Grammatical Categories of the Turkic Languages . . . . .

LANGUAGES IN CONTACT

- N. A. Baskakov* (Moskow). On Turkic Lexical Borrowings in Russian . . . . .
I. V. Dron (Kishinev). Turkic — East Roman Linguistic Interrelation. . . . .

PROBLEMS OF LITERARY CRITICS

- A. Y. Abdullatipov* (Makhachkala). On Forms of Realism in Kumyk Prerevolutionary Literature . . . . .

ONOMASTICS

- S. M. Mollazade, G. E. Kuliyeva* (Baku). Azerbaijan Toponymy in the Russian Written Records . . . . .

DISCUSSIONS

- A. Hodjiyev* (Tashkent). Word-Formation or Borrowing? . . . . .

HISTORY OF NATIONAL TURCOLOGY

- A. N. Kononov* (Leningrad). Boris Yacovlevitch Vladimirtsov — turko'logist . . . . .

REPORTS, SURVEYS

- A. B. Abdullayev* (Bukhara). Constructions with Bilateral Foreign Speech in Uzbek . . . . .
Kh. Kh. Salimov (Yelabuga). Accomodation of Vowels in Tatar . . . . .
F. S. Safiullina, F. G. Gallimov (Kazan). Reduplication as a Grammatic Means in Modern Tatar . . . . .
E. I. Tatarintsev (Kyzyl). On the Origin of the Turkic *tänri* («sky») and its correspondences . . . . .
A. B. Khalidov (Leningrad). «Divan Lugat it-Türk» in Comparative Interpretation with its Arabic Archetype . . . . .
U. D. Dospanov (Nukus). On Modern Status of Karakalpak lexicography . . . . .

REVIEWS

- F. R. Zeinalov* (Baku). *A. M. Азнабаев; В. Ш. Псянчин. Историческая грамматика башкирского языка* . . . . .
E. M. Mergenbayev (Nukus). «Вопросы каракалпакского языкознания» . . . . .
T. I. Gadjiyev, M. M. Musayev (Baku). *К. М. Абдуллаев. Проблемы синтаксиса простого предложения в азербайджанском языке* . . . . .
I. O. Mamedov (Baku). *Э. Эфэндизадэ. Орфографија-орфоэпија-грамматика лугәти* . . . . .
A. Pirnazarov (Nukus). *Җабыл Максетов. Җаракалпак жырау, баксылары* . . . . .
G. Mashadiyev, M. Makhmudov (Baku). *Гәзәнфәр Қазымов. Комик-бәдии заситәләр* . . . . .

PERSONALIA

- Sh. Sarybayev, M. Kopylenko* (Alma-Ata). *Rabiga Galliyeвна Suzdykova* . . . . .